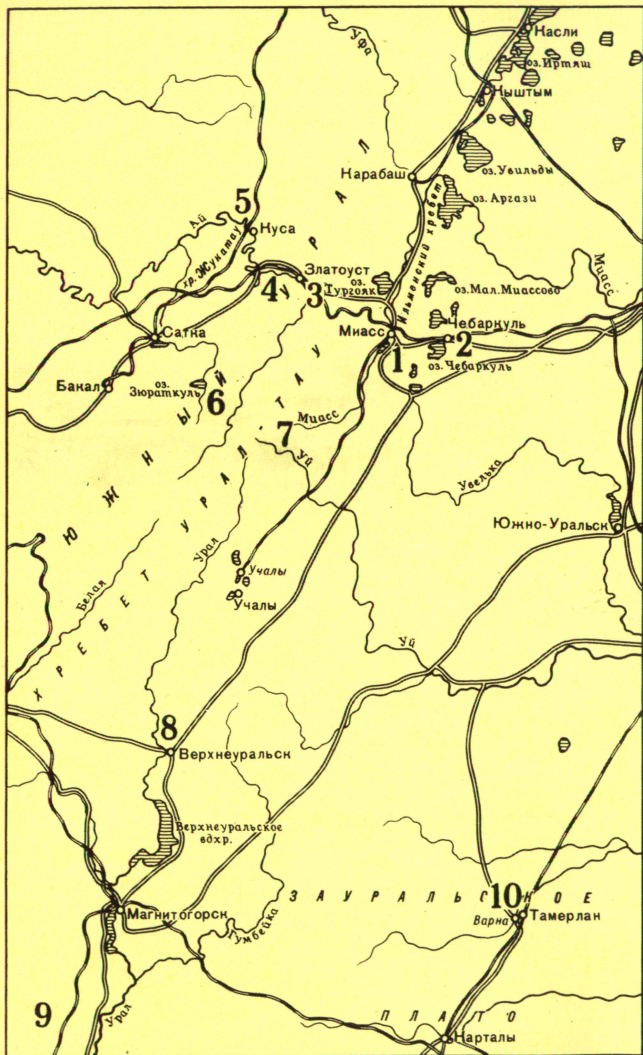

ЯШМОВЫЙ
ПОЯС
УРАЛА

1. Церковь в Миассе.
1889
2. Сосуд с «уточками».
Чебаркульская стоянка.
III тыс. до н. э.

3. Монумент
на границе Европы и Азии.
1892

4. Памятник П. Аносову
в Златоусте. Скульпторы
А. Антропов и Н. Штамм,
архитектор Т. Шульгина.
1954

5. Конь.
Скульптор П. Клодт.
Чугунное литье.
1900

6. Каменная мотыга.
Стоянка Каменный мыс
на озере Зюраткуль.
III тыс. до н. э.

7. Ваза
из аушкульской яшмы.
Мастер Я. Коковин.
1833

8. Чаша-храм
из кушкульдинской яшмы.
Мастер Я. Коковин.
1827

9. Изображение мамонта
в Каповой пещере.
XV—X тыс. до н. э.
10. Башня Тамерлана.
XII—XV вв.

ЯШМОВЫЙ ПОЯС УРАЛА

Г. Н. МАТЮШИН

МОСКВА
• ИСКУССТВО •
1977

80102-187
М — 206-77
025(01)-77

© Издательство «Искусство», 1977 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ _____	6
1. ИЛЬМЕНЫ И УРАЛЬСКИЕ ГОРНЫЕ ЗАВОДЫ _____	10
Миасс (11), Ильмены (21), Таинственные находки (29), Златоуст (37), Куса и Касли (48), Сатка (59), Зюраткуль (61), Яшма и самоцветы (68)	
2. ЯШМОВЫЙ ПОЯС _____	79
Продолжение поисков (79), Аушкуль (80), Уральские камнерезы (84), Озеро Калкан и калканские яшмы (89), Учалы, Уразово (109), Кушкульдинская яшма (112), Узункуль (119), Загадочные названия (128)	
3. В СТРАНЕ БУЛАТНОГО КАМНЯ _____	129
Старинным уральским трактом (129), Курганы (135), Магнитогорск (140), В стране булатного камня (142), В Каповой пещере (149), Яицкие казаки, башня Тамерлана (160), Орские яшмы, Оренбург и Орск (165)	
ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ: ХВАТИТ ЛИ НА НАШ ВЕК ЯШМЫ? _____	170
ПРИМЕЧАНИЯ _____	172
ЛИТЕРАТУРА, НЕ УПОМЯНУТАЯ В ПРИМЕЧАНИЯХ _____	175

Вместо предисловия

Бывает так: бродишь по залам музея, уже утомленный обилием впечатлений, и вдруг взгляд падает на что-то такое необычное, что сразу останавливаешься, как будто натолкнулся на невидимую преграду, и замираешь. А налюбовавшись удивительным творением рук человеческих, чувствуешь, что усталость исчезла, и хочется снова и снова ходить.

Так и я «споткнулся» в Эрмитаже о многоцветные колонны из уральской яшмы, обрамлявшие беломраморный камин XVIII века. Пройти мимо них было невозможно: ярко-зеленые ленты, чередуясь с темно-вишневыми, как бы опоясывали стройные колонны, изумляя контрастностью цветов и изысканностью благородного самоцвета. Бесподобная по совершенству полировка придавала яшме то вид пламенеющей густой крови, то нежной зелени листвы.

У входа в собор Зимнего дворца я встретился с другим произведением из яшмы — чашей. Издали она была похожа на античный храм коринфского ордера. Каждая из колонн была увенчана бронзовыми капителями, а внизу — венцом из крупных пальмовых листьев. «Крышей храма» была неглубокая, но очень широкая овальная чаша, покоившаяся на шести великолепных яшмовых опорах. Сочные темно-зеленые ленты, перемежаясь с коричневыми и светло-голубыми, располагались на колоннах горизонтально, а внутри сосуда волны сверкающего камня шли от центра и, плавно изгибаясь, казалось, переливались через край. «Чаша из кушкуль-

динской яшмы изготовлена по предписанию Кабинета его величества от 29 сентября 1827 года мастером Екатеринбургской фабрики Яковом Васильевичем Коковичем», — гласил каталог.

«Ваза. Калканская яшма. 1776 год...», «Ваза. Уральская яшма. 1777 год...», «Обелиск четырехугольный, яшмовый. 1778 год», — скромно вещали таблички, представляя шедевры русских мастеров XVIII и XIX веков.

Все больше и больше всевозможных изделий из яшмы я находил в Эрмитаже. Поражало то, что ни один фрагмент яшмы не повторял расцветку другого. Цвета сверкали, переливались, бледнели, становились строже, но не повторялись. Казалось, природа собрала в яшме все цвета радуги и причудливо их перемешала.

Может быть, мой повышенный интерес к яшмам был связан с воспоминаниями детства. Предметом зависти всех мальчишек нашего двора был кусочек яшмы, обладателем которого был один из наших товарищей. Если смочить водой этот обломочек яшмы, то он сверкал всеми цветами радуги, долго сохраняя блеск. Но особенно нас поражала твердость камня, его не брал ни один напильник. И главное — он резал стекло! «Алмаз» — называли мы камень и даже понесли в местный музей. Но там нам сказали, что это не алмаз, а кушкульдинская яшма.

Встретившись с кушкульдинской яшмой в залах Государственного Эрмитажа, я удивился, как же могли из такого твердого камня в XVIII веке выделывать такие чудесные вазы, колонны, броши и кулоны? На одной из чаш были вырезаны даже виноградные гроздья и листья. На изготовление чаши ушло двадцать лет работы. Некоторые вазы были настолько велики, что, говорят, в одной из них прятался глава Временного правительства А. Ф. Керенский в октябре 1917 года.

Под большой чашей — мраморная доска с надписью: «Чаша сия сделана на Колыванской шлифовальной фабрике из ревневской яшмы по рисунку архитектора Мельникова; в поперечнике 7 аршин, вышиною вместе с пьедесталом и ножкой 3 аршина 10 вершков, весом более 1200 пудов. Камень добыт в 1829 году унтерших-мейстером Колычевым и осекался на месте два года, чаша совершенно окончена в начале 1843 года. Отправлена с фабрики под наблюдением бергшворена 12 класса Ивачева и доставлена в С.-Петербург в августе того же года. Во время следования сухим путем до реки Чусовой на расстоянии двух тысяч верст запряга-

*Колоссальная чаша
из яшмы.
По рисунку
архитектора
А. Мельникова.
1829—1843.
Гос. Эрмитаж*

лись под нее от 120 до 160 лошадей». Почти двадцатитонная чаша была настолько велика, что ее установили во дворце до того, как была сделана крыша зала.

Из архивов я узнал, что камень для чаши переправляли зимой по льду на валиках, по земле — лошадьми. Для нее прорубали специальные дороги в лесу и строили особые переправы. Для обтесывания глыбы был построен специальный сарай во дворе фабрики. Вокруг монолита соорудили особые вращающиеся диски, на которых одновременно работало несколько мастеров, располагаясь друг над другом. Потом на поверхности чаши бронзовыми карандашами нанесли рисунок и покрыли его лаком, чтобы не стирался. Разметка рисунка и расчет ножек требовали исключительной точности, и сделаны они безукоризненно. После разметки рисунка металлическими пластинками начали полировать и шлифовать поверхность. Почти полтора десятилетия трудились мастера над чашей.

Познакомился я с историей изготовления яшмовых чаш, и неудержимо потянуло меня в страну яшмового камня, туда, где когда-то десятилетиями трудились искусные камнерезы над одной вазой, а потом созывали весь народ с рудника и соседних селений и везли свое творение в далекую столицу. Захотелось мне докопаться до самых истоков и выяснить, кто же первый открыл это замечательное чудо природы — разноцветную яшму?

Прошло несколько лет, прежде чем удалось совершить путешествие по яшмовому поясу Урала, но оно оказалось настолько интересным, что захотелось рассказать о красотах этого края. Оказалось, что яшмовый пояс хранит много других тайн и загадок. Над ними бились многие великие ученые, поэты и художники. Край этот очень любил А. Пушкин и посвятил ему немало страниц своих повестей и исторических изысканий. Южный Урал воспевали Д. Мамин-Сибиряк, А. Герцен, П. Бажов и другие.

Наше путешествие мы начнем с севера, от Миасса и Ильменских гор.

1. Ильмены и уральские горные заводы

Путешествовать по этим местам даже совсем недавно, в начале нашего века, было трудно и опасно. А. Ферсман, вспоминая о своем первом посещении уральских копий, рассказывал, что дороги в горах были настолько ужасными, что на тройке за день «успевали проехать приблизительно 25 км от города»¹.

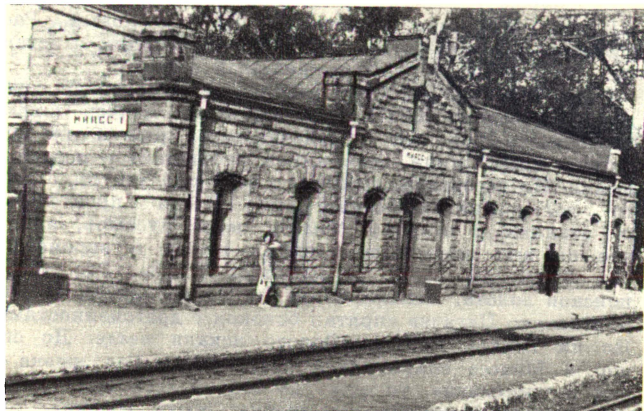
Сейчас все проще — достаточно сесть на Казанском вокзале Москвы в поезд, и через сутки вы на станции Миасс, в стране удивительного камня. Знакомство с красотами уральского самоцвета начинается прямо с... вокзала.

Небольшое станционное здание, приютившееся у самого подножия Ильменской горы, выстроено из красивого голубовато-серого камня, напоминающего по внешнему виду гранит, но в действительности являющегося редкой горной породой, названной в честь Миасса миаскитом. Если присмотреться к миаскиту, то в нем можно заметить вкрапления различных минералов и даже драгоценных камней: черные блески, котормы сверкает вокзал в лучах заходящего солнца, — это биотит, слюда; розоватый прозрачный — драгоценный камень гиацит (циркон). Но интереснее всего, пожалуй, ильменит. На Земле он встречается редко. Зато когда ракеты доставили с Луны первые образцы инопланетного грунта, то аналогом ему оказался ильменит. Недавно от американских ученых поступили в Ильменский заповедник образцы и фотографии лунных пород.

МИАСС. Есть два Миасса — старый и новый. Расположены они примерно на одном расстоянии от станции, по разные стороны от железной дороги.

Старый Миасс — сейчас небольшой курортный городок. В середине XVIII века здесь находилась только крепость, а при ней — православный храм и две ярмарки. Здесь жили знаменитые «горщики» — искатели камня. Но в середине прошлого века они уступили место золотоискателям-старателям. Когда проезжаешь от станции к старому Миассу через пустырь, видно, что он весь изрыт гигантскими ямами и воронками, как будто бы здесь разрывались бомбы. Это следы поисков золота. Искали и клады. По преданию, на озере Инышко Пугачев спрятал бочонок с драгоценностями. Но их искали меньше. Золото искали везде. До сих пор в Миассе сохранилась поговорка: «Где лывка — там и промывка», то есть где только есть лужа воды, там старатель сейчас же пробует мыть «пески». Кому-то выпадало счастье, и он сразу находил большой самородок, другие настойчиво, не разгибая спины, трудились где-нибудь в овраге, стоя по колено в грязи и день за днем перебивая горы породы в небольшом ковшике, жадно высматривали, не мелькнет ли среди ворсинок сукна крупное зернышко благородного металла. Места эти привлекали внимание известных писателей, особенно Д. Мамина-Сибиряка. В его романах «Золото», «Горное гнездо», «Приваловские миллионы», многочисленных повестях и рассказах очень хорошо показан особый, полукрепостной быт Урала. Колорит того времени прекрасно передан в романах и повестях П. Мельникова-Печерского, в сказках П. Бажова, в романах В. Шишкова «Угрюм-река», «Емельян Пугачев» и других. Времена тогда были суровые, а места глухие — горы, тайга. Не случайно в среде местных рабочих бытовала поговорка: «Мы Сибири не боимся, у нас здесь каторга своя».

Путеводитель 1899 года так описывает Миасский завод, как тогда называли город: «...бросается в глаза, что здесь понастроены в большом числе лавки и балаганы, торгующие разным мужским верхним платьем; далее здесь же расположены в разных местах «харчевки» — это нечто вроде помещений обжорного ряда. Все это услужливо предлагается вниманию того золотоприискового люда, который в огромном числе населяет завод и его окрестности <...> в глаза так и бьет вывеска, что это золотоприисковый центр, где все приспособ-

*Здание вокзала
из миаскита в Миассе*

лено к этой жизни. Здесь можно видеть и динамитные склады, и разные агентские конторы, и гостиницы с музыкальной машиной, и харчевки, и балаганы с готовым золотоприисковым платьем, огромное число пивных и множество всевозможного рода ремесленных заведений и весьма недурных магазинов»².

История города Миасса началась с того, что владелец тульских полотняных фабрик Илларион Иванович Луганин в 1769 году купил здешние земли у тульского же заводчика И. П. Мосолова, получив 29 ноября 1773 года разрешение на строительство медеплавильного завода. До Мосолова земли были «записаны» за старшиной Каратабынской и Барабинской волостей Жоймыном Шаимовым, но за его участие в восстании 1736 года они у него были отобраны и отписаны в казну. В 1777 году здесь был пущен завод. Он произвел две тысячи пудов меди, но к 1810 году запасы меди исчерпались, и завод был закрыт.

В те времена заводы возникали и исчезали вместе с выработкой залежей руд довольно часто. В XVII веке «казенных» заводов еще было мало на Урале. Мешало отсутствие транспорта. Выгоднее было покупать за границей «свейское» железо, чем тащить свое за тридевять земель с Урала.

Ко времени Петра I положение меняется. На Урале десятками строятся и государственные и частные заводы и фабрики. Из-за войны со Швецией перестало поступать в Россию «свейское» железо. Петр I всячески стремился привлечь на Урал промышленников и предприимчивых людей. Например, он передал в те годы Невьянский завод Никите Демидовичу Антуфьеву. Начинается история демидовских заводов на Урале. 10 декабря 1719 года в указе об учреждении Бергколлегии Петр I писал: «Ныне же Российское государство пред многими иными землями преизобилует и потребными металлами и минералами благословенно есть, которые до нынешнего времени без всякого прилежания исканы: паче же не так употреблены были, как принадлежит <...> И дабы ныне сии и иные причины пресециеся могли, того ради мы <...> особливою Берг Коллегиум <...> учредить изволили <...>, чтоб никаким образом губернаторы, воеводы, ниже прочие поставленные начальники в рудокопные дела вступали и мешались»³. Благодаря энергичной деятельности В. Татищева, Г. Генина и других в первой половине XVIII века на Урале быстро строится целая серия крупных по тем временам заводов.

Ко времени истощения медных руд около Миасса уже открыли золото. Первый слиток был найден в 1797 году, в 1823 году были открыты россыпи золота, и началась золотая лихорадка. Завод в Миассе стал делать лопаты и другое снаряжение для золотоискателей.

И сейчас еще старый Миасс, этот небольшой городок в своем облике сохранил многое от XVIII века. Планировка улиц строго прямоугольная, или «регулярная», как называли ее тогда. Регулярность планировки типична для большинства уральских городов. Это был шаг вперед в русской градостроительной практике. Как правило, в центре уральских городов обычно находится площадь, на которой располагались административные заводские здания и церковь. По сторонам от площади расходились геометрически четко распланированные улицы жилой застройки. Уральские города строились в эпоху рождения и формирования русского классициз-

ма и деятельности «Комиссии о казенном строении Санкт-Петербурга и Москвы», которая с 1763 года занималась и регулированием строительства и разработкой генеральных планов других, в том числе и уральских, городов. Города строились компактно, вокруг завода, рядом с которым, как правило, находилась церковь. Указывалось, что «регулярство, предлагаемое при строении города, требует, чтобы улицы были широки и прямы, площади большие, публичные здания на способных местах»⁴.

Фундаменты каменных домов Миасса сложены чаще всего из бутового камня. Стены по кирпичу покрыты обмазкой. Все архитектурные детали — наличники, филенки, карнизы, пояса — выполнены, как правило, из простого кирпича. Каменных домов в Миассе относительно много.

Планировка города определялась двумя главными пунктами — завод и заводской пруд. Пруд делит город на две части. Лучшие дома в заводской части. Здесь, у главной проходной завода — центральная площадь, магазины, лавазы. В запрудной части выделяется дом-дворец золотопромышленника Е. Симонова. Большую часть города составляют двухэтажные деревянные дома или смешанные: низ — каменный, верх — деревянный.

Сохранилась городская церковь, построенная при въезде в город, — у городского кладбища, между станцией и старым Миассом. Построена церковь в 1889 году. Своей нарядностью она до сих пор поражает всякого, кто приезжает в старый город. Что-то светлое, радостное в этом здании. Мелкие детали выкрашены белой краской, остальная часть стен — красной. Красно-белые стены, зеленые крыши, золоченые купола и кресты создают такой яркий, праздничный наряд церкви, что и в самые пасмурные дни она вся светится и сияет, как в яркий солнечный день. Так и кажется, что среди зелени прячется нарядная русская красавица в красной шубке, отороченной белым мехом. Столбы забора и подсобные помещения также раскрашены в тон церкви — белое с красным.

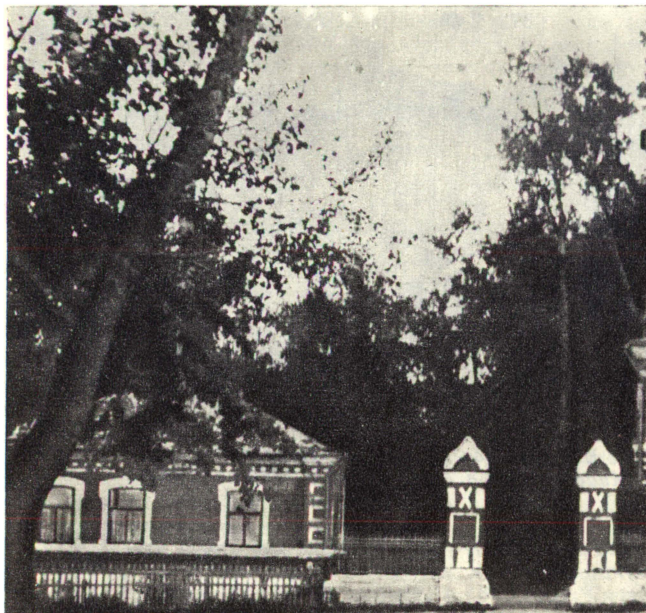
Если походить по улицам старого Миасса, то можно встретить самые различные постройки: просторные деревянные дома с каменным первым этажом или фундаментом, с балконами, резными наличниками, воротами, украшенными затейливой резьбой, с крытым двором, вымощенным деревянными плахами, а рядом с ними настоящие южнорусские мазанки. Причины такого разностилья — в особенностях заселения края.

*Дом Е. Симонова
в Миассе. XIX в.*

*Церковь
в Миассе. 1889*
→

Первые русские поселения появились на Урале в XII веке, когда в 1174 году новгородцы обосновались на Каме. Миграционная волна из Северной Руси охватывала главным образом Северный и Средний Урал. Заселение было стихийным. Края были обширные, таежные, дикие, и разыскать беглецов было невозможно. Не зря в то время сложилась поговорка: канул, как в камский мох. Но уже с XVI века, с первой жалованной грамоты Ивана IV Строгановым, потоком расселения русских на Урале пытается руководить правительство, о чем свидетельствуют многочисленные указы об устройстве переселенцев из Казани на реке Нейве, о выдаче свободных грамот на пустое место на реке Чусовой, призывы к переселению в Пелымский уезд, на Исеть и т. п. Осваиваясь, переселенцы натывались на следы древних рудников и начинали около них строить свои заводи и мастерские. Можно сказать, что история промышленного Урала началась с «археологических раскопок». И. Герман в начале прошлого века об этом писал

так: «Что какой-нибудь сильный народ предков в сей стране с великим тщанием производил горные работы, доказывают многие древние остатки, котлоподобные углубления, или разносы, и находимые в них старинные рудники, окаменелые дрова, кости, орудия и части одежды; но какой был сей народ, остается задачей, которая изыскателями истории может быть никогда не решится<...> древние рудные прииски<...> подали случай к новым горным работам»⁵. Об «археологических раскопках» того времени на Урале можно судить по тому, что Демидов подарил Петру I к рождению сына множество золотых вещей (они составили основу знаменитой Сибирской коллекции Петра I в Эрмитаже)⁶, добытых из «сибирских бугров», то есть из древних курганов.

В XVII—XVIII веках в связи с бурным развитием уральской промышленности, северный миграционный поток сталкивается в районе озер Касли, Аргазы, Увильды с южным, оренбургским. Поэтому поселки в окрестно-

стях Миасса характеризуются то явно выраженными чертами северного происхождения (Шемаха), то южного (Губурнское, Кузнецкое). Если на севере Евразии с древнейших времен жилища было принято строить из дерева, то на юге, в безлесной степной стороне, дома с давних пор строили из камня и глины. Впервые глинобитные дома появились на территории южного Прикаспия и северного Ирака еще в конце мезолита, около десяти тысяч лет назад. Позднее эта традиция распространилась на Среднюю Азию, Кавказ и юг Украины. Она сохранилась там до нашего времени.

В XVIII веке население концентрировалось на Урале вокруг заводов, а они в свою очередь сосредоточивались у выходов железных и медных руд: златоусто-саткинская группа заводов — около выходов бакальской руды, белорецко-авзянская — вблизи от запасов Магнитной горы, и т. п. В каждой из таких групп были свои некоронованные короли: например, вся тагильская группа принад-

*Деревянный дом
с резной дверью
в Миассе*

лежала Демидовым, белорецкая — Мосоловым и Губиным, катов-ивановская — Твердышевым и Мясниковым, каслинско-кыштымская — сначала Демидовым, потом Расторгуеву, и т. д.

По Указу 1721 года заводчики переселяли на Урал целые деревни из Рязанской, Тамбовской, Смоленской, Орловской и других губерний. Так, большинство рабочих Белорецкого завода было завезено из Орловской, Казанской и Пензенской губерний. К Каслинскому и Кыштымскому заводам только в 1757 году было приписано более 7000 душ крестьян Симбирской и Оренбургской губерний. Все это привело к переплетению на Урале своеобразных элементов культуры разных и часто очень удаленных друг от друга областей России. Поэтому в одном поселке можно было встретить и крытые тесом дворы древненовгородского типа с резными наличниками и красиво украшенной резьбой крышей и типично южнорусские мазанки.

*Деревянный дом
с балконом в Миассе*

В устных уральских традициях сохраняются также очень древние и разнообразные элементы древнерусской культуры. Сохранение элементов древнерусской культуры было связано не только с удаленностью переселенцев от их материнских «метрополий» и изоляцией поселков, но и тем, что эмиграция населения на Урал кончается в основном в XVIII и в первой половине XIX века, так как промышленность Урала была основана на труде крепостных крестьян, и с отменой крепостного права прост заводов здесь резко сокращается.

Какое-то влияние на быт уральского населения оказывали и тесные контакты с башкирами и казаками, обитавшими по соседству. Любопытно в связи с этим объяснение среди местного населения названия Миасс, этимология которого неизвестна. Пугачев послал в разведку русского и башкира. И вот они вышли к берегу незнакомой реки. По возвращении их Пугачев спросил: «Как называется река?» «Никак», — ответили разведчики. «Тогда

*Деревянный дом
с лоджией в Миассе*

сами назовем, — воскликнул атаман. — Кто первый увидел речку?» Заспорили первооткрыватели: «Ми», — кричал башкир. «Азь», — твердил русский. «Не спорьте, — засмеялся Шугачев, — пусть река так и называется: «Ми-азь» — в честь вас обоих». Так и пошло название Миасс.

Новый Миасс — это совсем другой мир. Он возник во время Великой Отечественной войны; в те годы сюда на далекий Урал был эвакуирован Московский автозавод — ЗИС. После войны он был переименован в УралАЗ. Мощные машины производит Уральский автозавод.

Новый город построен очень продуманно, с учетом особенностей местности. Леса, окружающие город, сохранены, и на улицах города можно встретить раскидистые древние сосны и ели. Новый Миасс хорошо вписан в окружающий его рельеф. За разработку проекта и застройку нового Миасса группа архитекторов и строителей в 1975 году удостоена Государственной премии РСФСР.

*Озеро и гора
Ильменские*

ИЛЬМЕНЫ. От Миасского вокзала за три четверти часа можно подняться на вершину Ильменской горы. Известный немецкий ученый И. Менге, посетивший Ильмены в 1824 году, писал: «Кажется, минералы всего света собраны в одном удивительном хребте сем, и много еще подлежит в оном открытий, кои тем более важны для науки, что представляют все почти вещества против других стран в гигантском размере»⁷. Другой, не менее известный ученый, Густав Розе, писал: «Я бесконечно счастлив, что мне удалось побывать в этих замечательных местах, которые радуют сердце всякого геолога и минералога...»⁸. «Ильмены — это, — писал уже в наши дни академик А. Ферман, — минералогический рай, единственный на земле по богатству, разнообразию и своеобразию ископаемых»⁹.

Примерно в километре от вокзала — знаменитый минералогический музей и управление Ильменского государственного заповедника имени В. И. Ленина. Внизу расстилается Ильменское озеро. После утомительного пути в

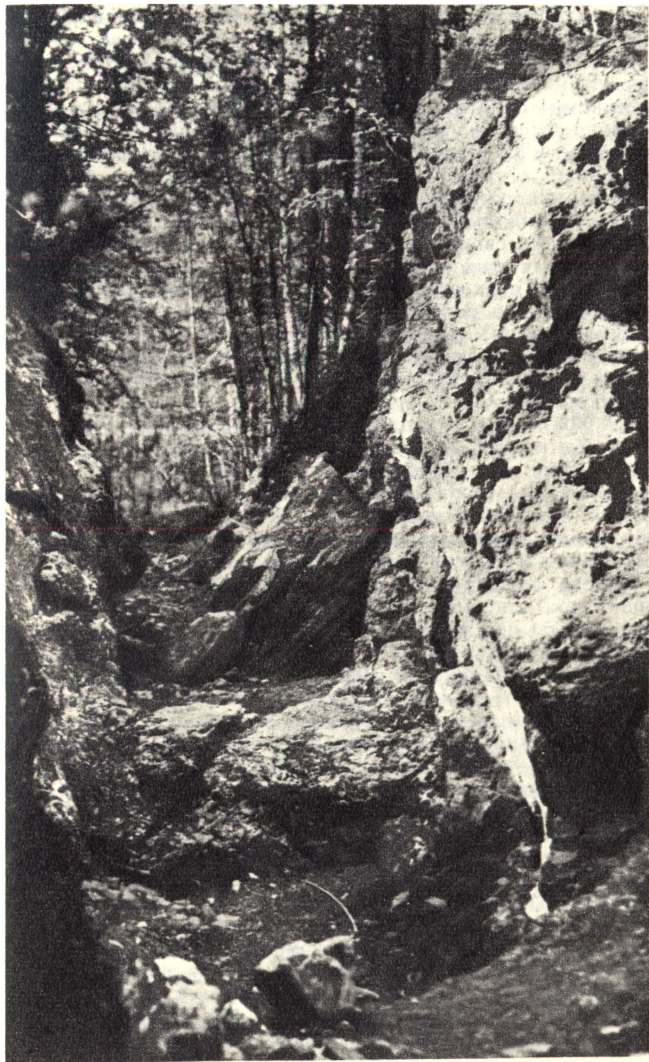
поезде приятно полюбоваться этим всегда холодным горным озерком, затерянным между отрогами лесистых гранитных гор и обрамленным темным лесом. К востоку от озера вьется большой Сибирский тракт — ныне старая Чебаркульская дорога, и ведет она мимо тех самых знаменитых копей, где впервые в XVIII веке само счастье в виде самоцветов улыбнулось чебаркульскому казаку Прутову. По этой дороге уже не ездят, рядом проложено отличное бетонированное шоссе, связывающее Европу с Азией. Но до копей, расположенных в четырех-шести километрах от станции, можно добраться и по этой дороге. Сначала путь идет между железной дорогой и озером, потом по руслу речонки Черемшанки, далее вдоль Ильменского болота с разработками торфа до пологого лесного холма на склоне горы Косой. Направо, у самого полотна железной дороги, несколько каких-то обломков камня голубоватого цвета. Это остатки копи 1783 года Б. Германа, где добывался камень для ваз императорского

*«Академический» ход
у Блюмовской копи
в Ильменском
заповеднике*

→

дворца. Позднее, в 1831—1832 годах, когда из Петербурга последовал приказ всемогущего графа Л. Перовского добыть 25 пудов «лучшего синего шпата», к этой копи прислали экспедицию. Здесь были добыты огромные глыбы превосходного камня, то голубоватого с тонами бирюзы, то зеленоватого с желтым и серым узором морской пены. Сейчас эта копь погребена под железной дорогой. Однако на территории Ильмен сохранилось триста копей, объединяющих около шестисот горных выработок.

Копи. Горные выработки. С этими понятиями раньше у меня связывалось что-то грандиозное и значительное. Но в большинстве своем они оказались ничтожно малыми: небольшая груда камней, остатки какой-то ямы, задернованной и заросшей лесом, — и все. Есть и глубокие котлованы в Ильменских горах, в которых сотни рабочих трудились десятками лет. Одна из них — копь № 50, заложённая в 1835 году горным инженером Ф. Блюмом. Здесь были добыты в толще голубого амазонита прекрас-

ные голубые топазы, черные колумбиты, самарскиты и другие редкие самоцветы и драгоценные камни.

Рядом с блюмовской копью, в перпендикулярном направлении от нее, был заложен «академический» ход академиками В. Вернадским, А. Карпинским и другими. Именно здесь был добыт самарскит для опытов по радиоактивности Марии Складовской-Кюри и отправлен ей в Париж.

Очень живописны амазонитовые копи. Глаз нельзя оторвать от голубых глыб камня, блестящих на солнце и отливающих своими мельчайшими пертитовыми вростками. Красоту этих копей составляет не только самый амазонит с его прекрасным сине-зеленым тоном, но и сочетание амазонита со светлым серовато-дымчатым кварцем, который как бы прорастает полевой шпат в определенных направлениях, создавая причудливый рисунок в виде каких-то «письмен» или «иероглифов», рассыпанных по голубому фону.

На Урале мне приходилось слышать «сказ» о том, что будто бы камень — живое существо, но жизнь его длится миллиарды лет, поэтому все жизненные процессы в нем настолько замедлены, что то, что для нас составляет века и тысячелетия, для него — доли секунды. Камень может нам предсказывать, что ждет наш мир в ближайшие сотни и тысячи лет. Больше того, он пытается даже о чем-то нас предупредить, что-то нам сказать, но не знает как; «письменный» камень и есть послание от этого миллиарды лет живущего существа к нам, но вот только понять его мы пока не в силах. А. Ферсман писал, что в лекциях академика В. Вернадского камень всегда представлялся чем-то живым и действующим, а не мертвым, застывшим минералом, и в этом не нужно искать следы обожествления явлений природы, здесь нет фетишизма, это глубокое уважение к чуду природы, восхищение перед удивительными ее творениями — самоцветами.

Амазонитовые жилы содержат драгоценные камни — топазы, прозрачные и голубоватые, и аквамарины, то темно-зеленые, цвета Черного моря в бурную погоду, то светло-зеленые с золотистым оттенком. Уральские горщики XVIII—XIX веков хорошо знали: чем гуще цвет амазонита, тем больше надежды, что жилка принесет счастье, ибо есть копи с амазонитом без топаза, но нет копей с топазами без амазонита. Топазо-аквамариновые жилы тянутся с востока на запад, они то суживаются, то расширяются до двух-трех километров. Лишь немногие топазы-тяжеловесы сидят внутри каждой такой жилы.

Правда, рассказывают, что будто бы одна каменоломня была заложена здесь в каком-то цельном кристалле амазонита.

Хорошие камни находят в пустотах, которые называют «гнездами». Размер этих гнезд до одного метра, внутри они выстланы небольшими кристалликами разнообразных минералов: альбита, амазонского камня, слюды, кварца. Полости эти сплошь заполнены то сероватой, то желтоватой глиной. Топазы лежат на ее поверхности или внутри нее. Глину эту называют «сало», и она действительно похожа на сало, затвердевшее на солнце.

Ильменский заповедник — это единственное в мире место, где государством охраняется и живая природа и заключенные в недрах богатства редких минералов и самоцветов в естественном их виде. Этот заповедник занимает особое место в истории русской науки. «Мы все должны считать себя в долгу перед Уралом, — писал академик А. Ферсман, — этой мировой жемчужиной минерального царства. Не надо забывать, что настоящая научная минералогия родилась на Урале». Ильмены для любителя и знатока камня — неисчерпаемый клад. Здесь можно найти любой камень. Почти все минералы мира имеются в Ильменах, а некоторые найдены только здесь. (В Ильменах и сейчас открывают новые минералы, более 180 минералов открыто здесь, из них 30 — впервые на земном шаре.) Имеются в Ильменах и инопланетные камни.

История исследования Ильменских гор несложна. Полезные ископаемые на Урале были открыты русскими еще в XVI веке. В XVII веке усиливаются поиски руд и минералов. В это время в Ильменах были открыты богатые месторождения белой слюды. В середине XVIII века уже велись большие разработки слюды в районе Чебаркульской крепости горным инженером Раздеришиным. Глубокие выработки и громадные отвалы, сохранившиеся с тех пор на территории заповедника, и сейчас называются «Раздеришинскими копами». В 1771—1774 годах казак Чебаркульской крепости Прутов при рытье окопов во время Пугачевского восстания нашел драгоценные камни — топазы. Весть об этом быстро распространилась по Уралу, и в Ильменские горы потянулись горщики — искатели камней. Они нашли здесь не только топазы, но и аквамарины, турмалины, гранаты, сапфиры. Попадались камни редчайшей красоты и величины. Все чаще стали находить здесь разнообразные минералы, которые вообще не были до того известны науке. Образцы редких минера-

лов с Ильменских гор стали появляться в крупнейших музеях России и Западной Европы. «В сие то время, — писал профессор Лисенко в 1834 году, — были добыты здесь редкие кристаллы, кои безвозвратно погибли в частных руках».

Растущие потребности дворцового строительства в эпоху Петра I и его преемников требовали большого количества цветного камня. Кабинет его величества был вынужден поставить вопрос о государственной добыче его на Урале. В докладе Кабинета царю говорилось: «Яшма и мраморы находятся в Сибири и добываются частными лицами для своей пользы, а для украшения комнат императорского дворца мрамор и другие камни, выписываемые из Италии и Китая, обходятся дорогою ценою».

При Петре I основывается первая гранильная фабрика — алмазная мельница в Петергофе. На Урале основателем гранильного промысла считается известный русский историк В. Татищев, который в 1726 году выписал из Швеции поручика Рефта с обязательством разыскивать на Урале самоцветы и обучать русских мастеров камнерезному и гранильному делу. В 1747 году русский механик Бахирев уже построил первые на Урале шлифовальные машины. В 1765 году организуется под заведованием генерал-майора Данненберга специальная «горная экспедиция мраморной ломки и прииска цветных камней», выписывавшая мастеров из Базеля и из Италии.

В 1765 году возобновила работу Екатеринбургская государственная гранильная фабрика, которая сначала находилась в ведении министерства финансов, а потом, с 1811 года, перешла под непосредственное управление Кабинета его величества. Эта гранильная фабрика послужила школой для подготовки мастеров по всем отраслям каменной промышленности — огранка и шлифовка цветных камней, резьба печатей, поделки из горного хрусталя, яшмы, малахита, орлеца и мрамора. Кроме Петергофской и Екатеринбургской крупные изделия из уральского камня изготовляла еще и Кольванская шлифовальная фабрика. Все больше и больше требовалось цветного камня и все больше экспедиций снаряжалось на Урал за самоцветами.

Правда, в екатерининское время башкирский Урал был беспокойной страной, и добычу самоцветов можно было вести лишь при усиленной военной охране, поэтому расцвет в истории Ильмен начинается лишь в 30-е годы XIX века. В 1829 году Ильмены посетил Густав Розе — берлинский минералог — вместе со знаменитым путешест-

венником Гумбольдтом. Результаты своей двухдневной экскурсии в Ильмены он после тринадцатилетней обработки издает отдельным томом, к которому и сейчас не потерял интерес. В те же годы в Ильменах начинают работать и «казенные цветные партии», то есть государственные экспедиции. Но и они работали без какого-либо плана и программы. Открывались новые копи, прекрасные кристаллы из них демонстрировались на торжественных собраниях Петербургского минералогического общества. Но копи быстро заваливались отвалами старых пород, и на них заново начинали работать другие экспедиции.

Между тем вокруг Миасса создавались легенды о сказочных богатствах, зарытых в глубинах копей, о редких кристаллах, спрятанных в отвалах, о богатых залежах самоцветов на дне Ильменского озера.

Легенда влекла местных жителей на таинственные копи. Тайно, с опаской энтузиасты пытались выламывать прочные «елтыши» — отдельные обломки скал, выделяющиеся из почвы, или углубляться в старые копи. Темными ночами они рылись в грудях щебня и камня, выискивая кусочки самоцветов, выброшенных в отвал. Горщики перебирали своими руками тысячи тонн породы и почти начисто извлекали из отвалов кристаллы цирконов, топазов, фенацитов.

Единственным частным лицом, которое в то время работало на копиях разумно и планомерно, был ссыльный поляк — археолог и минералог К. Шишковский. Он рассчитил некоторые копи для посещения Ильменских гор членами VII Международного конгресса геологов 1897 года. Руководил экскурсией академик А. Карпинский, будущий президент Академии наук СССР.

Усиленная погоня за драгоценными камнями и редкими минералами грозила истощить богатства Ильменских гор. Академик В. Вернадский в 1912 году добился указа, запрещающего добычу ископаемых частным лицам в Ильменах.

Однако только в советское время были приняты радикальные меры по охране Ильмен. В самое трудное время, в 1918 году, Научно-техническое общество ВСНХ заслушало доклад о необходимости объявить Ильмены Национальным парком по типу Йеллоустонского парка в США. 14 мая 1920 года В. И. Ленин подписал декрет об организации первого государственного заповедника Советской России — Ильменского минералогического. В 1935 году ВЦИК и СНК было подчеркнуто, что заповедник

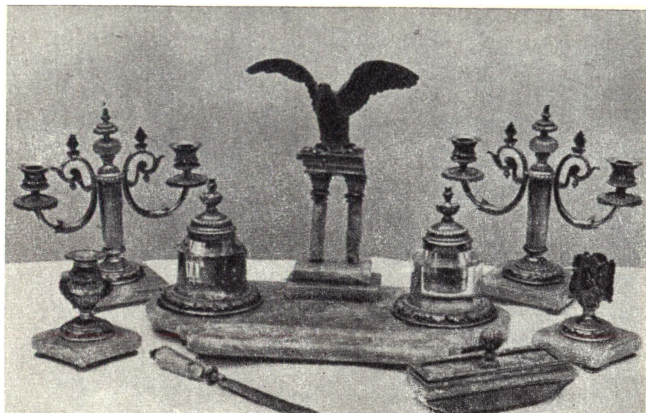

*Музей
Ильменского заповедника*

«утвержден с целью сохранения и изучения природных минеральных богатств, флоры и фауны Южного Урала».

Заповедник сейчас — крупное научное учреждение. Оно входит на правах института в Уральский научный центр Академии наук СССР. В нем трудится сто сорок сотрудников, разнообразные лаборатории оснащены современным оборудованием. При заповеднике — музей, где экспонированы все минералы Ильмен, большое количество драгоценных камней, чучела животных, археологические находки с территории заповедника. Музей ежегодно посещает более тридцати тысяч человек.

Именно в Ильменском и Миасском музеях я встретился с любопытными изделиями из уральского цветного камня, в том числе и из яшмы. Большое впечатление произвел письменный прибор XVIII века с подсвечниками и канделябрами, целиком изготовленный из уральского офиокальцита. Поделки из яшмы скромнее, и все они представлены изделиями первобытного человека.

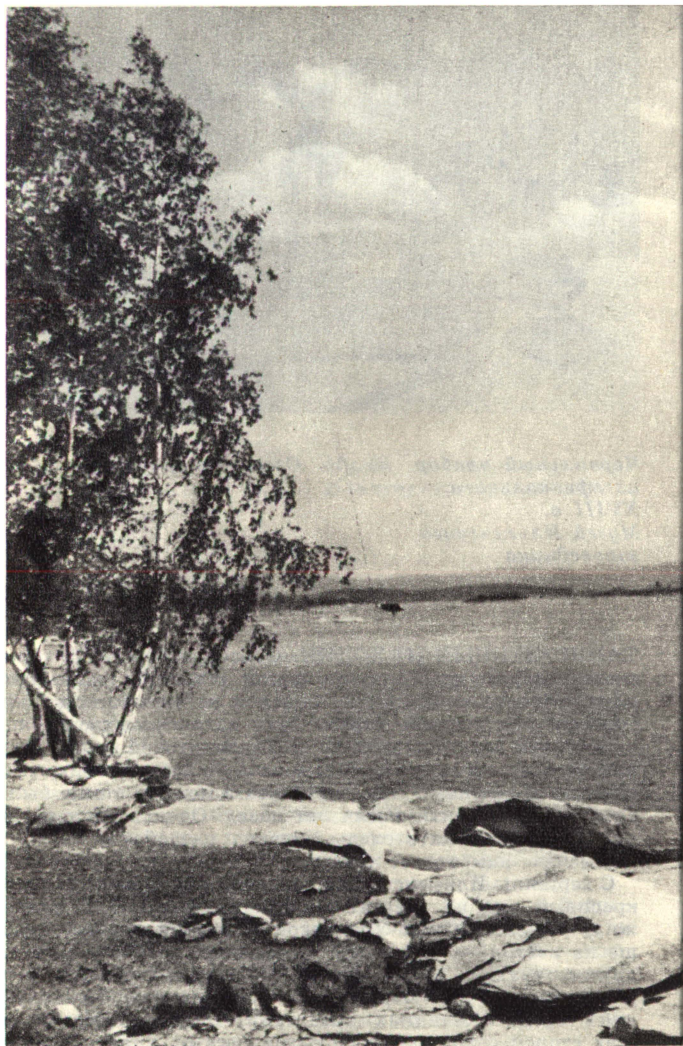

*Чернильный прибор
из офиокальцита.
XVIII в.
Музей Ильменского
заповедника*

*Озеро Чебаркуль
→*

ТАИНСТВЕННЫЕ НАХОДКИ. Обследуя берега Ильменского озера, мы также нашли стоянки первобытного человека и на них — поделки из яшмы: ножички, скребки, наконечники стрел. Один из яшмовых скребков и ножичек мы обнаружили в амазонитовой копи. Возник вопрос, когда же впервые начали добывать цветные камни в Ильменах? Ведь скребочек и нож из яшмы были сделаны более пяти тысяч лет назад. Однако сколько ни пытались мы искать следы древних разработок яшмы в Ильменах, нам это не удалось.

С вершины Ильменских гор открывается исключительно красивый вид на десятки километров вокруг. У подножия — лента Южно-Уральской железной дороги, дальше на восток — маленькое сверкающее озеро, за ним — другое, третье... Сорок девять больших и малых озер расположены на территории заповедника. Вытянувшись среди скалистых предгорий, голубые зеркала со всех сторон окружены сосновыми лесами, вплотную под-

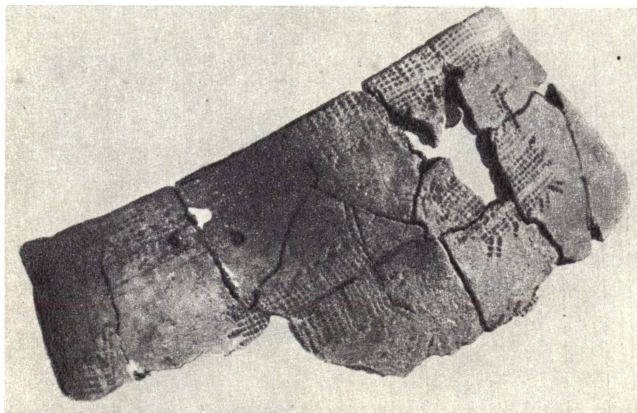

*Наконечники стрел
и кинжалы из яшмы
и горного хрусталя.
Неолитические стоянки
на озерах Чебаркуль,
Еловое и Зюраткуль*

ступающими к воде. Все вместе они образуют огромную водную страну с небольшими скалистыми перешейками, укрытыми тенистыми соснами и елями. Замыкают цепочку два крупных озера — Еловое и Чебаркуль.

Еще в XIX веке К. Шишковский находил здесь орудия из яшмы, но где именно — сведений не сохранилось.

В 1950—1951 годах между озерами Еловое и Чебаркуль начали снова появляться яшмы. И самым таинственным образом: на только что устроенных клумбах санатория на озере Еловом вдруг стали находить странные «плоды» — каменные топоры, наконечники стрел из яшмы и кремня. В народе такие орудия давно называли «ведьмиными». Появлялись они обычно ранней весной или глубокой осенью, всякий раз после того, как клумбы приводили в порядок и посыпали свежей землей. Местные школьники отправили странные находки в Челябинский музей, высказав предположение, что, может быть,

*Сосуд с «уточками».
Чебаркульская стоянка.
III тыс. до н. э.*

это «посылки» из космоса — ведь находки-то появлялись всякий раз на свежей земле, на поверхности.

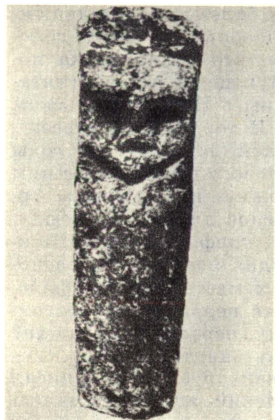
Была снаряжена экспедиция во главе с археологом Н. Кипарисовой. Археологи осмотрели все клумбы и действительно нашли там несколько орудий и даже обломки древних сосудов.

Расспросив садовников о том, где они брали землю для клумб, археологи отправились в лес и совсем недалеко от санатория, у озера, обнаружили стоянку человека каменного века. К сожалению, добывая землю для цветников, ее сильно разрушили, но часть древнего поселения удалось исследовать. Были найдены обломки сосудов с очень интересными рисунками, кремневые топоры, копья, ножи, сделанные около пяти-шести тысяч лет назад. Обломки таких сосудов встречались нам на Ильменском и других озерах, а на Еловом были найдены почти целые сосуды. По сосудам было хорошо видно, как первооткрыватели яшмы разрисовывали свою утварь. Ри-

*Деревянный ковш.
Горбуновский торфяник.
III тыс. до н. э.*

сунок покрывал всю наружную поверхность сосуда, без какого-либо просвета. Он состоял из всевозможных волнистых линий, зигзагов, оттисков зубчатого штампа. Все рисунки были сделаны по сырой глине, а потом сосуд с выдавленным на нем орнаментом был обожжен. Обращало на себя внимание то, что узор размещался очень точно и хорошо гармонировал с яйцевидной формой горшков. В расположении волнистых линий и других фигур соблюдалась строгая ритмичность. Иногда фигуры располагались в шахматном порядке. Ясно, что законы симметрии шесть тысяч лет назад были хорошо известны. Можно было предполагать, что первобытные обитатели Южного Урала добывали тогда яшмы и самоцветы не только для утилитарных целей. Видимо, чувство прекрасного было им не чуждо. На одном из сосудов с Чебаркульской стоянки изображена сложная композиция. По верхнему краю горшка идет цепочка птиц, очень похожих на уток. Головки «уточек» высоко подняты, лап-

*Каменный идол
с озера Аргази.
III—I тыс. до н. э.
Кабинет археологии
Уральского гос.
университета*

ки растопырены. Под ними волнистые линии, которыми древний художник, вероятно, стремился передать воду. Под «водой» зигзаги с «бахромой», может быть, это водоросли, а может быть, «подводные чудища» или «духи». Показаны они схематичнее, чем «уточки».

«Уточки» в древнейшем искусстве Урала были довольно распространены. Их изображения встречаются по всему восточному склону Урала. На Горбуновском торфянике под Нижним Тагилом вместе с обломками сосудов, сходных с чебаркульскими, найдены и деревянные изображения людей и животных, и среди них — фигурки уток. Особенно интересны ковши в виде птиц. Сделаны они с неподражаемым мастерством. Очень просто, без лишних деталей и украшений, которыми отличаются более поздние ковши в виде уток, и вместе с тем удивительно реалистично. Туловище, шея, голова выдержаны в какой-то своеобразной пропорции — клюв и шея чуть увеличены, а туловище (сам ковш) несколько уменьшено,

отчего все изображение становится более выразительным. Бесподобно показан легкий, грациозный поворот головы птицы. Создается впечатление, что утка, слегка повернув голову, наблюдает за следующими за ней утятами. Два таких ковша экспонированы в Нижнетагильском музее, один — в Государственном Историческом музее.

Стоянки, подобные Чебаркульской, в последние годы выявлены не только по берегам Елового и соседних с ним озер, но и на озерах севернее и южнее их: Тургояк, Аргази, Иткуль. И что самое интересное для нас — всюду, как и на стоянках Горбуновского торфяника под Нижним Тагилом, самые древние орудия сделаны из разноцветной яшмы. На самих стоянках мастерских не было. Значит, яшму приносили сюда уже первично обработанной. Откуда? Где добывали яшму первобытные люди? Этот вопрос нас, археологов, очень заинтересовал.

Севернее и восточнее Миасса, как об этом еще писал академик А. Ферсман, месторождений яшм нет; западнее — куски яшм изредка находили. А может быть, первобытные люди знали какие-то нам еще неизвестные источники яшмы? Ведь большинство месторождений полезных ископаемых на Урале открыто русскими землепроходцами именно по следам древних рудников и копей. А может быть, еще не все древние копи известны науке? Может быть, не все еще месторождения яшм известны геологам? Мы не могли и предположить, что первобытные люди приносили яшму откуда-то издалека, с юга — с месторождений знаменитого яшмового пояса Южного Урала. Нужно было обойти все окрестности стоянок и разобраться в месторождениях местного камня. Но в какую сторону направиться прежде всего?

С Ильменских гор хорошо видно, что на западе длинные цепи Уральского хребта тянутся сплошной стеной и тонут в тумане. Может быть, там неизвестные тайные копи древних мастеров? Ближе к Миассу горные цепи невысоки, пологи. Чем дальше на запад, тем они становятся круче, и, наконец, на горизонте возвышаются главные хребты Южного Урала: Ицыл, Юрма — с крутыми склонами, скалистыми обнажениями, зачастую затянутые облаками, Таганай с его огромными осыпями желтого и красноватого авантюрина — единственного в мире искристого материала для декоративных поделок, а дальше, к Златоусту, уходят знаменитые копи — Шерлинская, Параскове-Евгеньевская и другие. А может быть, там и яшмообрабатывающие мастерские и древние копи?

*Монумент
на границе Европы и Азии.
1892*

ЗЛАТОУСТ. Самый близкий с запада город к Миассу — Златоуст. К нему ведет бетонированная автострада, связывающая Европу с Азией. Это отличное, поистине межконтинентальное шоссе построено совсем недавно. Ехать по нему от Миасса до Златоуста всего часа два. Из Миасса в Златоуст можно добраться еще быстрее на электричке, но по автостраде интереснее. Справа от дороги виднеются знаменитые озера: Тургояк, Увильды, Кисегач. Здесь всеююзные здравницы. Озера эти очень живописны. Со всех сторон их обступает сосновый бор. Уютные острова, заливы, гавани, пляжи в сочетании с окружающим мягким горным пейзажем делают пребывание здесь особенно приятным.

Примерно посередине пути между Миассом и Златоустом мы решили остановиться на отдых у одного из озерков, притулившихся почти у самой дороги. Спустились к воде и сразу же наткнулись на кусочки яшмы. Это были какие-то неопределенные поделки древнего че-

ловека, и сколько мы ни лазали по берегам озерка, выходов яшмы не нашли. Но находки яшмовых обломков нас успокоили — видимо, и впрямь яшму нужно искать где-то здесь. Однако до самого Златоуста яшма больше нам не встретилась. Да и искать ее тут было трудно — кругом горы, леса. Дорога шла как по коридору между выстроившимися с двух сторон стройными соснами, лиственницами, кедрами и елями. Каждый подъем на перевал открывал необозримые дали гор, покрытых лесом, похожих на огромные волны гигантского вечнозеленого моря. Любуясь ими, не замечаешь, как пролетает дорога и ты уже у нового Златоуста. У станции Уржумка нужно остановиться и пройти пешком метров пятьсот от вокзала вдоль железной дороги. Здесь граница двух частей света — Европы и Азии. Пограничный монумент хорошо виден из вагона поезда, когда поезд пересекает самую высокую по всей железной дороге точку Урала, но на машине к нему не подъедешь. На выложенном из камня

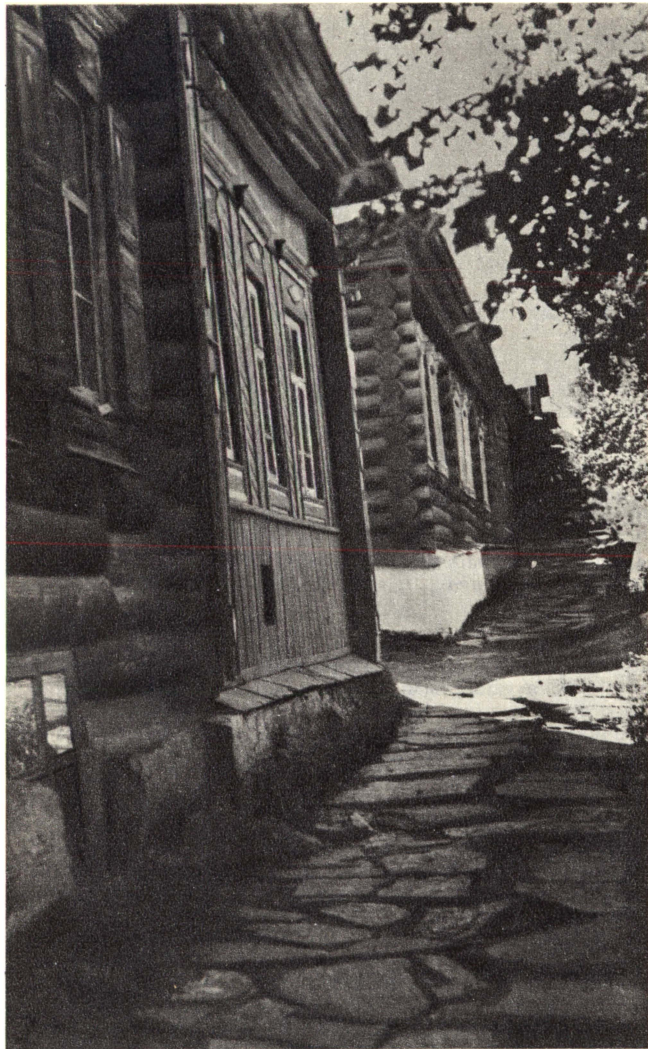
*Улица
в старом Златоусте
→*

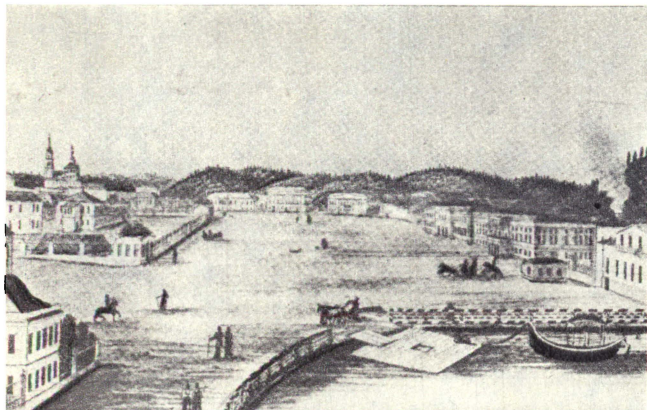
обелиске с одной стороны написано «Европа», а с другой — «Азия». Любители экзотики фотографируются здесь, стоя одной ногой в Азии, а другой — в Европе. Только на Урале можно стоять сразу в двух частях света. Пограничный столб установлен в 1892 году.

Новый Златоуст начинается чуть ли не от самой Уржумки. Здесь благоустроенные, современные многоэтажные дома, широкие асфальтированные улицы, магазины, клубы, кинотеатры — все это ничуть не хуже, чем в новостройках столицы. Только горы и сосны, обступающие со всех сторон дома, говорят, что это Урал.

Километров десять вдоль трамвайной линии — и мы в старом Златоусте, где в 1845—1852 годах жила с семьей мать В. И. Ленина — Мария Александровна. Отец ее работал тогда хирургом в госпитале завода.

Облик у старого города своеобразный и чем-то непохожий на другие города Урала. В Златоусте и сейчас можно найти тихие улочки с маленькими аккуратными

*Вид Златоуста
в первой четверти XIX в.
Из альбома рисунков
В. и И. Бояршиновых. 1827.
Архив Ленинградского
горного института*

*Памятник П. Аносову
в Златоусте.
Скульпторы А. Антропов
и Н. Штамм,
архитектор Т. Шульгина.
1954*

домиками и чистыми, выложенными плитами естественного камня мостовыми. Старинные русские улицы соседствуют с типично немецкими или староголландскими улочками и домами. По статистике в предреволюционные годы в Златоусте было только три православных церкви и, кроме того, одна единоверческая, восемь часовен, одна римско-католическая и одна протестантская церкви. А жителей в то время в городе было всего двадцать тысяч. Каким же пестрым, судя даже по церквям, было население города. И протестанты, и католики, и единоверцы, и православные. Любопытно, что и учебные заведения были тоже разнородны: в городе было четыре городских начальных училища, немецкая и единоверческая школы.

П. Аносов¹⁴, прибывший в Златоуст из Петербурга в начале XIX века, рассказывал, что ехал он в Сибирь, в глушь далекую и совершенно дикую, как считали в то время в столице, а, пропутешествовав на перекладных более двух тысяч верст от столицы, попал как будто бы

СТАВРОПОЛЬСКОМУ ВОЕННЫМ
ПАРКУ ИМЕНЕМ
АНОСОВА
1979 г.

в Германию. В доме начальника горного округа, куда он явился, говорили только на немецком либо на французском языках. Были улицы — Большая и Малая Немецкие. Дома стандартные и очень похожи на те, которые Аносов видел на картинках, изображавших уголки Баварии или Саксонии. На улицах встречались часто иностранные мастера в длинных синих сюртуках с бархатными воротниками, старые и молодые немки. Только на заводе Аносов нашел русских — это были рабочие и военная стража.

Пошло это с того, что к концу XVIII века Златоустовский завод попал в руки ловкого московского дельца Кнауфа. Император Павел именным указом повелел златоустовские заводы передать ему в вечное и потомственное пользование. Кнауф и начал ввозить сюда иностранных мастеров. И хотя в 1813 году заводы у Кнауфа были отобраны, так как он привел их в негодное состояние, не выполнив ни одного из обязательств перед

казной, иностранцы продолжали приезжать в Златоуст.

Долгое время после Кнауфа управляющим заводом был выписанный им из Пруссии Эверсман, не обладавший знаниями в горном деле и потому в конце концов ретировавшийся. Его сменили на посту управляющего Фурман и Меджер. Именно в это время прибыл в Златоуст Аносов, который впоследствии становится управляющим Златоустовским горным округом и добивается значительного подъема горной промышленности. Он открывает секрет изготовления булатной стали. При нем расширяется функционирующий до сих пор завод русского холодного оружия, прославивший и Златоуст и русских металлургов. У завода стоит памятник Аносову, открытый в 1954 году (скульпторы А. Антропов и Н. Штамм). Образцы аносовского оружия с превосходной «златоустовской» чеканкой выставлены в местном музее, расположенном в тенистой аллее на берегу пруда у плотины.

Плотина в Златоусте образует большой пруд. Как в Миассе и в других уральских городах-заводах, плотина — центр города. Закладка плотины производилась при торжественной церемонии «окропления», пожалуй, больше языческой, чем христианской. Помимо молебна она включала в себя многочисленные языческие обряды: в земляное тело плотины закладывали «голову» (монету с изображением человеческой головы или что-то подобное ей); на деревянных частях плотины рисовали страшные «рожи», вбивали гвозди, крючки; в воду бросали монеты, хлеб, овощи. Вообще христианские верования на Урале были наполовину языческими. Считалось, что пожар от грозы можно потушить только квасом, пивом или молоком. Даже работные люди часто в честь святых приносили жертвы и совершали языческие обряды. Избранным святым был Власий — хранитель коров. Почитались Василий — покровитель свиней, Илья — баранов и козлят, Флор и Лавр — лошадей, Мария Голиндуха —

*Плотина и пруд
в старом Златоусте*

←

*Дом П. Аносова
в Златоусте.*

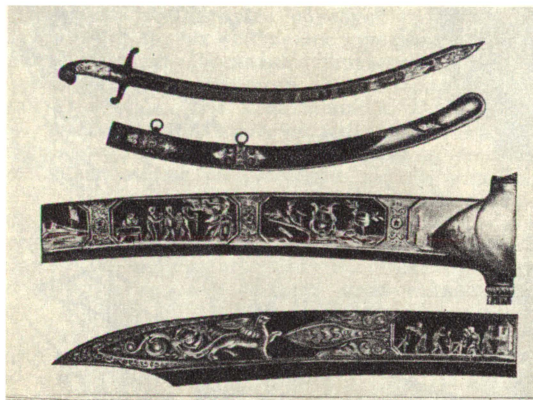
XVIII в.

→

кур, Анастасия — овец и коз и другие. В дни этих святых соблюдался традиционный обычай, когда те или иные животные пользовались особенно нежной заботой со стороны хозяев. Например, 1 января, в день святого Василия, свиньи угощались «лакомством», их нельзя было ругать, ударять и гонять. 18 августа, в день Флора и Лавра, лошади освобождались от работы, «угощались» и т. п. Существовало множество и других языческих поверий и обрядов.

Не удивительно, что особо важные обряды сопровождали закладку плотины. Плотина была сердцем завода. Водоем, образованный ею, давал энергию всему заводу. Сносило плотину, и завод надолго останавливался. Строили плотину из земляной насыпи (8—12 м над уровнем реки); затвор и водосливная часть делались из толстых бревен, сосновых или дубовых. Строили прочно. В некоторых местах давно нет завода, а плотина, построенная двести лет назад, все еще стоит. Рядом с плотинной и за-

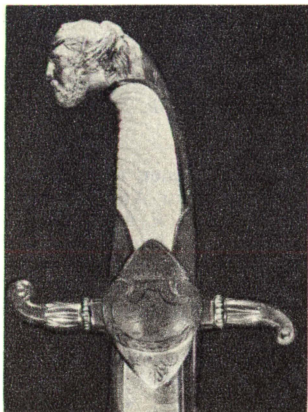

*Сабля и детали
ее клинка.
Работа И. Бушуева.
1824. Гос. Эрмитаж*

водом обычно строился и дом управителя, контора, магазины, размещались дома «приказнослужителей».

Господские дома сооружались в два этажа, из крупного кирпича, с толстыми стенами и сводчатыми потолками. Украшения, типичные для архитектуры XVIII века, — плоские «лопатки» по углам, профилированные карнизы, пояски, «поробрики» (поставленные углом кирпичи), прямоугольные наличники на окнах с «замковыми камнями» на выпрямленных перемычках (верхний этаж) и дуговых перемычках (нижний этаж). Такие сооружения сохранились в Каслях (дом Зотова) и в Златоусте (дом Аносова). В доме Аносова, где когда-то находилось управление Златоустовским горным округом, сейчас размещен краеведческий музей. Экспонаты музея довольно разнообразны и интересны. Курьезно, что до революции главное место в музее занимал гвоздь, сделанный в 1824 году Александром I при посещении Златоустовского завода. Сейчас, пожалуй, «главный гвоздь» музея — кол-

*Рукоять сабли.
Работа И. Бушуева.
1824. Гос. Эрмитаж*

лекция всех видов холодного оружия, которая раньше хранилась в заводском арсенале. Любопытен колокол, отлитый в 1664 году в Любеке и привезенный из Германии в XVIII веке, и другие экспонаты. Нас больше всего заинтересовали в музее яшмовые поделки, найденные где-то между Златоустом и Саткой, на реке Ай, что и определило наш дальнейший маршрут.

Выезжая из Златоуста, нельзя не обратить внимания на живописные скалы и горы с поэтическими названиями: Увильды — золотая гора, Мисяш — место свиданий, Таганай — подставка для луны, и т. д. Места эти овеяны легендами и сказаниями. Особенно много рассказов о кладках, а их в окрестностях Златоуста и Сатки до сих пор еще иногда пытаются искать. Следует заметить, что кладоискательство на Урале было широко распространено. Объяснялось это действительной возможностью отыскать самородки золота, драгоценные камни и редкие металлы. В ночь на Ивана Купала молодежь уходила в горы искать

цветок папоротника, искали свечу, зажженную на месте клада, полоза и т. п. Много слухов породили пещеры, «аверкина яма» и другие места. Много таких таинственных мест у города Кусы, что в пятнадцати километрах севернее Златоуста, между Златоустом и Саткой.

КУСА И КАСЛИ. Кусинский завод построен в 1778 году Лугининым на берегу бурной горной реки Ай. В то время железной дороги на Урал не было, и все грузы и продукция уральских заводов шли по Аю, далее они сплавлялись по Уфе, Белой, Каме и Волге в Нижний, Москву, Петербург. Не случайно П. Аносов называл Ай «главную рекою по западную сторону Урала». Караваны барж у Кусы обычно останавливались, сплавщики молились за благополучный путь. Останавливались не только потому, что здесь были на редкость красивые места (в путеводителе 1902 года так о них пишется: «Есть люди,

*Церковь Вознесения
в Каслях.
1843—1855*

→

на которых уральская горная природа не производит впечатления <... > они не видят ничего, что заставило бы усиленно биться сердце, смотреть полными восторга и упоения глазами, наконец, думать, плакать, молиться. Да, есть такие люди, но в них, очевидно, нет присущей человеку любви ко всему тому, что величественно и неприступно, что поражает ваш ум и сердце»¹⁶), но и потому, что дальше плыть было опасно. Около красивого утеса, в полутора километрах от Кусы, баржи часто терпели крушения. Утес прозвали Аргус, или Разбойник. Ему приносили жертвы и не только плотогоны, но и именитые купцы и промышленники.

Однако не утесом-Разбойником знаменита Куса. Перечисляя достопримечательности Кусы, путеводитель 1902 года¹⁶ сообщает, что в нем одна домна, что поблизости имеются Николо-Максимовский монастырь, Ахметовская, Шишкинская, Параскове-Евгеньевская и Шерлинская копи, что в Кусе есть памятник Александру II, отлитый

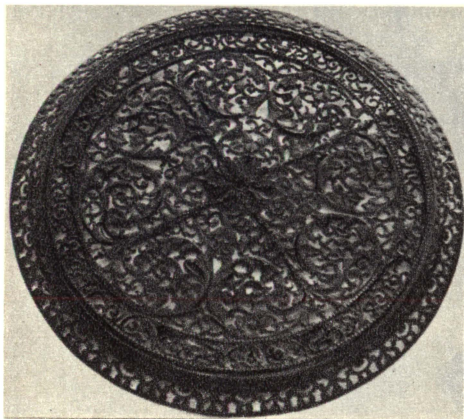
из чугуна здесь же, и что завод, как и Каслинский завод и Кыштым, является оплотом местного раскольниковства и при этом вскользь замечает, что завод художественными отливками успешно конкурирует с Каслинским. Вот в этом-то замечании и таятся основные достопримечательности Кусы, так как своими художественными отливками Кусинский и Каслинский заводы прославились на весь мир. Именно здесь из грубого и хрупкого чугуна ухитрялись делать превосходные художественные произведения.

Кусинское художественное литье получило высокий отзыв на выставке в Копенгагене в 1888 году, а в 1897 году в Стокгольме — серебряную медаль и, наконец, в 1906 году в Милане удостоилось высшей награды.

В Кусе мне рассказали, что будто бы П. Карпинский, управляющий кыштымскими заводами, явился однажды в Петербург на собрание промышленников и удивил всех тем, что на жилете у него вместо золотой цепочки болтался шелковый шнурок. Над ним стали потешаться. Но он посоветовал приглядеться. Каково же было удивление присутствующих, когда «шелковый» шнурок оказался чугунной цепочкой. «За такое чудо ему миллионы предлагали, а он отказался, славу уральских мастеров берег», — добавил рассказчик. А поражаться было чему: тонкая, как шпагат, цепочка была сплетена из сотен мелких цепочек, и каждое звено в звено вставлено, и нигде нет спайки, которая бы мягкость цепочки нарушала. Чугун — материал не вязкий, очень хрупкий, быстро остывающий. А литейщик изготовлял звенья, невидимые глазу. «Это тебе не блоху подковать», — присовокупил рассказчик. Подобную цепочку я видел недавно в Каслях. Действительно, мастерство неподражаемое.

К сожалению, описывая шедевры художественного литья, Кусу упоминают редко. Большой частью ссылаются на каслинское литье. А между тем кусинское литье было достойным соперником каслинского. Впрочем, не будем спорить. Тем более что много произведений кусинцев изготовлялось по тем же моделям скульпторов Е. Лансере, Н. Либериha, И. Баха и других, что и у каслинцев, поэтому, видимо, правильнее говорить — «кусинско-каслинское» или просто «уральское художественное литье».

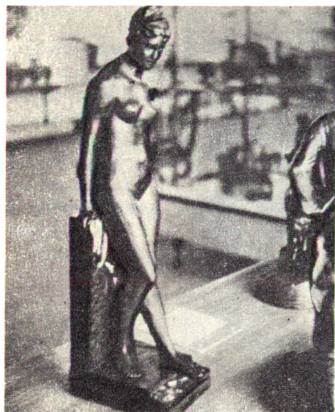
Касли расположены чуть севернее Кусы. От Челябинска до Каслей рейсовым автобусом можно доехать всего за три часа. Каслинский завод построен в 1747 году. Из памятников XVIII века здесь сохранился дом управляюще-

*Столешница.
Чугунное литье. XIX в.
Коллекция А. Гилева.
Касли*

го. Это одноэтажное, с цокольным этажом и двумя лоджиями здание, построенное в стиле раннего классицизма с элементами барокко. Оно украшено лепниной и каннелированными колоннами. Сохранился в Каслях и госпиталь, построенный, по данным местного музея, в 1780 году, и церковь Вознесения, стоящая на высокой скале, возвышающейся над городом. Но самое примечательное в Каслях, как и в Кусе, — художественные отливки, о которых великий Д. Менделеев говорил: «Будь эти отливки производимы во Франции или в Германии — они были бы у всех и каждого на столе или популяризовали бы всевозможные, особенно древние и современные произведения скульптуры, и бронзовые изделия должны были бы уступить место такому литью, как каслинское»¹⁷.

Первые металлические изделия появились около девяти тысяч лет назад. Правда, они были кованные, а литье возникло гораздо позднее. На Урале около пяти тысяч лет назад уже изготавливали из меди шилья, ножи, крючки,

*Купальщица.
Чугунное литье. XIX в.
Челябинский областной
краеведческий музей*

а около четырех тысяч лет назад появились и первые художественные литые предметы из меди. Например, на рукоятках ножей из Турбинского могильника на Каме отлиты фигурки баранов. Причем настолько искусно, что специалисты без труда определили их породу. Подобные художественно оформленные литые орудия найдены недавно при раскопках у деревни Ростовка под Омском. Они также датируются серединой II тысячелетия до н. э. Правда, все эти предметы отлиты из мягкой меди. Подобные медные и бронзовые литые орудия с украшениями производились на протяжении последних трех тысяч лет. Но чугунное литье возникло сравнительно недавно. До XV века чугун считали браком при производстве железа, и только в XV веке из чугуна научились делать простейшие предметы — котлы, плиты, ядра. В то же время появляются первые попытки изготовить из чугуна художественные отливки — плиты с орнаментом, фигурки зверей для печных украшений и т. п.

*Ермак. Чугунное литье.
XIX в.
Каслинский
краеведческий музей*

На Урале с самого начала возникновения чугунолитейного производства зарождается и художественное литье. Может быть, истоки этого лежат в своеобразии быта русских уральцев. Здесь всегда преобладала металлическая посуда: чугунная, медная, железная. Чаще всего ее делали сами рабочие на заводах для себя. И эти чугунки, сковородки, кастрюльки, тарелки, кружки, «чугунки на ножках» — все, что в деревнях дореформенной России было великой редкостью, здесь было обыденным и привычным. Посуда изготовлялась с претензией на искусство, а порой мастера создавали и действительно произведения искусства.

Каслинское литье — это целый мир разнообразных тем, сюжетов, образов, начиная от крестьянина-пахаря, кончая Венерой Милосской. Уральские мастера сумели передать в тяжелом чугуне и сложный узор коры старого дерева и сохранить легкую грусть опавшей осенней листвы и старой хвои.

*Медведь.
Скульптор Н. Либерих.
Чугунное литье.
1898. Каслинский
краеведческий музей*

Каслинский завод стал выделяться своими художественными отливками лишь в середине XIX века. Но на Каслинском городском кладбище можно увидеть чудесные ажурные решетки, колонны, часовенки, отлитые безвестными каслинскими мастерами значительно раньше. (При паспортизации ценных памятников архитектуры Челябинской области были в первую очередь учтены три надгробия с Каслинского городского кладбища.)

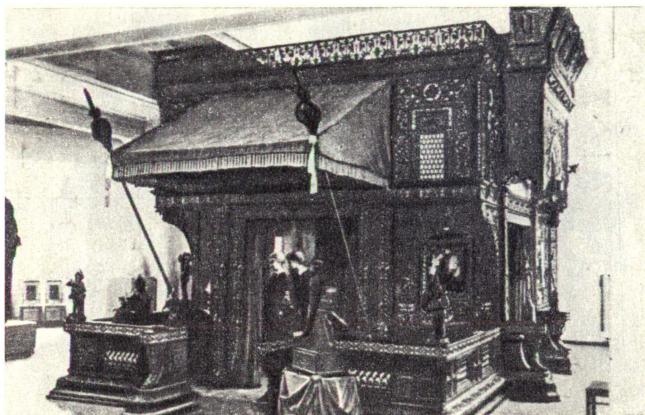
Уже в первой четверти XIX века мастера Каслинского завода настолько обратили на свои работы внимание управителей и хозяев заводов Кыштымского горного округа, что они пригласили из Петербурга скульптора.

Одним из первых скульпторов Каслинского завода был Михаил Денисович Канавин, ученик академика Лялина. Канавин добивается приглашения в Касли известных чеканщиков из Златоуста, таким образом соединив искусство художественного литья со знаменитой златоустовской школой чеканщиков по холодному оружию. В творчестве

*Конь. Скульптор П. Клодт.
Чугунное литье. 1900.
Каслинский
краеведческий музей*

М. Канавина сочетаются классические сюжеты («Геркулес, разламывающий пещеру ветров», «Вакханка у дерева» и др.) с темами из русских народных сказок («Мороз-демон», «Избушка на курьих ножках») и сюжетами из окружающей жизни. Особенно привлекателен его «Мальчик, играющий в снежки». Сменивший Канавина скульптор Николай Романович Бах тоже начинает с классических сюжетов, но, прибыв в Касли, очаровывается красотой уральских гор и лесов и полностью переключается на воспевание красоты уральской природы. Большую роль в творчестве кусинских и каслинских мастеров сыграли произведения П. Клодта. Его знаменитые кони служили моделью для целой серии сюжетно связанных между собой отливок. Вот всадник, укрощая коня, ведет его на поводу; вот он собирается сесть на, казалось бы, усмирненного коня, но тот черной молнией взвизгивает высь, и всадник уже на земле, но еще сдерживает коня; и, наконец, вырвавши повод, скачет свободный конь.

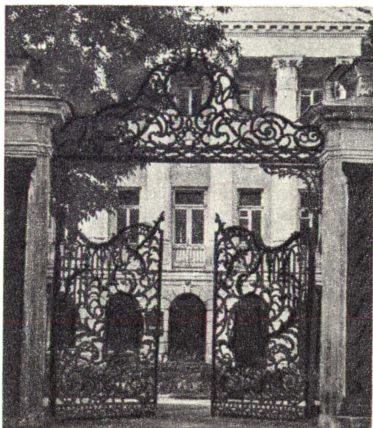

*Чугунный павильон
на Парижской выставке
1900 г.*

*Архитектор Е. Баумгартен.
Свердловская
картинная галерея*

По моделям скульпторов Е. Лансере, А. Обера, Н. Либриха и других созданы превосходные картинки из жизни: «Джигитовка лезгин», «Охота на медведя», «Собака-пойнтер», «Киргиз на лошади», «Девочка-грибница», «Охотник» и многие другие. Очень выразительны скульптуры самоучек: формовщика В. Торокина, чеканщика Д. Широкова и столяра К. Тарасова. Особенно хороши работы Торокина: «Старуха с прялкой», «Крестьянин на пашне», «Углевоз», «Литейщик за работой» и другие.

Готовясь к Международной выставке 1900 года, каслинско-кусинские мастера создали грандиозный шедевр — они отлили из металла целый павильон. Ажурный павильон для Парижской выставки вначале вырезали из дерева, а потом отливали в металле. Искусство старинной русской резьбы по дереву слилось с мастерством уральских скульпторов и литейщиков. Русский павильон на Парижской выставке с вычурными литыми стенами, фигурками гномов у входа и бородатými мастерами имел

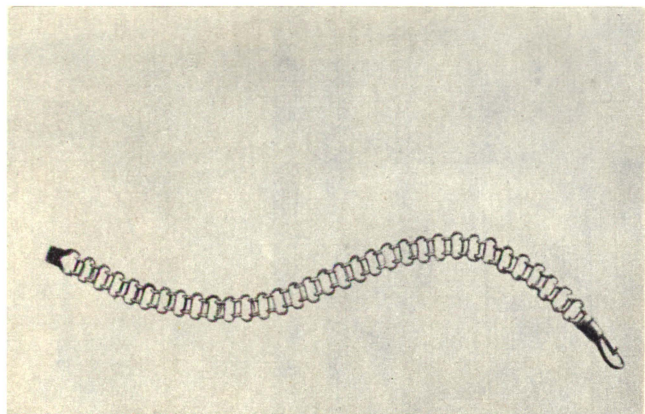

*Ограда дома
в Б. Толмачевском
переулке в Москве.
Чугунное литье.
1750—1760*

необыкновенный успех. Президент Франции при посещении павильона усомнился было в прочности понравившегося ему ажурного блюда из чугуна. И тогда один из мастеров с размаху бросил блюдо на землю, и оно не разбилось, к удивлению президента и его свиты. Изумляли всех чугунная линейка, которая гнулась не хуже стальной, и многие другие экспонаты. После выставки в Париже павильон разобрали, перевезли в Касли, и он долго ржавел грудой металла на заводском дворе. Только в 1950-е годы павильон был извлечен из хлама и очищен. Сейчас он экспонируется в Свердловской картинной галерее.

Каслинское художественное литье получило золотые медали на выставках в Париже в 1867 и 1900 годах, в Вене — в 1873-м, в Филадельфии — в 1876-м, в Копенгагене — в 1888 и 1898 годах, в Стокгольме — в 1897-м.

Слава кусинско-каслинских мастеров не померкла и в наше время. Их изделия украшают многие музеи и ули-

*Цепочка-браслет.
Чугунное литье.
Музей Каслинского
завода художественного
литья*

цы городов. Мосты метрополитена, набережные Москвы-реки, решетки Крестовского путепровода, Большого Краснохолмского и Крымского мостов, колонны и решетки Московского университета на Ленинских горах и многие здания столицы украшены изделиями современных каслинско-кусинских мастеров.

В 1976 году в Каслях главный скульптор завода А. Гилев показал мне и уникальную цепочку, отлитую из чугуна. Цепочка-браслет на каждом звене имеет по два едва различимых колечка, в каждое из которых входят кольца следующего звена. На конце цепочки — карабинчик, защелкивающийся на другом конце. Все это сделано с непередаваемым изяществом. Я не знаю, та ли это цепочка, о которой ходили легенды, или другая, но оторваться от нее было трудно. Музейные работники утверждали, что цепочка была одна и изготовлена она в начале прошлого века (Торокиным?). Скульпторы же говорили, что эту цепочку отлила в годы Великой Отечест-

венной войны литейщица Люба Самоделкина. Рассказывали, что японцы предлагали за чугунные цепочки золото, в шесть раз превосходившее их вес, но пока никто на заводе не наладил производства таких цепочек, да и возможно ли поставить на поток изготовление шедевров?

Любопытно отметить, что расцвет искусства литья начинается тогда, когда происходит упадок камнерезного искусства — в последней четверти XIX и в начале XX века. Искусство художественного литья как бы приходит на смену непревзойденному мастерству резчиков по камню.

САТКА. От Златоуста до Сатки примерно столько же, как и от Миасса до Златоуста. Проехать можно той же автострадой союзного значения.

Километров десять не доезжая Сатки, около Березовского моста, видны остатки «Пугачевского» вала. Саткинцы говорят, что здесь происходила битва Пугачева с Михельсоном. Источники свидетельствуют, что Пугачев вступил в Сатку в декабре 1773 года. К нему отошла «не только в заводе Саткинском денежная казна до 10 тысяч рублей, но и пушек 20, пороха до 5 пудов и, кроме того, заводчика и фабрикантов домовое имение»¹⁸. 30 мая 1774 года Михельсон разбил пугачевцев под Саткой и нашел Сатку сожженной, а крепостные ушли с Пугачевым. По преданию, Пугачев увез и одну из саткинских красавиц, назвав ее «государыней».

Въезжая в Сатку со стороны Златоуста, как бы возвращаешься на два века назад. Те же небольшие деревянные и, редко, каменные домики, те же высокие бревенчатые заборы и крыши, покрывающие не только двор, но и пристройки и помещения для скота. Здесь же во дворе, а не где-то далеко на огороде, как в большинстве сел Приуралья, банька — уютная, с котлом и самодельным водопроводом. Избы рабочих здесь, в отличие, например, от Миасса, внутри белили.

Если въезжать в Сатку с запада, со стороны Бакала, то сразу попадаешь в большой современный город с высокими многоэтажными домами, асфальтированными улицами, клубами, кинотеатрами и дворцами культуры. Наиболее известен клуб завода «Магnezит».

В центре старого города к прямоугольной площади примыкают два главных здания — завод и церковь. Саткинская церковь славилась в старину своим колоколом звонким, с высоким чистым тембром. Сейчас в церкви музей.

*Саткинский
краеведческий музей*

Заводской пруд — неотъемлемая часть всякого уральского горного завода — в Сатке устроен по-особому. Здесь не только перепружена река Сатка, но для того, чтобы сила падающей воды была больше, еще в XVIII веке сооружена плотина в восемнадцати километрах от завода на высокогорном озере Зюраткуль. Падая с 300-метровой высоты по деревянным желобам, вода приобретала большую силу, достаточную для вращения всех механизмов завода. Строители XVIII века соорудили грандиозный деревянный акведук на протяжении почти двадцати с лишним километров. Сооружение еще недавно поражало своей мощностью, но сейчас оно пришло в ветхость и заменено бетонными каналами.

Саткинский завод построен в 1757 году купцом Мосоловым. Рассказывают, что весь этот огромный край Мосолов купил у местных башкир за 20 рублей. Саткинский завод славился своим высоким качеством пудлингового железа. Работал он на одной из самых богатейших на

Урале бакальской руде. Производил завод артиллерийские стволы. В Сатке и сейчас можно видеть домы XVIII века.

Модели доменных печей и других механизмов завода есть в Саткинском краеведческом музее. В музее же мы снова встретились с яшмовыми изделиями. Причем все они были сделаны из той самой полосчатой сургучно-зеленой яшмы, из которой были изготовлены чаша-храм и другие изделия, понравившиеся мне в Эрмитаже. Большая часть изделий из яшмы поступила в Саткинский музей с озера Зюраткуль. Их собрали там школьники 12-й Бакальской школы и краевед М. Коростылев.

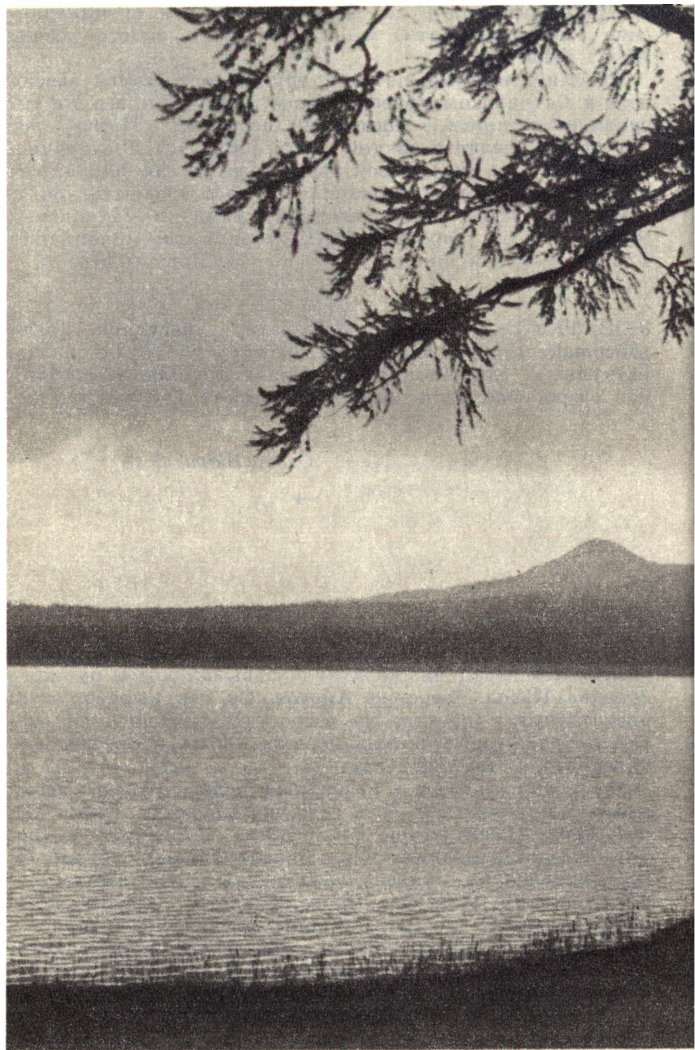
ЗЮРАТКУЛЬ. Из Сатки на Зюраткуль регулярно ходит рейсовый автобус. Здесь база рыбаков и охотников. Зюраткуль — единственное на Урале крупное высокогорное озеро. Оно расположено на высоте 740 метров над

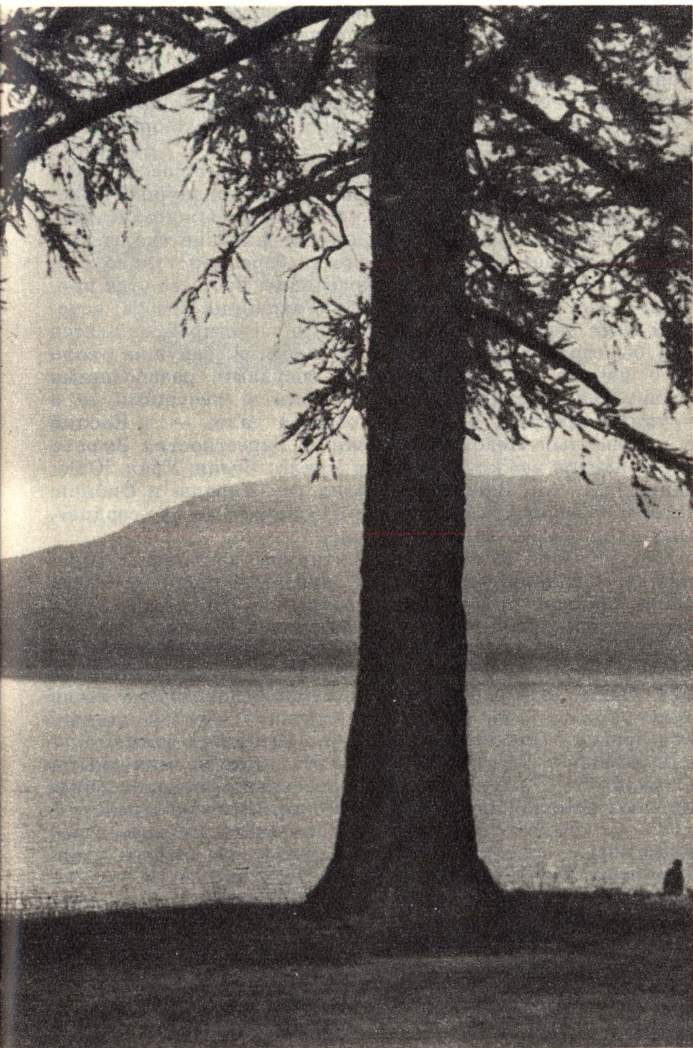
Озеро Зюраткуль

уровнем моря. Для Урала это высоко. Около ста шестидесяти лет назад на Зюраткуле побывал «отец русского булата» Павел Петрович Аносов. Он так выразил свои впечатления о поездке на озеро: «Поднявшись на вершину Урала, наблюдатель перестает быть в сфере обыкновенного состояния души»¹⁹.

Места вокруг озера в те времена были глухими и опасными. В путеводителе 1902 года указывалось: «Окружающие завод (Сатку) горы — Зигальга, Нургут, Сука́, Зюраткуль — с давних пор служат главным убежищем раскольнических скитов и потаенных моленных<...> раскольников на заводе много. Страсть к скитничеству поддерживается, с одной стороны, религиозным фанатизмом<...> а с другой стороны — необъятная ширь почти девственных лесов и безграничное пространство гор с весьма редким населением дают полную свободу и простор скитнику. В скитах Урала скрываются лучшие силы раскола...»²⁰.

Правда, раскол на Урале имел много заметных черт дохристианских языческих верований. Саткинские раскольники глубоко верили в ведьм, колдунов, порчу, домовых, обожествляли животных. На Зюраткуле нам пришлось встретиться с остатками древнеуральского культа медведя. Попадались нам в лесах за Зюраткулем и остатки древних скитов.

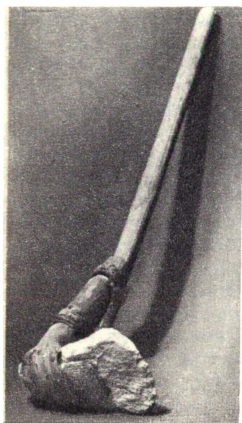
Удивительно красивы Зюраткуль. Стройные сосны и ели сбегают прямо к воде, где у их подножия шуршат, ласково перебирая мелкий песок, волны. На южном Каменном мысу они тщательно полируют плоские скалы, лес здесь отступает немного от кромки берега, и только редкие и очень могучие лесные красавицы прорываются прямо к самой воде. Если смотреть с вершины хребта, который тоже называется Зюраткуль, то озеро представляется как бы сердцем Урала, а ручьи и речки, берущие около него начало, — кровеносными сосудами, разносящими живительную влагу во все стороны и несущими ее в крупные артерии, в Волгу, Тобол, а далее — в Каспий и в Северный Ледовитый океан. В окрестностях Зюрата берут начало все крупные реки Урала: Белая, Урал, Юрюзань, Уфа, Ай. Здесь водораздел рек Европы и Сибири. Кстати, в переводе Зюраткуль и означает «озеро-сердце». Оно и впрямь похоже на сердце.

Сейчас озеро объявлено памятником природы и охраняется государством. Первые яшмовые поделки здесь были найдены при ремонте плотины в 1967 году, когда уровень озера понизился и обнажилось его дно. При обследовании озера в 1968—1969 годах нами было открыто восемь стоянок человека каменного века. Некоторые из них были долговременными поселениями, другие лишь кратковременными стоянками, третьи — местами остановок древних рыбаков и охотников. И на всех этих стоянках найдены орудия из яшмы. На двух из них (мысы Каменный и Долгий Ельник I) во время раскопок обнаружены остатки древнейших жилищ, стены которых выложены камнем. В жилищах всевозможные кремневые и яшмовые поделки и обломки таких же сосудов с орнаментом, какие встречались на Чебаркульской стоянке и которые мы видели в Миасском, Златоустинском, Саткинском и Челябинском музеях. Это украшенные загодичными рисунками неолитические сосуды, изготовленные около пяти-шести тысяч лет назад. На Долгом Ельнике I при подъеме воды в озере слой земли, который прикрывал остатки жилища каменного века, был размыт, но так как течения здесь не было, то все находки остались на

*Сосуд из обожженной
глины.
Суртандинская культура.
III тыс. до н. э.*

своих местах. Когда из-за ремонта плотины уровень озера понизился на четыре-пять метров, нашему взору открылась редкая картина — развалы стен жилища, очаги с грудями осколков камня, орудий, грузил, сосудов и т. п. лежали прямо на поверхности, как будто бы только что были оставлены первобытными рыболовами. Раскопок не требовалось — все лишнее смыла вода. Правда, от долгого пребывания под водой некоторые древнейшие предметы, например сосуды, стали рыхлыми и под палящими лучами солнца прямо на наших глазах рассыпались в прах. Приходилось очень оперативно консервировать то, что сохранилось. Орудий из яшмы на этой стоянке было меньше, больше было изделий из кремня, сланца и даже гранита, который вообще-то малопригоден для орудий. Особенно восхищали длинные, острые, прямо-таки ювелирно обработанные кинжалы. С двух сторон они были покрыты ретушью — следы сколов мелких чешуек образовывали как бы тонкую рябь по всей поверхности

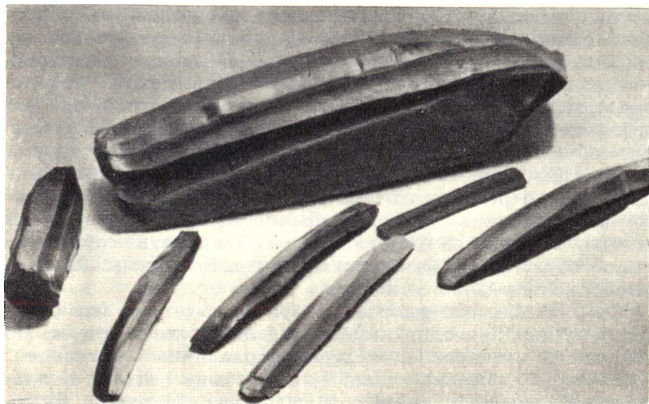

*Каменная мотыга.
Стоянка Каменный мыс
на озере Зюраткуль.
Сургандинская культура.
III тыс. до н. э.*

орудия, казалось, что древние люди хотели изобразить на твердом камне волнующуюся поверхность озера.

В жилище на Каменном мысу вместе с яшмой, кремневыми и сланцевыми орудиями были найдены мотыги, изготовленные из кварцита. Эти редкие находки наводили на размышления. Мотыга — земледельческое орудие, и то, что мы нашли мотыги в жилище каменного века, позволяло предполагать, что на Южном Урале уже в то время появилось земледелие.

На южном берегу озера, на Безымянном мысу, располагалась самая древняя стоянка. Она относилась к эпохе мезолита (8—12 тысяч лет назад). Орудий из яшмы здесь было больше, чем на неолитических поселениях. Особенно любопытны были маленькие (всего 1,5—2 см в длину) яшмовые ножички в виде правильных ромбов, трапеций и треугольников. Вначале они поразили нас только своей остротой — ими можно было бриться. Позднее, когда мы с ними столкнулись еще раз на стоянках в центре

*Нуклеусы
и ножевидные пластинки
из яшмы
и горного хрусталя.
Стоянка Долгий Ельник
на озере Зюраткуль.
IX—VI тыс. до н. э.*

яшмового пояса, оказалось, что с этими трапециями связано много интересных научных проблем. Но об этом немного позднее. Вначале нужно разобраться, где местные первобытные художники добывали яшму для своих чудесных поделок и орудий. Самое интересное было то, что и трапециевидные ножички и резцы, скребки и другие орудия, найденные при раскопках на Зюраткуле, были сделаны из той же темно-красной с нежно-зелеными полосками яшмы, из которой были выполнены чаша-храм, колонны на беломраморном камине Зимнего дворца и другие шедевры XVIII и XIX веков. Только на Зюрате яшма использовалась для поделок на десять тысяч лет раньше.

Местные жители уверяли, что у озера имеются выходы яшм, и ее здесь давно добывают. В самом деле, недалеко от озера мы натолкнулись на старинный рудник, который разрабатывается и сейчас. Огромные глыбы зеленоватого полосчатого камня были свалены в кучи и дожи-

дались отправки на камнерезные фабрики. Хотя было уже темно, когда мы добрались до карьера, но все же видно было, как темные полоски на камне сменялись светло-зелеными; как правило, они шли строго горизонтально одна над другой. Это был окаменелый ил дна древних морей. Точно так образовалась и яшма. Вначале мы обрадовались — наконец-то нашли месторождения яшмы. Но радость наша померкла, когда мы при свете дня рассмотрели наши трофеи. Во-первых, эта «яшма» не имела блеска, который обычно бывает у настоящей яшмы и кремня. Попробовали поцарапать собранные нами образцы, и разочарование стало полным. Железо свободно царапало камешки.

Как известно, твердость минералов с давних пор определяют, царапая один камень другим, более твердым. По твердости установлено десять различных ступеней: 1) тальк; 2) каменная соль; 3) известковый шпат; 4) плавленый шпат; 5) апатит; 6) ортоклаз; 7) кварц; 8) топаз; 9) корунд; 10) алмаз. Яшма уступает по твердости только корунду и алмазу. Полосчатый камень с Зюраткуля свободно царапался куском металла. Значит, мы нашли не яшму, а какой-то другой камень тоже осадочного происхождения (то есть образовавшийся от осадков со дна моря), но не закаленного после этого вулканами, как это было с яшмой, и поэтому не такого твердого. Позднее мы узнали, что это офиокальцит. Он тоже идет на всевозможные ювелирные поделки. И чтобы в дальнейшем нам не путать яшму с другими цветными камнями, видимо, уместно здесь несколько подробнее остановиться на яшме и других камнях, вспомнить об их использовании разными народами в разные эпохи.

ЯШМА И САМОЦВЕТЫ. Если спросить специалистов о том, что такое яшма, то можно получить различные ответы. Камнерезы и ювелиры называли бы яшмой всякую плотную кремнистую породу, принимающую при полировке «хорошее лицо». Под это понятие подходит и настоящая яшма, и агат, и кварцевый порфир, и порфирит, и окремленный сланец, и тонко-зернистый сливной кварцит. Минералоги же называют яшмой только плотные породы, состоящие из мельчайших кварцевых зерен, спянных иногда глинистым, иногда кремнистым цементом. По своему составу яшма близка и к кремням, и к агатам, и к халцедонам, и к роговикам, и к другим твердым породам.

Термин «яшма» вошел в литературу очень давно. «Иешме» — так почти повсюду на Востоке в древности называли твердые зеленые камни: у персов цветные камни называли — «яшм», у афганцев — «яшаб», у греков — «яспис». А. Ферсман приводит очень интересные данные из грузинского сборника X века, в котором описываются разнообразные сорта яшм, и «темнее лепестков красных цветов», и «кровяного цвета», и «винного цвета, похожий на аметист», но «не одного цвета и одной силы», и «другой блестящий иаспин», схожий с цветом пламени и дыма, но светлее и более блестящий...», и «еще другой иаспин, не такой великий и не такой блестящий, как первый, с крапинками в одном и том же зерне»²¹.

Таким образом, еще тысячу лет назад различали много сортов яшм по цвету, блеску и т. п. И в самом деле, иногда на одном кусочке яшмы можно встретить все цвета радуги, то резко разделяющиеся друг от друга лентами и пятнами, то легко и плавно переходящие один в другой, а иногда огромный монолит весь одноцветен. Названия яшмам чаще всего дают по характеру их окраски, причем различают одноцветные яшмы (серые, красные, фиолетовые) и пестрые (большое разнообразие — ленточные, полосчатые, брекчевидные, крапчатые и т. п.); или по внешнему сходству с чем-нибудь привычным — сургучная, кирпичная, фарфоровая, копеечная, и реже по местности, где их добывают. Так как яшма окрашена во все цвета, то сразу отличить ее от других цветных камней не так-то просто. Правда, пестрых камней не очень много в природе, поэтому с древнейших времен пестроцветный камень обращал на себя внимание человека. Игра его цветов то с мягкими переходами, то с резкими контрастами влекла к себе и побуждала собирать его среди галек пустыни, в наносах горных рек или же закладывать целые ломки в горах.

История яшм не отделима от истории других цветных камней. Как известно, у всех племен и народов, стоящих на первобытной стадии развития, замечено особое приращение к разного рода украшениям из кораллов, ракушек, цветных камней и т. д. Не меньше любили цветные камни и народы древности. Красивые пестрые камешки, попадавшие им на глаза в руслах рек, в расщелинах гор или на берегу озер, они подбирали и украшали ими свою несложную одежду. Привлекала красота камней, их правильная форма, блеск и цвет, а может быть, и добытые чисто практическим путем наблюдения над некоторыми из их свойств.

Видимо, уже давно человек заметил, что бриллианты, изумруды, рубины, опалы выигрывают при искусственном освещении, сапфиры и шерлы при этом теряют свой вид, а александрит меняет цвет, корунды, турмалины, шерлы, аметисты, хризолиты, топазы электризируются, алмаз и нагретый плавиковый шпат светятся в темноте, и почти все теряют свой цвет под длительным влиянием солнечных лучей. Эти загадочные для первобытного человека явления легко могли возбудить не только любовь к камням, но и своего рода религиозное почитание, основанное на вере в их чудодейственные свойства^{2 2}. С камнями стали связывать представления о сверхъестественной силе, способной так или иначе влиять на судьбу человека. Владелец подобного камня-амулета должен был не только им дорожить, но и тесно связывать его с собственной личностью, видя в нем особую, ниспосланную свыше могучую силу, ограждавшую от таинственных враждебных влияний.

Самоцветы всегда являлись чем-то таинственным, поэтому около них с давних времен сложились легенды, поверья и сказки, дошедшие до наших дней. Волхвы, знахари и ведуны обратили эти поверья в свою пользу. Царь камней алмаз стоит здесь, конечно, на первом месте: он предотвращает от болезней желудка, помогает при тяжелых родах, делает носящих его угодными царю, измельченный в тончайший порошок и всыпанный в «султанский кофе», отправляет ненужного восточному деспоту человека на тот свет, а в общем служит эмблемой чистоты и невинности. Бирюза — по преимуществу «камень счастья» как отражение голубого неба и голубых глаз красавицы. Зеленой яшме и другим зеленым камням в Перу и Мексике поклонялись как божественным. Яшмой лечили от лихорадки и эпилепсии. Изумруд — «смарагд зелен, чист, весел и нежен, как трава весенняя, и когда смотришь на него долго, то светлеет сердце. Если поглядеть на него с утра, то весь день будет легким. Он отгоняет дурные сны, утишает биение сердца и отводит черные мысли. Кто носит смарагд, к тому не приближаются ни змеи, ни скорпионы», — говорит сказание халдеев и арабов^{2 3}. В индийских лапидариях говорится, что цветные камни — это кровь, которую пролил царь Ассур в битве с чудовищем; там, где эта кровь пала на дно реки, образовались рубины, там, где она упала в песок Ганга, — гранаты, когда желчь побежденного царя змей падала на границы пустынь близ моря, рождался изумруд; что касается жемчуга, то это слеза моря о погибших боггах.

Сократ на пороге смерти поведал ученикам, что он видит настоящую, чистую землю... «И вся эта истинная земля состоит из драгоценных камней и самоцветов. Наши камешки, которые мы так любим, — все эти опалы, сапфиры, изумруды и т. п. являются частицами тех камней»²⁴.

У древних греков и римлян была особенно развита страсть к камням-амулетам, предохранявшим от порчи, от дурного глаза и разных болезней. Например, аметист, служил, по мнению римлян, прекрасным предохранительным средством от опьянения. Вероятно, в связи с этими таинственными свойствами камней сложилось их посвящение разным языческим богам и богиням. Так, аметист был посвящен Венере, сапфир — Юпитеру. Великолепные античные камеи, которыми мы любуемся в музеях, для их современника имели глубокий внутренний смысл: резчики изображали Бахуса на аметисте, Нептуна и Тритона — на аквамарине, Прозерпину — на черных камнях. Христианская вера, сменившая язычество, унаследовала от него некоторые суеверия, придав им другой смысл: аметист оказался посвященным евангелисту Матфею, кровавой сердолик — мученику Варфоломею, яшма (яспис) — апостолу Петру и т. д.

Суеверия предательства о цветных камнях в древности поддерживались не только в религиозных культах, но и в трактатах по минералогии и медицине. Например, Плиний Старший пишет, что аметист не только предохраняет от опьянения, но если на нем вырезать луну или солнце и носить его на шее, в волосах кинокефала или на перьях ласточки, то он спасет от отравления. Если носить гелиотроп вместе с цветком того же названия, то человек в любой момент при произнесении некоторых заклинаний может стать невидимым²⁵. Источником таких сведений о камнях были лапидарии, восходившие, видимо, к Древнему Востоку. В них было указано не только на силу и свойство каждого камня, но и какие следует вырезать на них изображения, чтобы усилить их влияние. Предусмотрено все, начиная от политических переворотов и кончая зубной болью. В них есть описание камней, которые лают по-собачьи при приближении вора, или камня, при помощи которого можно отличить верную жену от неверной, и т. п.

Древний Восток не знал замков, и поэтому вместо ключей в Древнем Египте и Месопотамии использовали резные печати из камня. Печать накладывали не только на письма и документы, но и на ларцы, сосуды, амфоры,

на внешние и внутренние двери дома. Эгейский мир, Греция и Рим уже были знакомы с ключами, но тем не менее обычай наложения печатей сохранился. Сохранился закон Салона, запрещающий резчикам оставлять у себя оттиски с вырезанных ими печатей. Но большинство античных резных камней совмещало все три назначения глиптики: их носили как украшения, ими пользовались для практической цели как печатями и с ними же связывали те или иные суеверия. Но главное, видимо, было в том, что камни были хорошими украшениями. Один внешний вид красивых разноцветных камней способен влиять на эстетическое чувство и возбуждать желание употреблять их в виде украшений.

Еще Аристофан и Платон отмечают стремление украшать себя цветными камнями, особенно у женщин, изнеженных юношей, софистов и музыкантов. Модные в то время перстни, украшенные вставленными в них резными камнями, носили как женщины, так и мужчины и даже дети. Были перстни зимние — более тяжелые — и летние — более легкие. Древние резные цветные камни — богатейший исторический источник. На них представлены боги, демонические существа и религиозные символы, сцены из мифологии, сказок, актеры, маски, копии утраченных ныне или дошедших до нас в искаженном виде известных в древности статуй и картин, портреты как знаменитых, так и безвестных для нас лиц, сцены из жизни, многочисленные изображения животных и многое другое. Древнюю глиптику смело можно сравнить с зеркалом, отразившим жизнь и искусство.

В средние века и новое время сохранилось сложившееся в древности деление камней на мужские и женские: первые сильнее окрашены, цветистее, вторые бледной воды. По-прежнему камни использовались для разных поэтических легенд и просто для сравнения. Красный рубин и красное вино считались родственными, а метафорически рубин изображал красные уста красавицы. Самой драгоценной была та бирюза, которая напоминает цветом глаза девушки, и имеет форму женской груди. Верили, что камни могли болеть, как живые люди. Говорили, что заболевший жемчуг (он считался камнем) мог вылечиться только при том условии, если непорочная девушка искупается с ним в море сто один раз. Особенно почитались драгоценными камни с разными таинственными пророслями внутри, как горный хрусталь, аметист или турмалин: такие проросли римляне называли волосами Венеры, а на мусульманском Востоке — волосами

от бороды какого-нибудь святого. Все народы заплатили известную дань этим суевериям.

Древний русский человек тоже любил самоцветы. Цветным камням, которые обобщенно называли лалами и яхонтами, также придавали самые необыкновенные свойства. Говорили, например, что тот, кто носит бирюзу, не будет убит, что она прекрасно помогает при продаже испорченных лошадей и при конокрадстве. Об изумруде в старинных хрониках говорится, что он укрощает ядовитых змей, а если его истолочь и выпить, то спасает от отравления. Если же носить при себе рубин, то не будут сниться страшные сны, и что он помогает вернуть зрение, а если носить его в перстне постоянно, то можно стать честным человеком.

«Кто яхонт червлёный при себе носит, снов страшных и лихих не увидит <...>, а еще кто в солнце смотрючи, очи затемнит, тогда ему поможет <...>, а еще кто тот яхонт носит в перстне при себе, тот и скрепит сердце свое и в людях честен будет»²⁶.

О красной яшме и агате торговая книга XVI века говорит: «Красный камень сердце отвеселит и кручину и неподобные мысли отгонит, разум и честь умножает, силу и память человека врачует»²⁷.

Особенно видную роль в древности играли такие таинственные камни, как «безуй» или «балангуст», которые рекомендовали принимать вместе с хрусталем толченым и с медом, ибо от них множится ум, жажда унимается.

Каждый город имел свои избранные цвета камня. У новгородцев любимым цветом был голубой, у устюжан — зеленый и красный, у ростовцев — синий, красный и желтый. Каждому камню приписывалось определенное основное свойство. Алмазу — чистота и невинность, сапфиру — постоянство, красному рубину — страсть, розовому рубину — нежная любовь, изумруду — надежда, топазу — ревность, бирюзе — каприз, аметисту — преданность, опалу — непостоянство, сардониксу — супружеское счастье, агату — здоровье, хризопразу — успех, аквамарину — покровительство (к купцам и артистам), аквамарину — неудача.

Каждый месяц имеет свой камень: январь — гранат, февраль — аметист, март — яшму, апрель — сапфир, май — изумруд, июнь — агат, июль — сердолик, август — сардоникс, сентябрь — хризолит, октябрь — аквамарин или опал, ноябрь — топаз, декабрь — хризопраз.

Можно сказать, что и каждая историческая эпоха имела свои любимые камни. Особенно часто менялась мода на

камни в XIX веке: в начале века в Западной Европе была мода на дендриты, в тридцатые годы — на гиацинты, в сороковые — на ониксы, в шестидесятые годы — (в Париже) на оливин, в 1870 году — (в Вене) на кровавик (гематит), а в Англии в то же время — на «кошачий глаз». В России в 50-е годы XIX века в моду вошел опал. Правда, некоторые не носили опалов как камней, предвещающих несчастье. Такая репутация за опалом установилась давно, видимо, за изменчивый цвет. Перед началом Февральской революции была мода на янтари с насекомыми.

На Урале «камешки» с давних пор воспеваются народом. Например, рекрутские песни открываются такими лирическими вступлениями:

Дорогой ты мой камешек, возлюбленный,
Залежался ты, мой камень, на крутой горе,
На крутой горе, на сырой земле!

или

Уж вы, яхонцы, яхонцы,
Самоцветные камешки,
Полежите малешенько,
Пока я молодешенька...

Камни и сейчас воспевают в песнях:

Камни, камни — самоцветки,
Уросливы, привередливы,
Не ко всем идете в рученьки,
Обойдете бесталанного,
Обойдете несчастливого²⁸.

Еще в древности цветные камни стали собирать. Плиний передает рассказ о некоем музыканте Исмении, который имел особых агентов, скупавших резные камни везде, даже на отдаленном Кипре. Большие коллекции резного камня имели Александр Македонский, Цезарь, Август и другие.

Первым выдающимся собирателем античных гемм в эпоху Возрождения был Петрарка. В XV—XVIII веках эта страсть приобрела почти эпидемический характер. Всякий образованный человек собирал резные камни, и самые выдающиеся художники черпали в них художественное вдохновение. В период пышного расцвета камнерезного искусства в XVIII веке античные сюжеты и античный стиль не переставали царить. Подавляющее большинство произведений — это лишь подражания или копии с «антиков». Лишь немногие мастера смогли

освободиться от этого гипноза и создать свой особый индивидуальный стиль.

А. Ферсман писал, что все цветные камни — и агаты, и халцедоны, и кварцы — все это лишь скромная страничка, очень маленькая в истории пестроцветного камня, а первое место в этой истории должно быть, безусловно, отведено яшмам и мраморам. «Я не знаю другого минерального вида, который был бы более разнообразен по своей окраске, чем яшма: все тона, за исключением чисто синего, нам известны в яшме, и переплетаются они иногда в сказочную картину»²⁹.

Самыми обычными цветами являются красный и зеленый, к ним примешиваются оранжевый, желтый, бурый, черный, серо-фиолетовый, голубовато-зеленый и другие.

Именно окраска и составляет основную декоративную ценность этого непрозрачного камня. Иногда встречающаяся слабая просвечиваемость придает ему особую глубину, которой отличается мягкий, бархатистый тон некоторых яшм Урала.

Мрамор, благодаря своей мягкости, еще в древности сделался наилучшим материалом для архитектурных и крупных скульптурных изделий. Яшма же, твердая и прочная, очень трудно обрабатываемая, только с XVIII века стала применяться для крупных декоративных изделий. В это время в России создается совершенно новый вид камнерезного искусства. Если во все прошедшие времена на протяжении более десяти тысяч лет из твердого цветного камня вырезались лишь мелкие предметы — амулеты, печати, украшения, то в России в XVIII веке создается совершенно необычное монументальное искусство резьбы по твердому цветному камню. Из самых твердых самоцветов вырезаются колоссальные чаши, гигантские вазы и колонны. Главным материалом для них служила уральская яшма. А. Ферсман считал, что именно с обработки яшмы началось камнерезное искусство на Руси.

ИЗ ИСТОРИИ РУССКИХ ЯШМ. Наиболее интересные крупные художественные изделия из яшмы были созданы в конце XVIII века и в первой половине XIX века. Проекты для ваз и чаш в то время создавались лучшими художниками и архитекторами России: А. Ворониным, К. Росси, И. Гальбергом, А. Мельниковым. Во второй половине XIX века увлечение рельефной резьбой приводит к перегрузке изделий декорациями, а иногда и к

прямому «насилию» над камнем. Однако и в это время русские вазы получали премии на международных выставках.

Уральские яшмы проникали в Петербург еще в начале XVIII века. Первые «ясписовые камни», которые стали шлифоваться на Петергофской гранильной мельнице, были башкирскими яшмами. Уже к 1750 году в расцветавшем тогда Екатеринбурге создавалась кустарная промышленность, которая с огромными трудностями через казачьи поселения Южного Урала добывала для своих изделий яшмовый камень с «башкирских земель».

Яшма — камень высокой твердости. Она не боится выветривания. Но для мастера — это материал, неизмеримо более трудный, чем мрамор. Для ее обработки требуются особые высокотвердые вещества — абразивы: наждак, корунд, карборунд и др. Только в наше время техника обработки камней достигла необычайной высоты, почти сгладив разницу между твердыми и мягкими камнями. Но и в XVIII—XIX веках уральские мастера освоили очень широко добычу и обработку камня.

Основную массу художественных изделий из цветного камня в XVIII и XIX веках изготавливали три главные русские гранильные фабрики, находившиеся в ведении Кабинета: Петергофская, Екатеринбургская и Колыванская. На изготовление каждого изделия необходимо было особое распоряжение Кабинета его величества (потом он стал называться министерством императорского двора).

На Екатеринбургской фабрике, как и на большинстве уральских заводов, трудились преимущественно приписанные к ней крепостные. После отмены крепостного права фабрика, как и многие уральские заводы, пришла постепенно в упадок. В конце XIX века Д. Мамин-Сибиряк писал, что «каменный промысел в Екатеринбурге не делает ни шагу вперед, а только повторяет старые образцы, рисунки и модели. Старые мастера, выучившиеся на гранильной фабрике, быстро вымирают, а новым негде учиться <... > Между тем Екатеринбургская гранильная фабрика за свои изделия на всех русских и заграничных выставках получала самые почетные награды, и «екатеринбургская грань» известна даже у парижских мастеров <... > Громадные вазы из орлеца или из ранних яшм — своего рода шедевры. Единственный недостаток их — высокая цена, но дешевыми они быть не могут, потому что работы за ними масса, и работа адски медленная»³⁰.

Удивительные это были фабрики. Они производили не промышленные товары, а десятки лет работали над одним

каким-либо шедевром камнерезного искусства. По сути дела, это были своеобразные творческие мастерские, где изготавливались индивидуальные произведения камнерезного искусства, прославившие Россию во всем мире, но прибыли они не давали и потому с развитием капитализма были обречены на угасание.

Первые вазы и чаши из яшмы в описях Государственного Эрмитажа значатся как подарки императору Александру I от «камергера и кавалера разных орденов графа Строганова Павла Александровича». Каждая такая ваза — уникальное произведение камнерезного искусства. А сделано их было немало. Только мастера Кольвани за сто лет (1802 — 1902) выполнили около 250 крупных vaz, 74 колонны, причем многие из колонн были более четырех метров высоты, несколько десятков каминов, канделябров-торшеров, столешниц, пьедесталов к вазам, а также много более мелких изделий.

В постановлении жюри Лондонской выставки 1851 года говорилось по поводу русских яшмовых vaz: «Мы не думаем, чтобы столь грандиозные и так хорошо сделанные произведения были когда-либо исполнены со времен греков и римлян»³¹. Поистине чудеса камнерезного искусства создавали русские умельцы в XVIII — XIX веках.

Обязательным элементом орнамента vaz и чаш был акант, который камнерезы Урала вырезали с полным знанием законов античного искусства. И это объясняется не только тем, что они точно следовали чертежам и указаниям архитектора. Нет, такие указания часто были очень лаконичны, а иногда и неопределенны — «Делать так». И при этом давался схематический рисунок орнамента или только одна форма чаши. А как именно разносить орнамент — это все определялось мастерами на фабрике. И, конечно, качество зависело от искусной работы мастеровых и подмастерий, которые своими руками высекали рисунок десятилетиями изо дня в день. Мастеров готовили в горном кадетском корпусе Академии художеств. Обучаясь в Петербурге, они знакомились с произведениями античных и средневековых мастеров и перенимали у них все лучшее.

Но даже самые талантливые из них редко могли рассчитывать на признание и славу или солидное материальное вознаграждение.

Работа по обработке камня была тяжелой и опасной. При обработке больших предметов из разных видов кварца, яшмы, агата, сердолика, порфира и т. п. употребляют железные и свинцовые колеса, вращающиеся около

горизонтального веретена с помощью махового колеса и ремня, приводимого в движение рабочим «вертелом», как их называли на Урале. Колеса погружаются своей нижней частью в корыто с наждаком и водой. наждак частью разбрызгивается вокруг, высыхая, обращается в пыль и делает работу вредной для легких. Во время шлифования на жернове кварцевые породы сильно фосфоресцируют красноватым светом и даже сыплют искрами. Тяжелую работу гранильщиков хорошо описал Д. Мамин-Сибиряк в рассказе «Вертел»³².

В трудах XIX века, посвященных гранильному мастерству, говорится, что гранильщики пользуются теми же способами обработки камня, что и первобытные люди. Главным средством для шлифовки служит наждак толченый, обладающий твердостью корунда, главным инструментом — «гранильный станок» — стол, над которым вращается металлический диск.

Вот так создавались все эти ценности, которые вручались императорам и королям. Собственно все гранильные фабрики России делали свои художественные произведения не для широкого потребителя. Уникальные вазы, торшеры и чаши предназначались только для двора и подарков за границу. В Государственном историческом архиве хранится много дел³³, показывающих, куда шла продукция, создаваемая на российских гранильных фабриках.

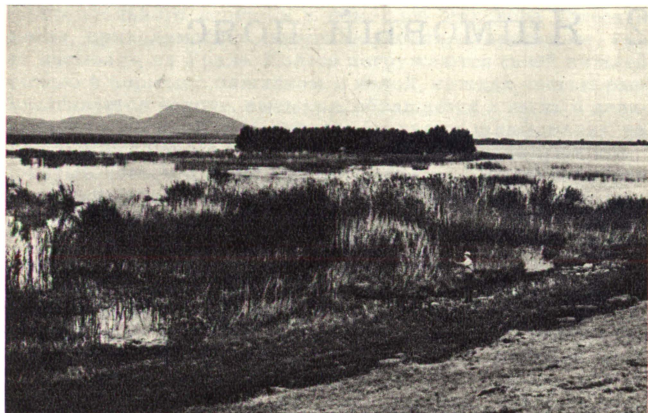
Много ценных произведений русского камнерезного искусства ушло за границу, погибло или осело в частных коллекциях и музеях разных стран. Но часть сохранилась и на родине.

По описи 1859 года³⁴, в Государственном Эрмитаже хранилось 117 крупных ваз, чаш и столешниц из яшмы. Большая часть их была изготовлена из «полосатой сибирской» ушкульской и из зелено-серой калканской яшм. Много ваз и чаш было сделано из кушкульдинской, аушкульской и других яшм. Но что означают эти названия — «ушкульская», «кушкульдинская», «аушкульская» яшма — понять было трудно. Попытки расспросить ленинградских камнерезов о том, где находятся эти месторождения и что означают названия, тоже не дали результатов. Мы попытались найти на карте название Кушкульда — эта яшма нам особенно понравилась, именно из нее был сделан храм-чаша на шести колоннах. Но такого названия на карте Урала не оказалось.

2. ЯШМОВЫЙ ПОЯС

ПРОДОЛЖЕНИЕ ПОИСКОВ. На Зюраткуле при раскопках стоянок и поселений человека каменного века мы нашли несколько тысяч изделий из яшмы. Их было здесь больше, чем на Чебаркульской стоянке. Это как будто бы указывало на то, что где-то поблизости должны были быть месторождения яшм. Однако ни на озере, ни в окрестных горах хребта Зюраткуль мы их не нашли. Двигаясь по реке Сатке, мы снова вышли к реке Ай, притоку Уфы. И по Аю и по Юрюзани яшма встречалась довольно часто, но понемногу и только на стоянках первобытного человека в виде изделий. И чем дальше мы уходили от Зюраткуля, тем меньше мы встречали яшмовых поделок.

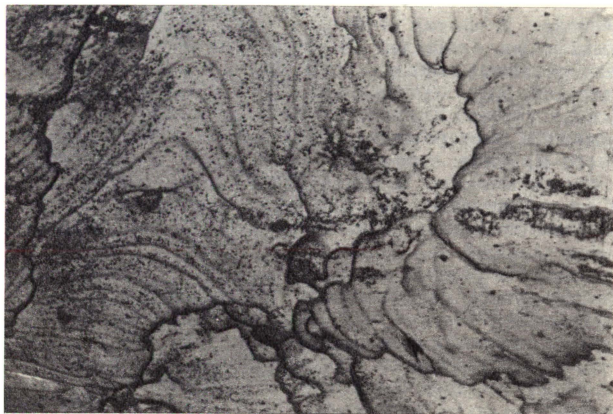
В городе Симе осмотрели дом, в котором провел детство знаменитый советский ученый И. Курчатов, школу, в которой он учился. Полюбовались мы рисунками первобытного человека в Идрисовой и Бурановской пещерах, сказочно красивыми видами у Сабакайской скалы и Казырбаковской пещеры (путешествие по Аю и Юрюзани требует отдельного рассказа). Что же касается поисков яшмы, то они остались безрезультатными. Видимо, все же люди каменного века приносили сюда яшму издалека — с основных месторождений яшмового пояса Урала, протянувшегося на пятьсот километров к югу от Миасса. Знакомство с ним мы решили начать с озера Аушкуль, так как оно находилось всего в тридцати пяти — сорока километрах от Миасса.

Озеро Аушкуль

АУШКУЛЬ. От Зюраткуля до Аушкуля тоже сорок километров, но это сорок километров почти неприступных гор, покрытых тайгой и болотами. Здесь расположены самые высокие вершины Среднего и Южного Урала — Ирмель (1586 м), Ямантау (1638 м) и другие. И не случайно на этом небольшом промежутке берут начало почти все основные реки Урала. Несмотря на неприступность гор, здесь все же был самый кратчайший путь из Европы в Азию. Достаточно было перевалить через хребет, отделяющий Аушкуль от Зюраткуля, и можно было спокойно плыть по течению рек вплоть до Волги; или с Волги, поднимаясь вверх по рекам до Зюраткуля, дальше вниз по Ую или Миассу и Исети в Тобол, Иртыш, Обь до Карского моря и далее. Может быть, именно этим путем шла яшма на запад и север?

От Миасса до Аушкуля добираться просто. Здесь ходят рейсовые автобусы. Последние километры перед озером дорога вьется среди полей, обходя горы и болота.

Аушкульская яшма

Вот впереди, среди невысоких берез, серебром блеснула полоска воды. Еще несколько метров, и перед нами открывается живописная картина: пологие холмы, небольшая чаша озера Аушкуля с несколькими островками. Прямо от озера поднимается гора Ауш, возвышающаяся над окружающей местностью более чем на четыреста метров. На склоне горы — деревня Старобайрамгулово. За озером виднеется скалистая вершина горы Уй-тош.

Поднимаясь по склону горы Ауш, мы сразу натолкнулись на выходы знаменитой «аушкульской яшмы». Наконец-то мы вышли на первое местонахождение яшм. Цвета яшмы светлые — палевый и песочный, но красоту ей придают марганцевые дендриты, создающие рисунок, иногда напоминающий веточки растений.

Имеются здесь выходы и красной яшмы, но ближе к деревне Старобайрамгулово. Выходы аушкульской яшмы тянутся южнее, к деревне Шарипово. Нашли мы здесь и древние стоянки, но без мастерских по яшме.

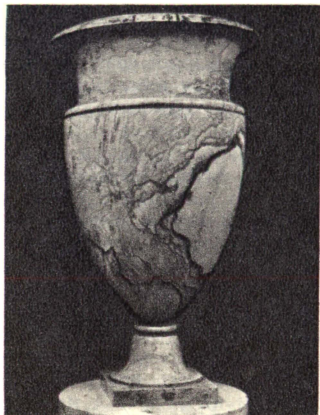
Севернее Аушкуля — Мулдакаевский район больших золотоносных площадей. Помимо золота здесь имеются и разнообразные выходы яшм и особенно знаменитой мулдакаевской, или шалимовской, как ее иногда называют по имени мастера Екатеринбургской фабрики Шалимова, открывшего месторождение этой яшмы в 1896 году. Это немного мрачная, серо-синяя яшма удивительной мягкости тона с мелкими и тонкими черными прожилочками или серо-зеленоватая со струйчатыми волнами синевато-серого или сплошного пепельного цвета. Иногда она приобретает дивный зеленовато-синий цвет и в этом случае не имеет себе равных по красоте.

Долгое время ее коренные месторождения были неизвестны. На склоне горы у деревни Мулдакаево была обнаружена типичная каменная россыпь. Только в советское время, в 1929 году, здесь был заложен карьер, вскрывший на глубине большие залежи этого камня. Яшма встречается здесь на полянке по склону холма, у березового леса в виде валунов, лежащих на поверхности почвы в густой траве.

Из такой яшмы в эпоху каменного века изготовлялась большая часть орудий и всевозможных изделий. Даже в зоне пестро-цветной яшмы, на берегах озер Карабалакты и Банное, орудия делались преимущественно из черной, темно-серой и зеленовато-синей яшмы. Причины такого выбора понять трудно. Может быть, цветные яшмы шли только на ритуальные и особые изделия, а в будничном обиходе было «грешно» пользоваться таким многоцветьем красок. А может быть, цветная стрела была более заметна для зверя...

Этот район очень богат разнообразнейшими видами яшм: тут кроваво-красные, кирпичные, черные яшмы, и знаменитая серо-желтая, и нежно-палевая с черными дендритами яшма озера Аушкуля, и пестрая тунгатаровская яшма, и яшма, рисунок которой напоминает крепостные строения на старых планах, почему она и получила название «фортификационной».

Разработка аушкульской яшмы началась еще в XVII веке. В XVIII веке она используется уже в качестве одного из основных видов сырья для изготовления ваз и чаш для Кабинета его величества. Кабинет поставляет изделия из аушкульской яшмы ко двору и преподносит по случаю разных праздников от имени императора различным сановникам, иностранным дворам и посольствам. По описи имущества Государственного Эрмитажа 1859 года³⁵, изделия из аушкульской и ушкульдинской яшмы

*Ваза
из аушкульской яшмы.
Мастер Я. Коковин.
1833. Гос. Эрмитаж*

составляют довольно значительную долю художественных ценностей императорского музея, изготовленных из твердого камня.

Цвет аушкульской яшмы — старая слоновая кость с нежным рисунком тонких черных дендритов — привлекал камнерезов. Хороша была аушкульская яшма и своей относительной мягкостью. Она прекрасно принимает полировку, хотя и содержит небольшие пустоты.

Петрографически аушкульская яшма является настоящей кристаллической породой. Она широко использовалась не только для больших ваз и чаш, но и шла на выделку табакерок, рукояток для ножей, печатей и т. п. Но славу ей создали все-таки крупные изделия. Парадную Советскую лестницу Государственного Эрмитажа (терebenьевскую — как ее еще называют по имени архитектора) украшают две вазы из аушкульской яшмы.

Вазы имеют яйцевидную форму, широкое горло. Внешняя поверхность их гладко полирована, без украшений и

орнамента, что очень хорошо подчеркивает естественный рисунок камня; на желтовато-палевом блестящем фоне вазы черные и темно-коричневые прожилки создают тонкий рисунок, напоминающий срез дерева или, скорее, залитый солнцем осенний пруд, на поверхность которого только что упал золотистый кленовый лист и от него во все стороны бегут нежные волны ряби. На одной из ваз на самом видном месте — темное пятно. Кажется, что это тоже огромный лист, только что упавший с дерева и еще не успевший вобрать в себя влагу и потому так рельефно выделяющийся на фоне золотой глади озера. На другой вазе снизу спирально поднимается широкая полоса, по своей расцветке напоминающая орденскую ленту, элегантно обвивающую сосуд.

Для двух других ваз из ашкульской яшмы, находящихся в Эрмитаже, в зале Рубенса, подобрана совсем другая гамма цветов. Широкие красные полосы здесь чередуются со светло-желтыми. Причем и на тулове и на ручках вазы направление и чередование полос гармонируют друг с другом, создавая неповторимый колорит.

Казалось бы, что можно было придумать, если заранее дан рисунок и четко определены размеры вазы? Для творчества мастера будто бы уже и не оставалось места. Но вот оказывается, что подбором яшмы, расположением рисунка камня можно выразить глубокую мысль и исполнителю. Кто же этот волшебник, так тонко чувствующий камень и так блестяще справившийся с трудным материалом? Имя автора и место изготовления было выгравировано на плинте ваз: «Екатеринбург. Мастер Коковин».

УРАЛЬСКИЕ КАМНЕРЕЗЫ. Имена великих русских художников-камнерезов довольно часто встречаются в Государственном Эрмитаже. Они высечены на плинтах колоссальных ваз и чаш, на базах яшмовых колонн, торшеров, столешниц, упоминаются в бесчисленных путеводителях и толстых монографиях, но их в общем-то немного — большей частью повторяются три фамилии — Коковин, Налимов, Стрижков. Двое из них — Я. Коковин и Г. Налимов — уральские мастера, Стрижков работал на Колыванской гранильной фабрике. Удивительнее всего было то, что на всех особенно сильно поразивших меня изделиях из цветного камня, неизменно стояло: «мастер Коковин». Судя по датам ваз из Эрмитажа, Коковин был первым уральским художником, имя которого было выгравировано на изделиях императорского Зимнего дворца.

Путеводители и монографии по истории искусства единодушно величают Я. Коковина «великим русским художником», его мастерство — «непревзойденным», а его изделия — «бессмертными». В геологической литературе указывается, что Коковин открыл в России месторождения драгоценных камней и много сделал для развития горного дела на Урале. Но в популярных брошюрах прошлого века его называли преступником, закончившим свою жизнь в тюрьме.

Конкретных сведений о нем между тем сообщалось мало. Пришлось обратиться к архивам, которые и приоткрыли завесу над тайной сложной и трагической судьбы этого художника, ученого, организатора.

Родился Коковин в семье простого мастерового. Отец его вырос в селе Горношитском под Екатеринбургом и с пятнадцати лет трудился там на мраморном заводе. Горношитский завод подчинялся командиру Екатеринбургской гранильной фабрики. Из Екатеринбурга в Горношитск часто наезжали мастера-камнерезы, выскивая среди рабочей молодежи наиболее способных к «художественному ремеслу». В 1782 году мастеровой Василий Остафьевич Коковин был переведен в Екатеринбург, на гранильную фабрику, где через два года у него родился сын Яков. Мальчик рос любознательным. С малых лет он был приставлен к гранильному делу, а к десяти-тринадцати годам уже прославился вместе с отцом изобретением машины для художественной обработки камня. До тех пор обработка яшмы шла вручную. Твердый камень плохо поддавался, на шлифовку одной вазы уходили иногда десятилетия, фабрика явно не справлялась с заказами Двора его величества. Машина же в шестнадцать раз ускоряла работу. Посмотреть на нее пожелал сам граф А. Строганов, президент Академии художеств, только что назначенный главным начальником экспедиции по самоцветам. Известный меценат заметил способного паренька и направил его учиться в столицу в Академию художеств. В 1806 году Яков блестяще оканчивает Академию и возвращается в Екатеринбург мастером. Здесь он начинает создавать такие удивительные вещи из твердого уральского камня, что его работы помещаются в императорском дворце в Петербурге, а в 1816 году царь даже благосклонно разрешает выбить на двух сферических вазах в Императорском Эрмитаже: «под руководством мастера Коковина». Вазы эти были помещены в главном тронном зале Зимнего дворца, позже названном Георгиевским, где они и сейчас находятся. Удостоиться чести быть выставленным в этом

зале мог далеко не всякий. За блестящие работы по камню Якова Коковина награждают орденом св. Анны третьей степени и назначают главным мастером фабрики, а в 1826 году — командиром Екатеринбургской гранильной фабрики и Горношнитского мраморного завода.

Вместе с тем он был оставлен и главным мастером фабрики. Помимо изготовления художественных произведений из твердого уральского камня он должен был теперь отвечать и за прииск цветных камней на Урале. И здесь он проявляет себя блестяще. Уже через три года после назначения командиром Коковин делает крупное открытие — он находит (впервые в России) месторождения корунда — наждака. А наждак и сейчас называют хлебом промышленности. Без него не может обойтись ни крупный металлообрабатывающий завод, ни маленькая мастерская, так как им затачивают все металлорежущие инструменты. А в камнерезной промышленности наждак вообще главное орудие. До 1830 года наждак главным образом вывозили из-за границы. Теперь Россия получила собственный наждак.

Но Коковин не успокаивается. Проходит всего один год со дня открытия наждака, и он делает новое открытие, на сей раз самое блестящее, но и вместе с тем, пожалуй, роковое для него самого. В 1831 году Коковин открывает на Урале также впервые в России месторождение изумрудов. За открытие изумрудов Коковин получил Владимира четвертой степени. Награждение этим орденом давало право потомственного дворянства.

Так сын уральского крепостного превратился в потомственного дворянина. Взлет этот был слишком стремительным, чтобы быть устойчивым. Аристократические касты не легко принимают новичков, а тем более талантливых. Видимо, уже в то время начались сплетни и перешептывания за спиной Коковина: «а сам ли он нашел изумруды, а не прятал ли чего у себя», и т. п. и т. д. До сих пор в некоторых брошюрах можно встретить утверждения, что «де вовсе не Коковин открыл изумруды, а крестьянин из Белоярки Максим Кожевников». Крестьяне и в самом деле заметили в корнях вывороченной сосны какие-то зеленые огоньки (за что им была выдана награда в 200 рублей), но можно ли считать, что крестьянин открыл месторождения изумрудов? Для примера заметим, что крестьяне на Урале еще в XVIII веке находили алмазы. Д. Мамин-Сибиряк пишет о неоднократных находках алмазов здесь и в XIX веке. Однако месторождения алмазов на Урале и до сих пор не открыты.

Итак, Коковин открыл изумруды, и, казалось, его имя навеки войдет не только в историю русского искусства, но и в историю русской науки. Но открытие месторождения драгоценных камней и золота чаще вызывали не благодарность, а зависть, алчность. Погоня за быстрой наживой превращала людей в хищников. Рассказы Джека Лондона, Брет Гарта рисуют достаточно ярко, как золотые алмазные «лихорадки» сеяли смерть, убийства, подкупы, бандитизм. Открытие изумрудов на Урале вызвало ажиотаж, и не только среди купцов, промышленников и дельцов Урала, но и в высших сферах. И первой жертвой этой изумрудной лихорадки, видимо, и стал сам первооткрыватель Я. Коковин. С Коковина теперь все требовали изумруды — и Кабинет его величества и Департамент уделов. Недоброжелатели нашептывали начальству, что «Коковин — де Кабинету дает средние, Уделам — плохие, а себе оставляет самые лучшие изумруды». Зачастили ревизоры. А крупные изумруды, как на грех, стали попадаться все реже и реже. Это уже стало вызывать недовольство при самом дворе. А такое недовольство по тем временам было небезопасным. Не случайно в те дни великий поэт писал: «Минуй нас пуще всех печалей и барский гнев и барская любовь».

Недоброжелателей у Коковина стало немало. Сам же он, видимо, не замечал сгущавшейся над ним тучи. Преданный работе, бесконечно занятый, судя по многотомному делу архива, руководством фабрикой, делами мраморного завода, поисками новых минералов и не оставлявший при этом занятия живописью и искусством (о чем говорят найденные при обыске многочисленные рисунки «как на отдельных листах, так и в альбомах»), Коковин принимал всю добычу с рудников, сам классифицировал все найденные самоцветы, отдавал их в огранку, получал готовые изделия от мастеров, решал вопросы о том, где какой закладывать шурф, и т. д. и т. п. И все это он делал лично, ничего при этом не записывая и полагаясь во всем только на свою память. Работал он много, жадно и, видимо, того же требовал от своих подчиненных. А нерадения Коковин не прощал. Художников и гранильщиков, замеченных в нерадении, он отправлял на прииски и копи, отстраняя на время от работы с камнем на фабрике. Даже его самый близкий ученик, Г. Налимов, не избежал этого и был отправлен смотрителем на изумрудный прииск.

Видимо, немаловажную роль в организации травли Коковина сыграли богатые хитники — купцы, промышленявшие «хитой», то есть подпольной хищнической добычей,

и торговлей драгоценными камнями на Урале, так как именно по настоянию Коковина были высочайше утверждены в 1831 году особые «Правила», запрещающие добычу драгоценных камней частным лицам³⁶. По «Правилам» добыча камня разрешалась крестьянам в окрестности их сел при условии, если они купят билет. Стоил билет 10 рублей и давался только на один год. Общее руководство за соблюдением правил возлагалось на командира Екатеринбургской гранильной фабрики, то есть на Коковина. Ему же должна была докладывать земская полиция о случаях нарушения закона о добыче цветных камней. Кстати, Коковин еще до принятия «Правил» боролся с браконьерами³⁷, а утверждение их еще больше обострило его отношения с купцами. На Коковина посыпались многочисленные доносы. Его обвиняли в самых невероятных преступлениях. Вплоть до того, что он будто бы присвоил невиданный изумруд. Дело дошло до самого царя, и на свет появилось секретное предписание Кабинета, решившего судьбу талантливого русского художника и ученого. Коковин был арестован. Военный трибунал лишил его всех орденов, дворянского достоинства и знака отличия за безупречную службу, сослав на вечное поселение в Сибирь³⁸.

Вскоре после отстранения Коковина главным мастером Екатеринбургской гранильной фабрики стал его ученик Гаврило Налимов. Его имя украшает многочисленные крупные изделия из яшм, орлеца и других пород камня. И сейчас в Эрмитаже можно видеть немало высокохудожественных произведений, на которых выгравировано: «Мастер Налимов».

После Налимова не нашлось больше мастеров, имя которых можно было бы выгравировывать на яшмовых вазах, чашах и колоннах. Некоторое время на вазах и чашах писали имя директора гранильной фабрики, а затем стали изготавливаться безымянные вещи. Их художественная ценность значительно снизилась. Больше Россия не знала имен таких же крупных мастеров-камнерезов, как Я. Коковин и Г. Налимов. Да и само камнерезное дело к концу XIX века пришло в упадок.

Якову Васильевичу Коковину, как Гавриле Фирсовичу Налимову и другим, безвестным уральским и петергофским мастерам, мы обязаны тем, что уральские яшмы стали известны всему миру. Да и, признаться, заинтересовались мы яшмами благодаря встрече с коковинскими вазами и чашами. И их мы еще не раз будем вспоминать, путешествуя по яшмовому поясу Урала.

Я. Коковин.
Рисунок вазы.
1823. ЦГИАЛ

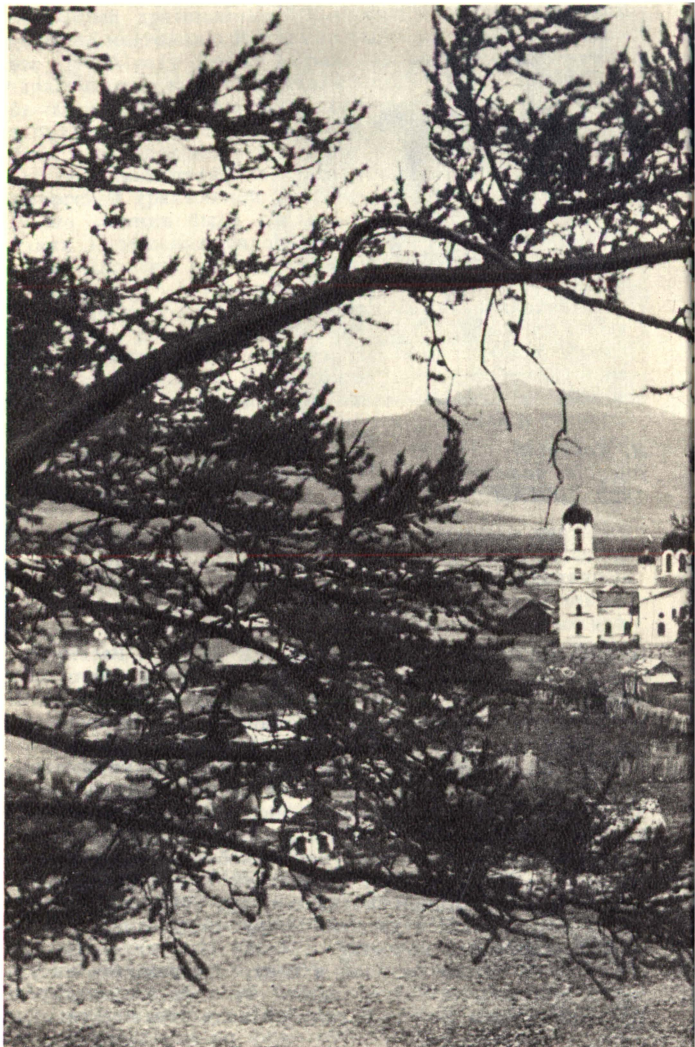
Вид на храм
в Вознесенке

ОЗЕРО КАЛКАН И КАЛКАНСКИЕ ЯШМЫ. Рассматривая по карте места к югу от Аушкуля, мы обратили внимание на одно из озер учалинской группы. Заинтриговало название — Калкан. Ведь калканской называлась одна из самых популярных в XVIII и XIX веках яшм.

Озеро Калкан находится примерно в сорока километрах юго-западнее Аушкуля. Здесь почти на полпути между Миассом и Магнитогорском — небольшая группа озер: Большое и Малое Учалы, Карагайлы, Ургун и Калкан. Между Калканом и Аушкулем в небольшой деревеньке Вознесенке мы встретили интересную каменную церковь. Прямо к озеру Калкан спускается гора Сабинда, вид с которой открывается чудесный. Вокруг нерушимая тишина и необыкновенная красота.

Огромное водное зеркало в центре разрезается на две части длинным и узким мысом. Со всех сторон берега поросли густым лесом. В голубой воде отражается хвоя сосен и лиственниц.

Мы долго бродили по тропинкам вдоль берега озера в густом лесу, пока не натолкнулись на отвалы громадных серо-стальных глыб камня. Утренняя роса смочила камень, и он сверкал темными волнами осеннего штормового моря. Вот она, знаменитая калканская яшма!

Более двухсот лет назад бывшие императорские гранильные фабрики Петергофа и Екатеринбурга начали делать из калканской яшмы вазы и чаши. Материал по качеству был особенно привлекателен и допускал выделку тонких деталей. Мастера прошлой эпохи оставили нам несравненные по красоте и ценности произведения камнерезного искусства, изготовленные из этого камня. В 30-е годы нашего века техника потребовала от камнеобрабатывающей промышленности химических ступок, валков для обработки кожи, и для этого, вместо импортного агата, была широко использована калканская яшма, отличающаяся однородностью материала, вязкостью и достаточной сопротивляемостью истиранию и давлению.

Озеро Калкан

→

Академик А. Ферсман писал, что если яшма во все времена была любимым материалом для русских камнерезов, то избранной среди нее является калканская яшма³⁹. На изделиях из калканской яшмы можно проследить почти всю историю русского камнерезного искусства — от простых и строгих форм XVIII века до сверхвычурных и помпезных изделий начала нашего века. Мастера XVIII—XIX веков любили калканскую яшму за то, что она была не такой твердой, как кушкульдинская или орская, а рисунок ее был тоже волнистым, хотя и почти одноцветным, серовато-зеленым с более светлыми и с более темными полосами. При гладкой полировке яшма давала красивый рисунок то серо-стального волнистого «моря», то нежно-зеленого «колышущегося поля», и, право, жаль, что иногда рисунок природного камня скрывается под богатым орнаментом и вычурной резьбой.

Любуясь чудесной яшмой и вдыхая свежий аромат хвои, мы начали вспоминать все те изделия из калканской яш-

*Ваза из калканской яшмы.
1776. Гос. Эрмитаж*

мы, которые нас особенно поразили в Эрмитаже. И насчитали немало удивительных вещей, которые вот уже около двухсот лет составляют гордость «русского Лувра». Так, библиотеку Зимнего дворца украшает ваза цилиндрической формы, в верхней части орнаментированная поясом из акантовых листьев и цепочкой «жемчуга». На плинте выгравировано: «Петергоф. 1776. Иосип Боттом». Библиотека, созданная по проекту архитектора Мельцера в 1894 году, отделана ореховым деревом. Ваза из серо-зеленой калканской яшмы помещена в центре зала и как бы освещает холодным пламенем матовые стены и стеллажи с лестницами. На тулове вазы нет никаких украшений. Ее простые и строгие линии подчеркиваются блестящей полировкой, хорошо показывающей естественный рисунок камня. На серо-зеленом фоне слегка проступают тонкие прожилки. Если долго смотреть на вазу, то кажется, что ты видишь горные пейзажи Урала, чем-то схожие с окрестностями озера Калкан.

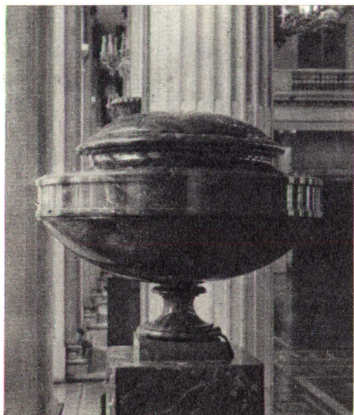

*Чаша из калканской яшмы,
выполненная
по рисунку А. Воронихина.
1807. Гос. Эрмитаж*

Среди ваз Эрмитажа из калканской яшмы можно найти прямо-таки античные по форме. Вот, к примеру, ваза цилиндрической формы, с крышкой. На ее гладкополированной поверхности — аппликации из бронзовых позолоченных фигур, образующих шествие, напоминающее античное. Здесь и жрец с жертвенным быком, и танцующая менада, и музыканты.

Для XVIII — начала XIX века было типично увлечение античностью и памятниками Возрождения. Считается, что сюжет рисунка на вазе, да и форма ее навеяны знаменитой Боргезской вазой, найденной в XVI веке. На основании вазы надпись: «Дел. в Петерб. фабр.». В описях значится, что ваза изготовлена в конце XVIII века.

Среди графического наследства А. Воронихина⁴⁰ есть набросок чаши, поддерживаемой тритонами. Одна из чаш в собрании Эрмитажа полностью соответствует этому рисунку. Это круглая чаша из дымчатой яшмы. Она покоится на головах крылатых тритонов, стоящих спиной друг

*Ваза из калканской яшмы.
Мастер Я. Коковин.
1816. Гос. Эрмитаж*

к другу. Под ними бронзовые струи потоками падают на цоколь и как бы растворяются в зернистой массе трещиноватого кварца. Цветовая гамма чаши построена на сочетании серо-зеленой яшмы, светлого кварца и темной, золоченой бронзы. В литературе обычно подчеркивается, что ваза — это удачное воплощение замысла двух авторов — художника и архитектора, но я добавил бы сюда и гранильщика. В самом деле, камень для чаши подобран настолько искусно, что это мог сделать только большой художник. Монолит срезан не вдоль или поперек слоистости, как это наиболее удобно для обработки, а под углом, наклонно к плоскости слоев. Этим было создано впечатление, что серо-зеленые яшмовые волны переливаются через край сосуда и стекают вниз, превращаясь под ногами тритонов в золотистые струи. Во всей композиции главное — умело подобранный рисунок камня. Все остальное — тритоны, белосахарный постамент, золоченая бронза капель — это лишь дополнение и обрамление его. Глад-

*Чаша из калканской яшмы.
1828—1851.
Гос. Эрмитаж*

кая блестящая полировка оттеняет красоту естественного рисунка камня. Чаша изготовлена в 1807 году на Екатеринбургской гранильной фабрике. Имя мастера не указано, но, видимо, делал ее Я. Коковин.

В Георгиевском зале Зимнего дворца, там, где когда-то стоял трон русских императоров, а теперь — возвышается мозаичная карта СССР, изготовленная уральцами из самоцветов в 1937 году, между колоннами стоят наиболее выдающиеся произведения русских гранильщиков. Первый ряд их начинают и замыкают вазы из калканской яшмы в форме античного лекапа без ручек. На вазах нет никаких украшений. Обе они идентичны по форме: на небольшой точеной ножке лежит полусфера чаши с широким поясом и элегантно профилированной шейкой, на слегка отогнутом венчике покоится меньшая по диаметру, но тоже полусферическая крышка. Вазы эти необычны по форме. Подобных ваз в камнерезном искусстве того времени не встречается. Рисунок для ваз сделан Коковиным.

*Чаша из калканской яшмы.
1828—1851. Деталь*

Привлекательность этой вазы-чаши — в строгой отделке внешней поверхности, чем автор стремился подчеркнуть, видимо, естественную красоту камня и тонкую игру оттенков калканской яшмы. Превосходная полировка отлично показывает всю прелесть зеленоватой с коричневыми прожилками и почти одноцветной яшмы. По обе стороны цилиндрического пояса — небольшие тонкие выступы — обручи. Примечательна ваза-чаша еще и тем, что под ней впервые встречается подпись Я. Коковина. На основании вазы выгравировано: «Екатеринбург. 1816. Под руководством мастера Коковина».

Имя Коковина нанесено и на плинте из зеленой (может быть, даже и не калканской, а казах-чехинской) яшмы, на которую опирается превосходный торшер из розового родонита (орлеца). По сочетанию розового с темными прожилками орлеца с темно-зеленой яшмой торшер этот иногда сравнивают с цветком, растущим в густой траве. На парном идентичном торшере надпись: «Екатеринбург. Ди-

ректор фабрики Вейц. 1840 г.». Этот торшер закончен на семь лет позднее, но, очевидно, оба их создал один мастер. Имя Вейца появилось, видимо, после ареста Коковина.

На втором этаже Эрмитажа, в угловом зале, окна которого выходят на Зимнюю канавку и улицу Халтурина, стоит удивительная чаша из калканской яшмы. Смотреть ее трудно: на близком расстоянии она не охватывается взглядом, а если отойти в сторону, то из-за витрин всю ее сразу не видно. Чаша богато украшена акантом и виноградными лозами. На коковинских вазах такой обильной резьбы мы не встречали. От круглого основания чаши, сделанного в виде лаврового венка, спиралью поднимается тонкая виноградная лоза с редкими гроздьями винограда и листьями. Четко видны даже усики у растения. Лоза перекинута через ряд бусинок в верхней части ножки и уходит к самому дну чаши. Кажется, что лоза прячется за ограду «ложек», образующих дно чаши, и выходит буйным расцветом акантовых листьев на шейке чаши. Венчик чаши слегка отогнут и украшен круглыми выпуклыми бляшками, разделенными между собой перемычками. В целом, несмотря на свою величину, чаша производит впечатление изящества и легкости. Резьба не перегружает ее поверхность, и в просветах между редко положенными витками виноградной лозы, на гладко полированных «ложках» и круглых крупных бляшках на венчике достаточно хорошо видна красота естественного рисунка камня.

Любопытна история чаши. Первое распоряжение об ее изготовлении относится к 1822 году. Но тогда Коковин не принял заказа и вернул рисунок в Кабинет его величества. К 1828 году рисунок чаши был исправлен и возвращен в Екатеринбург. Началась работа над чашей под руководством Я. Коковина, но заканчивал ее отделку уже Г. Налимов. В 1851 году чаша была отправлена в Петербург. Пошел тридцатый год со дня первого распоряжения об изготовлении этой чаши. И она наконец-то была создана. В 1867 году чаша была отправлена в Париж на Всемирную выставку и получила высокие премии. Сохранились отзывы современников: например, И. Вейц писал, что «нигде подобного изделия изготовлено не было как по красоте и величине камня, так и искусству и редкому старанию художников»⁴¹.

Мысленно перенесаясь с берегов Калкана в залы Эрмитажа, вспомнил я удивительную встречу с одной из ваз из калканской яшмы. Это было перед закрытием музея. Я устало брел по второму этажу Эрмитажа к выходу.

И вдруг откуда-то сбоку в зал проник вечерний луч солнца, осветил темный угол, и там засияла благородством полированной яшмы ваза. Она была темно-серой и потому раньше, в темноте, сливалась с серой обивкой стен. Ваза была так хороша, а появление ее было так необычно, что мне вначале подумалось: это мне за внимание к яшме показало ее солнце.

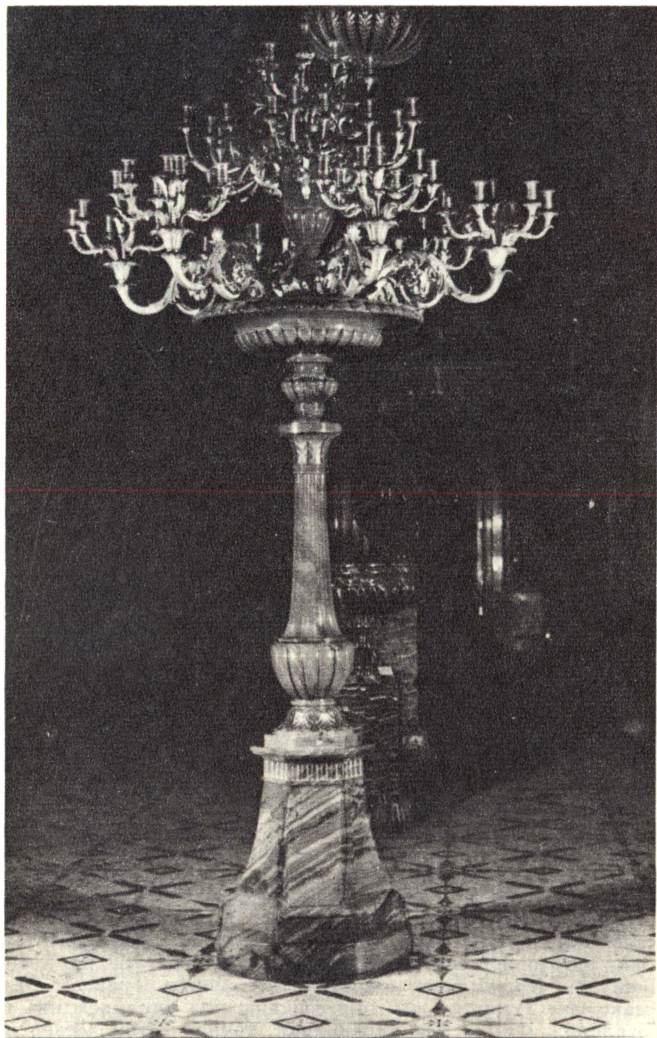
Ваза имела форму, как говорили в XIX веке, «Медичи» и напоминала чем-то античные кратеры. Может быть, художник, создавая проект вазы, имел перед собой образец древнегреческого краснофигурного кратера, однако он создал свою форму. Ручки вазы ближе прилегают к стенкам, а венчик более изящно отогнут, нежели у древнегреческих и римских сосудов для хранения вина в охлажденном состоянии. Да и ваза создавалась не для каких-то утилитарных целей, а была чисто художественным произведением, как и все вазы и чаши из уральской яшмы, выставленные в Государственном Эрмитаже. Как и у

*Торшер из калканской
яшмы.*

*Мастер Г. Налимов.
1858. Гос. Эрмитаж*

античных кратеров, стенки вазы украшены: крупные акантовые листья покрывают центральную часть вазы, на придонной части — гладкополированные «ложки», по верхнему краю вазы, под венчиком, идет виноградная лоза. Ножка покрыта каннелюрами. Рисунок не перегружает стенки вазы обилием резных фигур. Очень тонко продумана полировка — матовая поверхность акантовых листьев чередуется с гладкой полировкой пространства между листьями и лозой. Под вазой на плинте написано: «Мастер Г. Налимов. Екатеринбург. 1846 г.»

Снова мы встретились с мастером Гаврилой Фирсовичем Налимовым. Работ его в Эрмитаже немало, ну и конечно, большая их часть изготовлена из калканской яшмы. На международных выставках они не раз получали высшие призы. Так, в 1851 году на Международной выставке в Лондоне была удостоена второй премии амфоровидная ваза из серовато-зеленой калканской яшмы. Работал над ней Налимов восемь лет и закончил в 1846 году.

Первое впечатление — перед тобой античная амфора. Такие сосуды в большом количестве находят при раскопках древнегреческих городов, поднимают аквалангисты со дна моря. Но античные амфоры делались из мягкой глины, а эта амфора выполнена из твердейшего камня — из яшмы. Отличается она и отделкой. Там, где у античных сосудов размещался рисунок, здесь гладкая полировка. Резные листья аканта лишь обрамляют сверху и снизу естественный рисунок камня. Художник как бы хотел показать, что главное украшение вазы — рисунок самого камня. Это опять подчеркнуто сочетанием гладкой полировки стенок с матовой плоскостью листьев, каннелюрами на шейке и ножке вазы. Листья аканта образуют рамку для причудливого рисунка калканской яшмы.

Видимо, по античному образцу изготовлена и другая налимовская ваза из калканской яшмы. Считается, что ваза подражает бронзовому сосуду античного времени, найденному в водах порта Анцио.

Имя мастера Г. Налимова носят также два торшера из серо-зеленой калканской яшмы, украшающие залы французской живописи XVII века. Среди многочисленных торшеров Эрмитажа они производят впечатление наиболее изящных и стройных. В основании торшера — рельефные листья, но сам стержень покрыт крупными каннелюрами и «ложками». Верхняя часть торшера похожа на круглую чашу, из которой вырастает лес ветвистых канделябров и подсвечников. На выставке в Лондоне в 1862 году торшеры были удостоены первой премии.

Да, приятно, сидя у костра на берегу озера Калкан и разглядывая только что собранные камешки, вспомнить, что именно из этого неказистого на вид камня русские художники-камнерезы создавали бесценные произведения, потрясавшие художников всего мира. Никому, кроме русских камнерезов, не удалось достичь таких высот в обработке твердейшего камня, как мастерам Екатеринбургской гранильной фабрики.

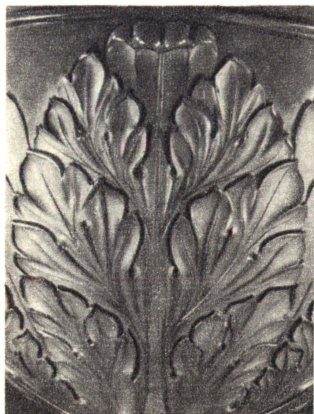
Во второй половине прошлого века камнерезы добились таких успехов в технике обработки камня, что им становится доступной самая причудливая резьба по твердешему камню — яшме. Художники и камнерезы стремятся как бы превзойти друг друга в технике резьбы по яшме. Показательны в этом отношении две вазы Эрмитажа, изготовленные в 1873 году. В литературе принято считать, что эти вазы подражают античным образцам. Однако мне думается, что они созданы под влиянием иных эталонов. Форма ваз яйцевидная, точнее — три четверти

*Торшер из калканской
яшмы. Мастер Г. Налимов.
1858. Деталь*

яйца. Именно такую форму имеют сосуды эпохи каменного века с территории лесной полосы Восточной Европы. Правда, у неолитических сосудов, как правило, отсутствуют ручки, но и здесь они очень малы и чисто декоративны. Украшение сосуда — аканты, лозы с гроздьями винограда, но они распределяются равномерно по всей поверхности вазы, располагаясь горизонтальными поясами и создавая впечатление рельефного орнамента, который типичен для сосудов каменного века Восточной Европы. Причем, у античных сосудов, как правило, орнаментировалась только центральная часть, а придонная оставалась либо совсем без орнамента, либо покрывалась каким-то однотонным орнаментом, в то время как в основной части сосуда изображались какие-либо реалистически выполненные сцены из мифологии. Вазы 1873 года сплошь покрыты однотонным «растительным» рисунком. Так орнаментировались неолитические сосуды, находимые на Урале с давних времен. Вторая половина прошлого века — время

*Ваза из калканской яшмы.
1873. Гос. Эрмитаж*

*Ваза из калканской яшмы.
1873. Деталь*

увлечения отечественными археологическими древностями. В 1859 году академик К. Бэр выступает в Русском географическом обществе с лекцией «Древнейшие обитатели Европы». В 1871 году геолог И. Черский находит стоянку древнекаменного века даже под далеким Иркутском. В 1882 году выходит в свет монография А. Иностранцева: «Доисторический человек каменного века на побережье Ладожского озера»⁴². В этой монографии публикуется большое количество снимков яйцевидных сосудов, сплошь покрытых рельефным орнаментом. Вряд ли все это проходило мимо внимания архитекторов и гранильщиков. Не нужно забывать, что археологической комиссией ведал тот же Кабинет, который давал задания на изготовление ваз и чаш и представлял на утверждение царю их проекты. Может быть, стремление подражать неолитическим сосудам заставило авторов проекта забыть, что они имеют дело не с податливой влажной глиной, а с твердым минералом — яшмой. И, конечно, для яшмы бы-

*Ваза из калканской яшмы.
1873. Деталь*

ла бы более эффектно гладкая полировка, так как за мелкой резьбой скрывается природный рисунок камня, и оттого это высокохудожественное произведение много теряет в своей выразительности. Ведь такую орнаментированную вазу можно было с большим успехом сделать из более мягкого камня. Несомненная дань античности — ручки в виде голов козлорогих сатиров.

Калканская яшма была настолько популярной в XIX веке, что из нее делали вазы и чаши не только на Петергофской и Екатеринбургской фабриках, но и Колыванская фабрика, построенная для того, чтобы делать различные вещи из местного материала, частенько выписывала с Урала калканскую яшму для своих изделий. На Колыванской гранильной фабрике изготовлена ваза с ажурным бортом, знаменующая наивысший этап искусства резьбы по яшме и в то же время показывающая, что техническое совершенство не всегда является и совершенством художественным. Поверхность ее сплошь покрыта крупными

*Ваза с ажурным бортом
из калканской яшмы.
Конец XIX — начало XX в.
Гос. Эрмитаж*

акантами, перекрывающими друг друга, венчик и шейка представляют собой поразительное каменное кружево, производящее впечатление переплетенных тростников или легкой корзинки из камыша, вделанной в сосуд. Кружево каменного тростника занимает почти две пятых тулова вазы и потрясает виртуозностью исполнения. А если вспомнить, что все это сделано из камня, который по твердости уступает только алмазу и корунду, то становится даже как-то не по себе, когда представишь, каких трудов стоило изготовление такого ажурного кружева.

Яшма очень тверда на истирание, но она очень хрупка. От малейшего удара и даже от нажима на край она колется, от нее отскакивают небольшие чешуйки и отщепы. (На принципе отжима мелких кусочков была основана сложная техника обработки яшмы в каменном веке.) Трудно представить себе, как это ухитрялись камнерезы прошлого века создать такое кружево и нигде не допустить

ни одного неудачного нажима и скола. Техника резьбы прямо-таки невероятная. Но, к сожалению, художественный замысел был не на той высоте, что техника изготовления. Уж слишком все здесь вычурно и манерно. Как-то даже делается немного обидно за благородную яшму. Вырезая бог знает какие завитушки и кружева, авторы рисунка явно насильовали эту многострадальную калканскую послушницу, красавицу яшму.

История изделий из калканской яшмы в какой-то мере отражает всю историю русского камнерезного искусства. Простые и строгие, подлинно художественные чаши и вазы XVIII и первой половины XIX века говорят о тонком понимании красоты естественного рисунка камня, показывают гармоничное сочетание формы изделий с расцветкой яшмы.

К концу XIX и началу XX века русские камнерезы достигают совершенства в искусстве обработки твердого камня, но сами произведения становятся вычурными и безвкусными, отражая кризис официального искусства правящей верхушки России.

Калканская яшма была одной из самых любимейших на протяжении многих лет. Но в Эрмитаже хранятся далеко не все изделия из калканской яшмы, многие крупные вазы и чаши дарились королям, принцам и другим лицам. В государственном архиве СССР много дел с такими названиями: «О подарке королю прусскому вазы из орлеца, а принцу Карлу Прусскому чаши из серой ленточной яшмы», «О выбранных Великой Княгиней двух ваз из калканской яшмы» и пр. и пр. Много шедевров русского камнерезного искусства ушло безвозвратно за границу.

Кто-то из студентов-практикантов нашей экспедиции высказал предложение: «Вот бы построить здесь, на озере Калкан, музей и собрать в него со всего света все, что сделано из калканской яшмы». Конечно, было бы неплохо создать такой музей, да разве соберешь все, что сделано из калканской яшмы, из всех стран мира. Да и кто бы стал посещать этот грандиозный музей в этом безлюдном крае... А жаль, очень жаль, что об этом озере знают немногие. Удивительно здесь красиво. И если вам когда-либо доведется бывать на Южном Урале, загляните сюда. Право, не пожалее... Добраться сюда просто. Из Уфы до Учалов через Миасс ходит специальный поезд. А от Учалов до Калкана можно и пешком прогуляться. Места здесь живописные.

УЧАЛЫ, УРАЗОВО. Помимо озера Калкан в группу учалинских озер входят: Ургун, Карагайлы. Большое Учалы и совсем недавно было еще одно озеро — Малое Учалы, но его засыпали отвалом из Учалинских рудников, и сейчас на месте озера возвышается огромный холм из породы. На месте города Учалы еще полтора десятка лет назад было большое довольно грязное село. Сейчас это благоустроенный чистый город, но особых примечательностей в нем нет.

Осматривая берега засыпанного озера, мы натолкнулись на мелкие кусочки яшмы и, к нашему удивлению, она оказалась не калканской, а сургучно-зеленой, той же самой, которую мы уже не раз встречали далеко за пределами яшмового пояса на озерах Чебаркуль, Зюраткуль и по рекам Аю, Юрюзани, Уфе, Белой и даже Волге. Яшма эта была на редкость красива — темно-вишневые полосы чередовались на ней без всякого смещения с ярко-зелеными. Это была знаменитая кушкульдинская яшма, но местонахождение этой яшмы долгое время было неизвестно. Вначале мы обрадовались и решили, что поблизости есть выходы этой редкой яшмы. Мы снова сантиметр за сантиметром просмотрели все берега Учалинских озер и на тех местах, где встретили кусочки яшмы, открыли интересные стоянки первобытного человека.

Самой древней из них оказалась стоянка Малые Учалы II. Более шести тысяч лет назад на высокой обрывистой скале первобытные рыболовы вырубили в камне котлован для жилища. Сверху перекрыли его бревнами. Внутри очаг. Вокруг него раздавленные сосуды из глины и много всевозможных орудий из яшмы, кремня и, что самое интересное и необычное, из горного хрусталя и топаза. Из таких пород камня орудия делались редко. Особенно красивы были нуклеусы из горного хрусталя. Нуклеус — это ядрище, с которого скалывались тонкие узкие пластинки — ножички. Таких пластинок встречалось очень много и большей частью яшмовые, хрустальные попадались очень редко. Делать из горного хрусталя ножевидные пластины было вряд ли целесообразно при таком обилии яшм в округе. Да и эти нуклеусы были настолько малы по своим размерам — не толще авторучки, что вряд ли имели значение в хозяйстве. Скорее всего, хрустальные нуклеусы имели какую-то эстетическую, чисто художественную или ритуальную ценность. И сейчас нуклеус выглядел великолепно: превосходно ограненный, сверкающий, ребра его переливались на солнце всеми цветами радуги.

Находка хрустальных нуклеусов и топазовых ножицков заставила нас снова задуматься о том, как далеко ушли в глубь веков истоки искусства уральских мастеров по камню. Ведь сделаны они были не менее шести тысяч лет назад. Удивляло то, что большинство орудий делалось не из местной яшмы, а из привозной-черной и вишнево-зеленой. Из калканской яшмы, такой ценной для камнерезов XVIII—XIX веков, в каменном веке почти ничего не делали. Почему? Видимо, те свойства, которые особенно нравились русским камнерезам, не устраивали древних мастеров по камню. Может быть, это было связано с тем, что техника обработки камня в каменном веке отличалась от способов обработки камня в XVIII—XIX веках. В каменном веке основными приемами обработки камня были удар и отжим. С помощью удара от большого желвака откалывались куски поменьше, а при помощи целой серии надавливаний на край куска яшмы или кремня отжимались мелкие кусочки-чешуйки и отщепы и изделию придавалась нужная форма. В XVIII—XIX веках выступы и неровности на камне удалялись большей частью пилением, шлифованием и полировкой. Для техники каменного века были более пригодны породы камня твердые, но хрупкие, а для XVIII—XIX веков — более мягкие, легче поддающиеся полировке и менее хрупкие. То, что русские камнерезы из всех яшм любили больше всего калканскую, объяснялось и тем, что она лучше поддавалась полировке, чем другие, более твердые породы камня. Но это достоинство калканской яшмы для мастеров каменного века было ее недостатком, так как при раскалывании она давала меньше пластин с острыми краями, чем другие сорта яшмы и кремня. Поэтому-то, видимо, из калканской яшмы меньше изготовлялось орудий в каменном веке, чем из других пород яшм или даже горного хрусталя и топаза.

Много интересных вещей было найдено при раскопках стоянок каменного века на Учалинских озерах, но выходов вишнево-зеленой яшмы, из которой делали орудия и на Зюраткуле и на Чебаркуле и в Учалах, мы здесь так и не нашли и решили дальше двинуться вниз по реке Уралу. Она протекает всего в двух километрах западнее озера Калкан. Урал здесь неширокая речушка, и местами ее можно перепрыгнуть и почти всюду перейти вброд.

В двадцати километрах юго-западнее Калканово, у села Уразово, мы натолкнулись на красную с белыми прожилками яшму. Это была тоже довольно известная яшма-агат. Она называется «уразовской». Из этой яшмы изготовля-

*Ваза из уразовской яшмы.
Мастер Ф. Стрижков.
1804. Гос. Эрмитаж*

лись крупные вазы и чаши не только на Екатеринбургской, но и на Колыванской гранильной фабриках. Вспомнилось, что в Эрмитаже встречалась полусферическая ваза из уразовской яшмы. Стенки и венчик ее гладко полированы, ножка тоже не имеет никаких резных узоров и выполнена очень просто, но с большим вкусом. От ножки вазы к ее плечикам идут облегчающие тулово вазы кронштейны, на которые, опираясь задними лапами, вздыбились с обеих сторон барсы. Передними лапами барсы стоят на внутреннем крае венчика, заглядывая в горловину сосуда, как будто перед тем, как спрыгнуть туда. Ваза сделана в 1804 году.

Другая ваза из такой же яшмы имеет амфоровидную форму. Изготовлена она в Екатеринбурге в 1805 году. Ваза тоже гладко полирована. Придонная часть ее украшена бронзовым венком из акантовых листьев и ягод. Бронзовые ручки амфоры опираются на женские головки, закругляясь над горловиной вазы в виде волют. Вместо глаз-

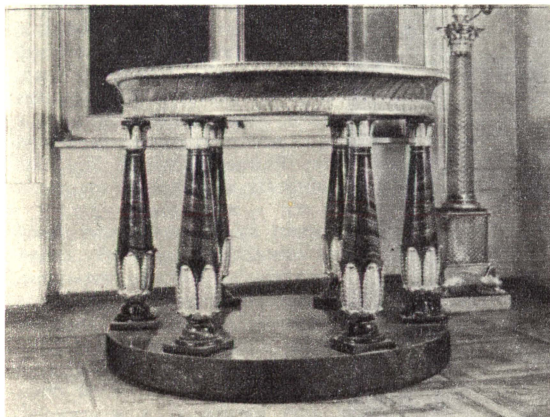
ков у волют львиные головы. Под вазой на табличке написано, что ваза изготовлена из орской яшмы, но по цвету (красная с белыми прожилками) яшма больше похожа на уразовскую.

Куски такой яшмы мы набрали на берегу Урала у деревни Уразово. Когда они лежали на дне реки, то казались похожими на стенки гладко полированных ваз в Эрмитаже. Мы уже вышли из села, когда вдруг увидели недалеко от дороги превосходнейшие куски кушкульдинской яшмы. Они лежали на могилах старинного мусульманского кладбища. Мы обошли все кладбище и его окрестности, осмотрели старинный марганцевый рудник, но выходов такой яшмы не нашли. А ведь изделия из нее нам встречались всюду — от устья реки Белой и Волги до Северного Ледовитого океана. Эту яшму очень любили люди каменного века, жившие на Урале. Да и в XVIII веке она считалась лучшей яшмой.

КУШКУЛЬДИНСКАЯ ЯШМА. Один из учеников М. Ломоносова, доктор и адъюнкт Академии наук И. Лепехин, в 1770 году, перечисляя цветные камни России, писал о яшмах: «Яшмы и агаты различают наши каменотесы по общему наружному виду и по твердости полировки, причем нередко оба сии рода каменьев перемешиваются, и иногда яшму называют агатом, а агат — яшмой. Между оными за самую лучшую почесть можно ту, в которой красные полосы, перемежаясь со светло-зелеными и безо всякого смешения представляются»⁴³. В XVIII веке эту «лучшую яшму» называли «сибирской», «сибирской ленточной яшмой», «ушкульдинской» и, как сейчас, — «кушкульдинской». Вот эта-то яшма и встречалась нам на всех стоянках каменного века. Откуда ее приносили люди каменного века — мы не знали.

Шагая по живописной дороге в сторону озера Узункуль, минуя сопки с мягкими очертаниями, покрытые пышными лиственными лесами, мы стали размышлять о кушкульдинской яшме. Где же залежи этой яшмы? Карты нам ничего не дали. Названия «Кушкульда» не было ни на современных, ни на старинных картах. Кто-то из нас высказал мысль о том, что, может быть, мы напрасно ее ищем, может быть, залежей этой яшмы и нет.

Мы стали вспоминать вазы, чаши или торшеры, сделанные из кушкульдинской ленточной яшмы. Особенно удивительной была чаша-храм из кушкульдинской яшмы, сделанная Я. Коковиным. Вспомнилось мне, как я часами

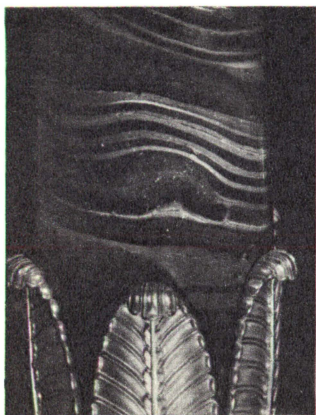

*Чаша-храм
из кушкульдинской яшмы.
Мастер Я. Коковин.
1827. Гос. Эрмитаж*

стоял у этого шедевра камнерезного искусства и замечал, что это, пожалуй, единственная яшмовая ваза Эрмитажа, мимо которой никто не проходил, не остановившись и не окинув ее внимательным взглядом. Чаша чем-то притягивала всех, чем-то увлекала и восхищала — то ли необычайной формой, то ли редкой красотой камня, то ли гармоничным сочетанием того и другого.

Раньше чаша стояла при входе в храм Зимнего дворца; сейчас в зале, где когда-то был собор Зимнего дворца, — выставка западноевропейского фарфора XVIII—XX веков. Стены зала украшены позолоченной бронзой, но и на фоне позолоты стен собора и фарфора трех веков она не остается незамеченной.

Украшения чаши довольно просты — бронзовые листья с позолотой, из которых как бы вырастает чаша, такие же листья заменяют капители колонн, только меньшего размера. Поражает удивительное чутье мастера, который с таким искусством сумел подобрать непрерывный рису-

*Чаша-храм
из кушкульдинской яшмы.
Мастер Я. Коковин.
1827. Деталь*

нок камня. Волны ленточной яшмы на колоннах создают такое неповторимое изящество, что оторваться от нее очень трудно. Ленты сверкающей яшмы по наружному краю чаши идут наклонно, отчего горло сосуда как бы расширяется.

Грандиозен коковинский храм-чаша, но если при-смотреться к нему, то сделан он не из одного большого куска яшмы, как другие крупные яшмовые предметы, а из тщательно подобранных друг к другу мелких кусочков яшмы. Таким способом «русской мозаики» делали вазы и колонны из мягкого малахита, но из твердейшей яшмы этого никогда не делалось. Правда, вновь мысленно пробежав по Эрмитажу, мы вспомнили, что способом «русской мозаики» изготовлены и колонны в зале, где размещены картины великого Леонардо да Винчи. Эти колонны установлены над каминами с обеих сторон огромных зеркал. Всего их четыре. На одной из них — тонкая гравировка: «Императорская Екатерин-

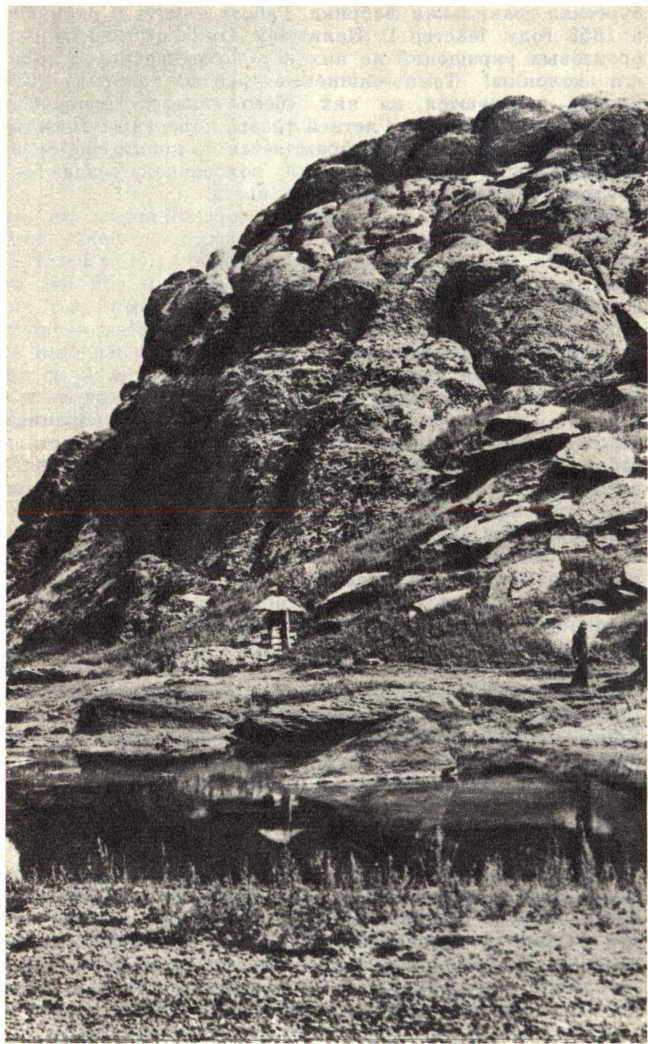
бургская гранильная фабрика. Работа начата и окончена в 1853 году. Мастер Г. Налимов». Никакой резьбы или бронзовых украшений на них нет, но удивительно хороши колонны! Темно-вишневые ленты «застывающей крови» чередуются на них «безо всякого смешения» с ярко-зелеными, цвета летней травы, полосками. Каждая ленточка зеленого цвета обрамляется по краям еще более светлой, цвета весенней зелени, полосочкой, создающей контраст с волнами малинового цвета.

Между колоннами — две чаши из орской яшмы. На них тоже темно-вишневые пятна перемежаются с более светлыми. Но как многолика яшма. Вазы кажутся изготовленными совсем из другого камня. Общий тон ваз не зеленый, а светло-розовый, и темно-вишневый цвет настолько густой, что местами он кажется совсем черным.

Судя по колоннам и чаше-храму, крупные изделия из кушкульдинской яшмы делались и в XIX веке не из целого куска, а выклеивались из мелких кусочков яшмы. Значит, и в то время еще не были известны коренные выходы кушкульдинской яшмы, иначе вряд ли бы стали собирать мелкие гальки, распиливать их, шлифовать кусочки и выклеивать из них такие крупные предметы. Труд этот был поистине титаническим, так как кушкульдинская яшма значительно тверже калканской и других яшм и легко колетса не только от удара, но даже от простого нажима на край. Это еще больше усугубляло трудности работы, и на некоторых крупных изделиях, сделанных способом «русской мозаики», видно, что все же подгонять плотно кусочки друг к другу не всегда удавалось.

Нельзя сказать, что до нас никто не пытался разыскать месторождения кушкульдинской яшмы. Искали многие. Еще в первой половине XIX века на Южный Урал снаряжали специальные государственные экспедиции для ее поисков. Например, в 1846 году по повелению царя была снаряжена такая экспедиция под общим руководством сменившего Коковина на посту командира Екатеринбургской гранильной фабрики полковника И. Вейца⁴⁴.

Экспедиция обнаружила, как докладывал Кабинету Вейц, два месторождения калканской яшмы: № 10 и месторождение красной полосчатой кушкульдинской яшмы. Однако от последней, писал Вейц, «трудно ожидать большие куски. Можно рассчитывать лишь на маленькие обломки, годные лишь на мозаичные работы»⁴⁵. Такое примечание говорило о том, что экспедиции Вейца не удалось напасть на коренные месторождения кушкуль-

У села Наурузово

*Выходы
кушкульдинской яшмы
у села Наурузово*

динской яшмы. Что же касается мелких кусочков, которые собрала экспедиция, то они обычно рассеиваются далеко за пределами коренного месторождения. Кроме того, она добыла 4000 пудов калканской и 200 пудов орской яшмы. Вейц докладывал, что этих запасов хватит фабрике на сорок-пятьдесят лет работы. Двадцать шесть образцов яшм в виде отшлифованных плиточек было отправлено в Петербург. Те яшмы, которые не смогли вывезти, опустили обратно в копи, а ямы засыпали, чтобы «никто не мог похитить яшмы».

Позднейшие поиски кушкульдинской (ушкульской) яшмы были также малоуспешными. Это породило целую легенду о том, что якобы башкиры, чтобы скрыть месторождение любимого камня, соорудили на ее выходах огромную мечеть.

Тайну кушкульдинской яшмы в 1930-е годы пытался разрешить академик А. Ферсман. По его предположению, деревня Кушкульда находилась на месте современной

деревни Наурузово, где к тому времени нашли выходы подобной яшмы. Однако когда около сорока лет назад он снарядил специальную экспедицию в Наурузово и стал расспрашивать местных жителей, не помнят ли они, что их деревня раньше называлась Большой Кушкульдой, никто не мог подтвердить этого. Конечно, можно предполагать, что старое название совершенно забылось, но можно думать, что Кушкульдой называли не деревню, а что-то иное: озеро, гору и т. п.

Наурузово расположено в небольшой котловине, окруженной со всех сторон горами. Одна из них почти полностью сложена из вишнево-зеленой яшмы. Вдоль горы геологические траншеи, в которых особенно хорошо видно залегание выходов яшмы.

С горы чудесный вид на реку Урал, деревню, живописно раскинувшуюся на ее берегах, красивый подвесной мост через реку, леса.

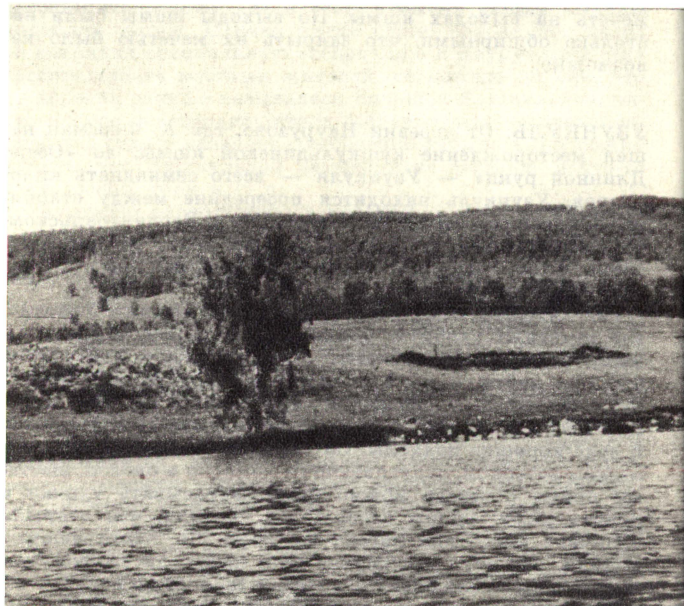
Большие куски и целые глыбы яшмы встречаются в самой деревне. В центре ее на берегу Урала археолог из Уфы Н. Мажитов открыл стоянку каменного века. Мы обследовали ее. Стоянка оказалась небольшой. Там встретились обломки неолитических горшков, яшмовые орудия. Кстати, большая часть орудий здесь также делалась не из кушкульдинской, а из темно-серой и черной яшмы, месторождения которой нам пока не были известны. Нужно было искать другие древние поселения и яшмообрабатывающие мастерские.

Любопытно, что в источниках-описях XVIII и начала XIX века эта яшма называется «ушкульдинской» или еще чаще «ушкульской». Разглядывая карту, мы обратили внимание на маленькое озеро Ушкуль (Ускуль). А может быть, именно отсюда пошло название ушкульская? Ушкул (эш'кулы) в переводе означает «руки». Недалеко от деревни Наурузово имеется еще одно сходное название — имя более крупного озера, Узункуль. Видимо, это русифицированное «озон'куллы», то есть — «длиннорукий». Возможно, именно от этих слов и происходит название ушкульская, переделанное позднее в «ушкульдинскую», а еще позднее — «кушкульдинскую» яшму. Все эти названия встречаются в делах XVIII—XIX веков применительно к одному и тому же материалу. Возможно, что писари, переписывая описи и деловые бумаги, часто путали эти названия, и потому потребовалось изменить слово «ушкульская» в «кушкульдинская». Полоса кушкульдинской яшмы идет от озера Узункуль в сторону деревни Наурузово, где, по преданию, и была построена

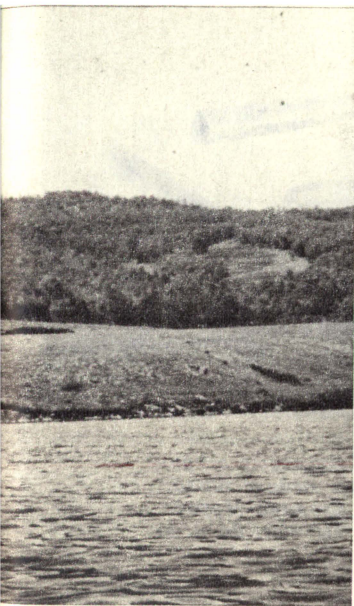
мечеть на выходах яшмы. Но выходы яшмы были настолько обширными, что закрыть их мечетью было невозможно.

УЗУНКУЛЬ. От деревни Наурузово, где А. Ферсман нашел месторождение кушкульдинской яшмы, до «Озера Длинной руки» — Узункуля — всего семнадцать километров. Узункуль находится посередине между старинными русскими городами Белорецком и Верхнеуральском. От Магнитогорска до Верхнеуральска ходит рейсовый автобус, а до Белорецка еще и пригородный поезд. Езды здесь часа два-три.

Разглядывая чашу озера с одной из вершин Уралтау, мы заметили удобную поляну на широком обрывистом мысу юго-западного берега. Лучшего места для лагеря было не найти, и мы спустились к озеру. Мыс и впрямь оказался очень удобным: со всех сторон он был защищен лесом и горами, поверхность покрыта густой травой, к воде хорошие подходы. Со стороны озера мыс овеивался легким ветерком, отпугивающим комаров и оводов. Местами прямо с берега можно было забрасывать удочки и ловить рыбу. Одним словом, мы считали, что открыли отличное место для лагеря на озере. Но, осмотревшись, поняли, что этот мыс Мурат (как называли его местные жители) был облюбован человеком задолго до нас. Тут же у воды мы нашли ножевидные пластинки, нуклеусы, керамику. Разведочные шурфы, заложенные здесь, показали, что на мысу Мурат богатейшие стоянки каменного века. В течение нескольких лет мы вели раскопки на Мурате, и они дали интересные находки, и прежде всего — огромное количество изделий из разнообразных яшм. Изделия из яшмы залегали большими скоплениями в жилищах-полуземлянках. Интересно, что эти жилища — одни из самых древнейших на территории СССР «архитектурных комплексов». Стены жилищ были выложены из крупных плит камня высотой до одного метра. На дне их и были найдены большие «клады», или точнее — «склады» всевозможных орудий и поделок из сургучно-зеленой кушкульдинской яшмы. Obviously они лежали грудой вокруг плоского камня наковаленки, на которой первобытный человек изготавливал разнообразные вещи из яшмы. То ли это были заготовленные для обмена поделки, то ли это было боевое оружие — во всех случаях поражала многоцветная игра сверкающей яшмы. Казалось, что плененные в земле шедевры древ-

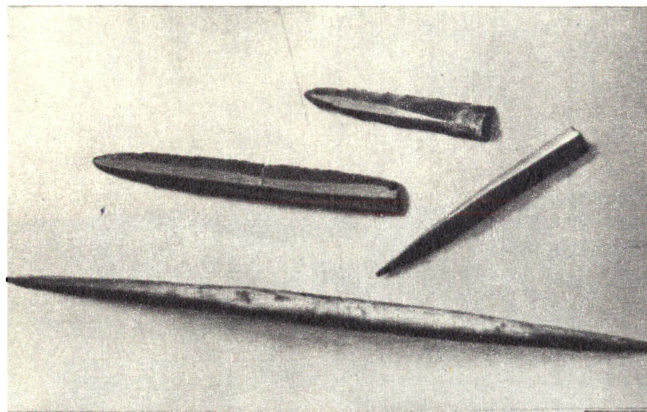
нейших мастеров с облегчением сбрасывали с себя тысячелетнюю пыль и спешили показать свой неповторимый блеск далеким потомкам своих создателей. Больше всего поражала «ушкульская» яшма с темно-вишневыми полосками, голубовато-синяя или зеленоватая с кроваво-красными или малиновыми прожилками. Из нее изготовлялись самые разные вещи: ножи, наконечники стрел, скребки, остря, ножевидные пластинки, резцы, вкладыши и даже своеобразные «перочинные» ножи. Узкие, тонкие ножевидные пластинки одно лезвие имели иногда кроваво-красное, а второе — голубовато-зеленое. Грань между цветами проходила чаще всего ближе к острому лезвию. Может быть, это делалось просто так, «для красоты», а может быть, и с особыми целями. Ведь еще до сих пор некоторые племена особо важные обряды инициации, например обрезание, делают только каменным ножом. Может быть, лезвием цвета густой крови и исполнялся ритуал посвящения во взрослого.

*Озеро Узункуль.
Вид на стоянку Мурат*

Наконечники стрел и копий изготовлялись часто тоже таким образом, что малиновый цвет располагался на самом кончике острия, а иногда и по всей плоскости наконечника, за исключением небольшого островка голубоватого цвета в том месте, где крепился наконечник в древке. Создавалось впечатление, что туда не попала «кровь» только потому, что этот участок наконечника был запрятан в древко, а по всей остальной площади острия вишневый цвет так облегал наконечник, что он как бы всегда был обогрен кровью. Вечно непересыхающая струйка яшмовой «крови» символизировала, видимо, особую удачливость охотника.

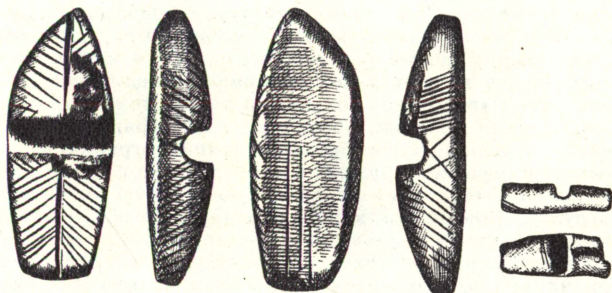
На дротиках полосы малинового цвета тоже чередовались с полосками зелеными или голубовато-синими, но здесь они иногда располагались поперек лезвия, но никогда под углом к нему. На нуклеусах часто цвета размещались так, что темно-вишневый оставался в середине, по обоим краям его обрамляли светло-зеленые,

*Яшмовые острия
и медное шило.
Стоянка Мурат.
III тыс. до н. э.*

а еще дальше, по самому краю нуклеуса, шли светло-желтые или палевые полоски яшмы.

Любопытно, что, раскопав остатки одного жилища позднего каменного века с десятками тысяч всевозможных изделий из яшмы первобытного человека, мы наткнулись под ним на остатки второго, более древнего, и, наконец, еще глубже — третьего, самого древнего жилища, и всюду были изделия из разноцветной яшмы. Самое нижнее и, следовательно, самое древнее жилище, как показали исследования, было устроено около десяти тысяч лет назад. Значит, задолго до того, как люди научились лепить и обжигать горшки и приручать животных, они уже обратили внимание на красоту вишнево-зеленой полосчатой яшмы и стали делать из нее украшения и орудия. Раскопки показали, что человек того времени умел не только ценить красоту цветного камня, но и из простого серого и неказистого камня — сланца и талька — он умел делать довольно красивые вещи.

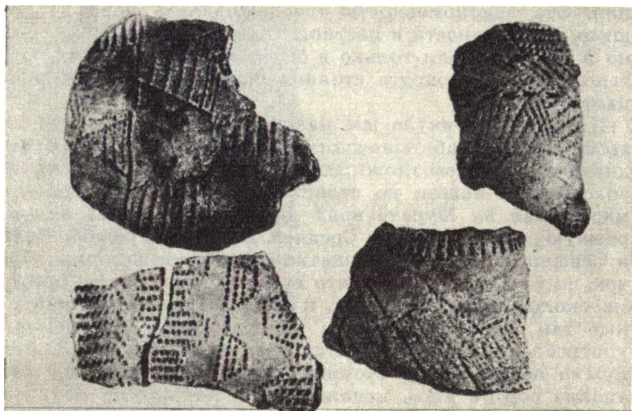
*Тальковые «утюжки».
Стоянки Мурат и Мысовая.
IV тыс. до н. э.*

Наиболее интересные изделия из резного камня с орнаментом — это так называемые «утюжки». По форме они очень похожи на утюжки-гладилки — ладьевидные с закругленными углами. Они, как предполагалось, применялись для разглаживания шкур или каких-то других мягких предметов. На «утюжках» со стоянки Мурат рисунки украшают не только их поверхность, но и ту часть, которая по идее должна гладить и, следовательно, должна быть гладкой. Этот орнамент изображал какие-то «загоны для охоты» или «расставленные сети», «змей» и другие, часто совсем непонятные, предметы. Некоторые из орнаментов на «утюжках» дожили с каменного века до нашего времени в татуировке уральских племен манси и ханты. Еще в начале нашего века исследователи встречали женщин на Урале, руки которых были украшены татуировкой с точно такими же рисунками. Около шести-семи тысяч лет орнамент прожил на Урале, но что он означает — разгадать трудно. Ор-

намент на дне «утюжков» свидетельствует о том, что они не были гладилками. Стали предполагать, что это шлифовальники для круглых предметов, так как на каждом таком «утюжке» сверху обязательно шла одна или две тщательно заполированные глубокие борозды — поперечные желобки, диаметром чуть больше карандаша. Конечно, такую борозду-желобок можно было изготовить и на простом камне без орнамента. Да и как-то было странно, что на весь такой массивный предмет из цельного камня «работало» только это небольшое углубление, и вид у этих предметов был уж очень нарядный и тщательно отделанный, чтобы его функция ограничивалась только шлифовкой круглых предметов. Видимо, эти шлифовальники-«утюжки» несли какую-то иную смысловую нагрузку. Позднее, к концу каменного века, «утюжки-шлифовальники» становятся очень простыми, менее массивными, у них исчезает орнамент. В это время главной их частью становится один или несколько желобков. Видимо, к этому времени они действительно превращаются в шлифовальники и теряют свое эстетическое значение.

Рисунок, изображенный на «утюжках», мы нашли и на сосудах стоянки Мурат. Один из них — это плоская каменная тарелка, диаметром около сорока сантиметров, край ее немного приподнят и по нему насечены зигзагообразные линии. Тарелка тщательно отполирована, в центре ее — небольшое углубление. Может быть, она служила для жертвенных целей, а может быть, для растирания красок. Такие каменные тарелки на территории Прикаспия появились очень давно, около восьми-двенадцати тысяч лет назад. Может быть, и узункульская тарелка — один из древнейших сосудов. Но здесь же, в землянке, которая была построена около шести-семи тысяч лет назад, мы нашли и настоящую посуду из обожженной глины.

Сосуды по своей форме, как и повсюду в каменном веке лесной полосы СССР, яйцевидные, на них по всей поверхности располагается орнамент. На некоторых первобытных горшках изображалась, видимо, жизнь самого племени. По всей поверхности их идут ряды треугольных фигур (хижин?). У некоторых сосудов такие «хжины» имеют вид трапеции. Видимо, это другого типа жилища — с плоской крышей. Иногда они стоят на ровной линии, на «земле», а иногда погружаются в нее. Может быть, так изображались те самые землянки, которые были найдены во время раскопок на поселении.

*Фрагменты
неолитических сосудов.
Стоянка Мурат.
III тыс. до н. э.*

Во время раскопок на Узункуле нас заинтересовало то, что цветные орудия были изготовлены не только из кушкульдинской яшмы, но и из других сортов похожей яшмы. Почти такое же сочетание вишневого и зеленого цвета дает и сафаровская яшма. Само село Сафарово расположено севернее, в пятнадцати километрах восточнее озера Калкан, но изделия из сафаровской яшмы распространены довольно широко. У этой яшмы нет резкого перехода между малиновыми и зелеными полосками, да и полоски шире, чем у кушкульдинской яшмы.

Много орудий было из одноцветной, как ее сейчас называют камнерезы, мулдакаевской или казах-чехинской яшмы, которую в настоящее время считают технической. В древности одноцветная яшма использовалась тоже в общем-то на технические цели — из нее изготовлялись орудия массового и повседневного употребления. По своим свойствам многоцветная яшма не уступала одноцветной, но она шла только на особо важные орудия и изде-

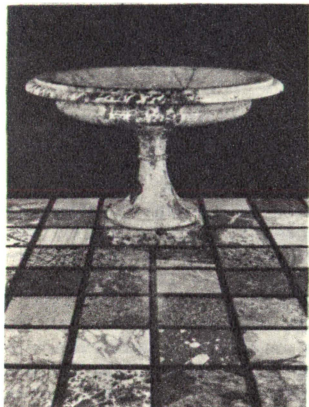
лия. Эта закономерность прослеживалась повсюду. Видимо, и в древности к цветному камню относились бережно и использовали только в особо важных случаях, хотя такой яшмы в округе стоянок было больше, чем одноцветной.

Итак, на Узункуле мы наконец-то встретились с первыми яшмообрабатывающими мастерскими. Более двадцати тысяч всевозможных орудий и отходов их производства мы нашли на стоянке Мурат. Но все же одна мастерская на Мурате вряд ли могла снабдить всю огромную территорию от Средней Азии до Средней Волги и Северного Ледовитого океана изделиями из яшмы. Причем не нужно забывать, что стоянка Мурат была обитаема около шести тысяч лет, и если разделить все найденные там изделия из яшмы на годы их изготовления и употребления, то получится не так-то много. Значит, нужно искать новые стоянки. Ключ к поискам мог дать анализ сортов яшм, используемых на Мурате и других стоянках.

Особенно заинтересовали нас яшмы, на которых малиновый, зеленый и другие цвета идут не полосами, а располагаются в самом живописном порядке — пятнами, образуя различные «картины» и «пейзажи». Именно из такой яшмы были сделаны наконечники стрел с каплей «крови» на острие пера и другие наиболее красочные орудия из цветного камня, которые мы нашли на стоянке Мурат.

Коренные месторождения этих яшм нам не были известны, да и в собрании Эрмитажа и других музеев они представлены тоже только в мозаиках и то небольшими кусочками. Такие мозаики из разных сортов яшмы выложены на столешницах Зимнего дворца и Государственного Эрмитажа. (Видимо, и в прошлом месторождения этой яшмы были малоизвестными. А «пестроцветная» яшма была очень красива.)

В Эрмитаже, в зале испанской живописи XVI—XVII веков стоит столик, поверхность которого выложена овалами из яшм. Рядом с ним, по другую сторону двери, стоит такой же стол, покрытый черной мраморной доской, в которую врезаны также овалыные кусочки полированной яшмы. В противоположном конце этого зала стоит изящный столик, в который вмонтированы квадратики полированной разнообразной яшмы. В зале итальянской живописи XVI—XVII веков помещены две консоли с наборными досками из разноцветных яшм. Ножки консолей изображают фигурки обнаженных женщин с

*Столешница
и ваза из уральской яшмы.
1846. Гос. Эрмитаж*

крыльями, выполненными из золоченой бронзы. По столешнице разбросаны шестиугольные ячейки из разноцветной яшмы на фоне черного мрамора. Все это создает впечатление какого-то огромного сота, в ячейках которого вместо меда — сверкающая яшма. Два стола с наборными из яшм крышками экспонированы в зале итальянской живописи XVII—XVIII веков. Стол с набором из разноцветных яшм, малахита, халцедона и аметиста стоит на площадке Советской лестницы Эрмитажа.

Архивные дела говорят, что большая часть консолей и столов из наборной яшмы выполнена после экспедиции И. Вейца на Южный Урал. В 1848 году на Екатеринбургской гранильной фабрике строится даже специальная машина — «механизм для изготовления мозаичных работ». В делах Кабинета его величества появляются многочисленные распоряжения об изготовлении мозаичных столов и консолей. Видимо, собранные экспе-

дицией Вейца мелкие кусочки яшм и были использованы для изготовления мозаичных изделий. Но где же месторождения пестроцветной яшмы?

ЗАГАДОЧНЫЕ НАЗВАНИЯ. Разглядывая карту, мы обратили внимание, что к югу от Узункуля, около озер Карабалыкты, Банное, Суртанды, встречаются странные названия — Ташбулатово, Таштемирово и другие. Все они начинаются со слова «таш». Но «таш» в переводе на русский язык означает «камень». Значит, «Ташбулатово» в переводе — «Село булатного камня», а «Таштемирово» — «Село стального камня». Это уже интриговало. В самом деле, что это за «стальной» или «булатный» камень? Самая твердая порода на Урале — яшма. Но ведь яшму мы уже видели в большом количестве — и калканскую, и аушкульскую, и кушкульдинскую. Но все эти виды яшм назывались по имени населенных пунктов или озер (калканская — по озеру Калкан, Аушкульская — по озеру Аушкуль и т. п.), а тут наоборот — населенные пункты начинались со слова таш — камень. Это было непонятно. А не значит ли это, что мы до сих пор видели не самые главные месторождения цветного камня, а лишь периферию яшмового пояса? Эта мысль заставила нас поспешить дальше на юг, на озера, где встречаются такие необычные названия.

3. В стране булатного камня

СТАРИННЫМ УРАЛЬСКИМ ТРАКТОМ. От Узункуля до Ташбулатова чуть больше тридцати километров. Дорога идет вдоль живописных берегов озер Большой и Малый Бугодак, чуть севернее остается Карагайское озеро. Здесь мы также нашли стоянки с яшмовыми орудиями и узункульской керамикой, хоть и более бедные, чем Мурат. Видно, вся эта территория в эпоху неолита была занята родственными племенами. Интересно, что группы стоянок располагались, как правило, на расстоянии дневного перехода, то есть в 25—30 километрах друг от друга. Например, Наурузово находится почти на полпути между Узункулем и Чебачье-Карагайскими озерами. Бугодакские стоянки лежат от Наурузово примерно на таком же расстоянии, а от них до Уляндов и Ташбулатовской группы также около 20—25 километров. Восточные озера, удаленные на большее расстояние от яшмового пояса, крупных стоянок не имели.

Любопытно бы пройти пешком по маршруту древних, от озера к озеру, от стоянки к стоянке. Начать этот поход можно и от Карагайского озера. Красиво это озеро. Западные берега его гористы, а за ними видны леса, восточные более пологи и открыты. На севере, из болотистой низинки берет начало река Кидыш, впадающая в Уй — приток Тобола. У истока Кидыша поселение каменного века с тысячами орудий из яшмы — Карагайское III. На Тоболе тоже есть стоянки с яшмовыми орудиями и костями мамонта. Может быть, именно здесь ходили за яшмой охотники на мамонта.

Через Карагайскую крепость, от которой сейчас ничего не осталось, на Верхнеуральск идет старинный оренбургский тракт. Местами здесь и сейчас встречаются участки, вымощенные булыжником и обсаженные стройными тополями, — «екатерининский тракт» — говорят местные жители. Действительно, в XVIII веке это была главная артерия, по которой в Оренбург гнали скот, везли топленое масло, шерсть, пуховые платки. Зимой по тракту курсировали прасолы, скупавшие теленка за пару сапог, барана — за фунт плохого чая, годовалого ягненка — за ситец на рубаху. К маю дорога была уже запружена гуртами скота. За лето на ярмарке продавалось около ста тысяч лошадей, столько же голов крупного рогатого скота, а коз и овец более полумиллиона голов. И почти все это вывозилось в Москву, Петербург и другие города центра России. Чего только не скупали и не перепродавали здесь под Верхнеуральском прасолы-купцы. Славилось сибирское топленое масло, которое они брали здесь за бесценок и перепродавали на ярмарке агентам ста фирм, развозившим его потом в Петербург, Москву, Нижний Новгород и даже в Германию и Турцию. Знаменитые «оренбургские» пуховые платки, о которых до сих пор поют песни, изготовлялись тоже здесь, по деревням и станицам, а в Оренбурге только перепродавались.

Этот важнейший торговый путь требовал усиленной охраны, и об этом правительство стало заботиться еще до основания самого Оренбурга. Об этой дороге при дворе стали говорить при Петре I, после того как установились дружественные связи с казахскими жузами — ханствами. В 1731 году Малый казахский жуз присягнул на верность русскому императору, а в 1734 году была обнародована высочайшая грамота, приглашавшая в подданство остальные жузы и обещавшая для их защиты от кочевников построить город Оренбург. Тогда же оберсекретарю сената И. Кириллову пришла мысль превратить Оренбург в главный центр торговли России со Средней Азией. По его проекту предусматривалось строительство дорог «для облегчения подвоза провианта из Сибири»⁴⁶ и пристаней-крепостей для их охраны. Первой такой пристанью на этом пути и стал Верхнеяицк, заложенный в 1734 году. Правда, в следующем, 1735 году население Верхнеяицкой пристани было полностью вырезано кочевниками, но на ее месте без промедления была построена надежная крепость. После восстания Пугачева, когда Екатерина II распорядилась стереть с лица земли

*Церковь
в Верхнеуральске.
XVIII в. (?)*

всякое упоминание о бунтовщиках — яицких казаках, река Яик и Верхнеяицкая крепость были переименованы: Яик — в Урал, а крепость — в Верхнеуральскую. В 1865 году Верхнеуральск стал городом.

Планировка Верхнеуральска отличается от Миасса, Златоуста, Сатки и других уральских городов-заводов. Здесь нет четко выраженного центра с плотиной, храмом и заводской конторой. Верхнеуральск состоит из крепости и форштадта — пригорода. Крепость — собственно город — расположена на высоком берегу реки Урал. И сейчас на улицах между городом и форштадтом можно найти следы рвов и валов. Храм пятиглавый с шатровой звонницей расположен поодаль от торгово-административного центра города. По своей архитектуре храм очень похож на Вознесенскую церковь под Аушкулем. Старожилы утверждают, что он построен в 1760 году.

В двух кварталах от храма, в торговом центре города, — большая площадь — старинный плац, где когда-то

*Старинные лавазы
и магазины
в Верхнеуральске.
XVIII—XIX вв.*

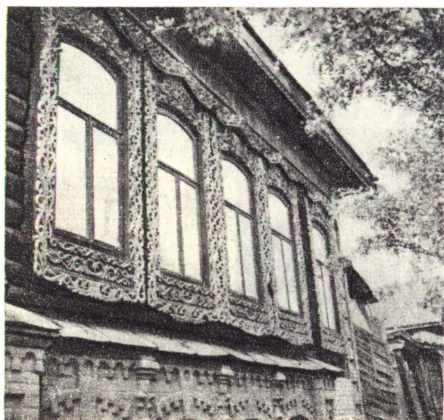
гарцевало верхнеуральское казачество и устраивался смотр атаманом. Здесь сохранились каменные здания XVIII — XIX веков. Выделяется здание купца Устинова (сейчас в нем располагается универмаг). Спаренные окна украшены полуколоннами, наличниками, карнизами. Причем все архитектурные детали дома, и наличники, и филенки, и карнизы, и пояса, выполнены простым выпуском кирпичей. Рядом с универмагом — бывшая винная лавка купца Куликова. Одноэтажное, низкое, приземистое кирпичное здание имеет односкатную крышу, украшенную кокошниками. Вообще в городе много домов с нижним каменным и верхним деревянным этажом, но основная его часть и сейчас застроена рублеными домами. Многие из них, как и в Миассе, украшены затейливой резьбой. В центре, у дома купца Максимова, сохранились превосходные резные ворота, наличники, ставни с резьбой и деревянные кружева на карнизе дома. Любопытно низкое одноэтажное, но очень длинное, протянувшееся на

*Деревянный дом
с резными наличниками
в Верхнеуральске. XIX в.*

добрую сотню метров деревянное здание старинной казармы. Дом построен еще в конце XVIII или в начале XIX века из лиственницы и хорошо сохранился. Здесь отбывали ссылку декабристы А. Веденяпин и И. Черноголазов.

Рядом с массивными деревянными домами из лиственницы, крытыми уральскими дворами и бревенчатыми оградами, даже в центре города можно встретить гораздо чаще, чем в Миассе, небольшие типично южнорусские мазанки. Особенно много их в форштадте. Эта часть города и сейчас напоминает старинную казачью станицу. На улицах можно встретить стариков, щеголяющих в казацких фуражках. Если поговорить с ними, то можно услышать много историй о боях под Верхнеуральском, о походах Блюхера, о бегстве из дутовского плена братьев Кашириных вместе с головным верхнеуральским атаманом — их отцом. Братьям Кашириным, героям гражданской войны, в городе установлен памятник.

*Деревянный дом
с резными наличниками
в Верхнеуральске.
XIX в. Деталь*

Энтузиасты-краеведы собрали интересные материалы по истории города, благодаря чему здесь был открыт народный музей. Возглавил его неутомимый краевед М. Зайцев, участник гражданской войны. Стали появляться в музее экспонаты с территории Верхнеуральского района. Школьники Карагайки передали в музей яшмовые орудия, собранные на берегах Карагайского озера. Каменный топор нашли в форштадте. Число экспонатов быстро росло. Недавно музей города Верхнеуральска преобразован в государственный. Поступили в музей картины местных художников. В нем экспонирована диарама, изображающая сражение на горе Извоз, на окраине Верхнеуральска.

На самой горе установлен обелиск в память погибших здесь красногвардейцев. С горы открывается хороший вид на окрестности Верхнеуральска. На западе непрерывной чередой тянутся хребты Крыкты, Куркак, Уралтау. В хорошую погоду видна вершина Ямантау. Горы покры-

ты лесом, а на востоке, за Верхнеуральском, расстилаются бескрайние степи. Здесь повсюду царствуют загадочные курганы.

КУРГАНЫ. С курганами на Урале связано немало легенд и поверий: «Жили испокон веков на Урале старые люди, их чудью звали. В темноте ютились, солнечного света боялись. А лица у них были на груди. И вот стали чуди замечать, что белое дерево на их землю пришло. Никогда такого ни их деда, ни прадеды не видели. Слухи тревожные передавались из уст в уста: где белое дерево, там белый человек... И вот запрятались чуди в свои жилища, норы подземные; сваи, держащие земляные потолки, подрубили и заживо захоронили себя. Не стало их на Урале. На месте жилищ курганы образовались. В Зауралье, куда ни пойдешь, на их следы натыкаешься. И растут на них старые-престарые березы...» На курганах под Верхнеуральском березы не растут — степь, однако причины появления курганов и здесь большей частью объясняют самопогребением чуди.

Легенда о самопогребении чуди бытует и среди сельского и среди городского населения. Сорок два варчанта легенды о курганах записала среди крестьян Зауралья экспедиция А. Лазарева⁴⁷, и почти все они связывают появление курганов с самопогребением чуди. Правда, в Великопетровской станице под Верхнеуральском говорят, что курганы насыпаны калмыками, бежавшими из Астрахани, а некоторые считают, что они возникли из-за обычая чуди возить землю на могилы родичей во время поминок. Под Орском курганы называют марами и говорят, что их насыпали башкиры для устройства наблюдательных пунктов. Из шестидесяти двух вариантов легенды о курганах, записанных в городах Урала, большинство также связывает их появление с самопогребением чуди, но здесь рассказывают больше подробностей о том, что чуди питались добычей охоты, одевались в шкуры, любили медь, серебро и золото, но были очень суеверны, что и погубило их.

П. Мельников-Печерский записал, как ему рассказывали на Чусовой: «Жили прежние люди, что зовутся «чудакками». Люди говорят, что тут был ихний город ли какой, завод ли... Да вот за гордость наказал их господь: все перевелись. А куда богаты были. Слышал я, что у них золота было, что у нашего брата соломы...

— Что же? Находили вы клады?

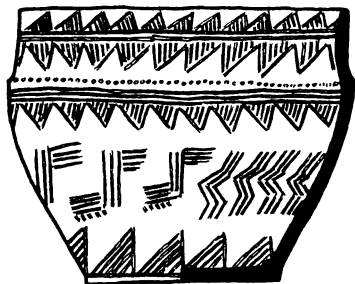
*Сказ
про Великого Полоза.
Художник-самоучка.
Г. Губанов. 1972.
Магнитогорский
краеведческий музей.*

— Какие клады, сударь? Ведь чудаки-то были колдунами: они заколдовали свое золото»⁴⁸.

П. Бажов вспоминал, что горняки удачу в приисках золота объясняли тем, что старатель нашел в земле «ходок» старых людей, которые были «вовсе маленькими», «знали все нутро земли и ходили под землей по одним им ведомым ходам»⁴⁹. Во многих вариантах легенды рассказывается, что перед самопогребением чуди оставили для наблюдения «девку», чтобы она охраняла клады и драгоценности, но она показала белым людям все, и тогда «старые люди» все золото и металлы спрятали. Филологи полагают, что эта легенда о «девке чуди» и породила образ «чудо-девицы» — Хозяйки Медной горы. Образы сказов очень популярны в творчестве местных художников.

Много раз кладоискатели пытались раскапывать курганы, но, кроме гнилых бревен, черепков и костей, ничего не находили. Тайна курганов стала разгадываться только

после того, как начались их научные раскопки. Такие курганы были раскопаны недалеко от Верхнеуральска и под Магнитогорском, у села Спасское и Верхне-Кизилское. Под Спасским при строительстве Верхнеуральского водохранилища В. Стоколосом было раскопано девять курганов⁵⁰. Под ними было обнаружено сорок восемь могильных и десять пустых ям. Могилы были перекрыты бревенчатыми настилами (видимо, это и породило легенду о землянках чуди). В каждой могиле по одному или по два, реже по три погребенных. Сохранились украшения: браслеты, пастовые гофрированные пронизки. Найдена костяная флейта. Сверху на могилы положены головы или целые туши лошадей. Самое интересное в курганах — сосуды. Каждому погребаемому ставилось по два сосуда: один крупный, покрытый нагаром, второй — маленький, без нагара. Все эти сосуды экспонированы в Верхнеуральском музее. Если будете осматривать их внимательно, то вас обязательно удивит орнамент на горшках, изготовленных около четырех тысяч лет назад. Горшки менее красивы, чем неолитические сосуды с озерных стоянок. Они грубовато сделаны, плоскодонные, но орнамент у них более тонок и изящен. По верхнему краю сосуда идут ряды косых треугольников или ромбов, их окаймляют ряды ямок, меандров, свастик. В целом узор очень сложен и негонтен, но хорошо видно, что законы орнаментации выдерживались очень строго: треугольники, ромбы и другие фигуры, как правило, строго симметричны. Но иногда можно заметить и отступления от чувства ритма и симметрии. Те сосуды, на которых это прослеживалось, особенно интересны, хотя встречаются они очень редко. Если присмотреться к несимметричным рисункам, то можно иногда разгадать смысл некоторых орнаментальных фигур. Например, на сосудах очень часто изображались зигзаги, два таких перекрещенных зигзага образовывали знак солнца — свастику. Но вот на одном из сосудов изображен ряд несимметричных зигзагов: у первых двух из них подрисованы «ножки» и они очень похожи на те «уточки», которые мы видели на сосудах каменного века в Челябинском и Саткинском музеях. Следующие за ними «уточки» уже даны без ножек, а остальные девятнадцать изображены схематично и очень небрежно — в виде зигзагов. Значит, зигзаг на андроновском (как их называют по месту первой находки) сосуде — это та же древняя «уточка», только изображенная очень схематично. Прошло несколько тысяч лет с тех пор, как люди каменного века Урала начали рисовать на своих сосудах фигуру птицы, и уже

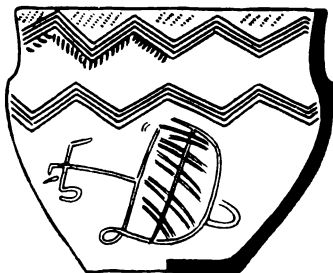

*Схема орнамента
на сосуде II тыс. до н. э.
Челябинский областной
краеведческий музей*

теперь она, видимо, потеряла свое смысловое значение и рисовалась традиционно, а потому и схематично.

На одном из андроновских сосудов из-под Челябинска в симметричных ромбиках, нанесенных по венчику, зашифрованы какие-то загадочные письмена. В каждом из них нарисованы неповторяющиеся знаки: точки, крестики, тройные линии, прямоугольники. Некоторые из ромбиков разделены на четыре равные части с различной заштриховкой. Разгадать эти письмена пока никому не удалось.

Самый интересный сосуд из спасских курганов — с рисунком повозки и упряжью из двух лошадей. Может быть, с художественной точки зрения этот рисунок далеко не совершенен, но, учитывая его древность и редкость (таких сосудов с рисунками повозок почти четырехтысячелетней давности известно на территории СССР не более трех), его стоит рассмотреть внимательно. Тем более что это очень редкое подтверждение того, что обитатели заураль-

*Схема рисунка
древней колесницы
на сосуде II тыс. до н. э.
Верхнеуральский
краеведческий музей*

ских степей уже во II тысячелетии до н. э. умели использовать лошадей как тягловую силу.

В Верхне-Кизильском поселке в 1920-е годы при ремонте плотины был найден клад: мешок из кожи с орудиями II тысячелетия до н. э. и маленький горшочек, вызвавший споры. Дело в том, что по форме и особенно по орнаменту этот горшочек был идентичен абашевским, а абашевцы, как в то время считалось, жили только на Верхней Волге. Вначале никто не поверил, что этот сосуд может быть абашевским. В 1949 — 1950 годах К. Сальников произвел раскопки в поселке Верхне-Кизильский и нашел десятки абашевских сосудов, украшений и других древних предметов. Все они сейчас хранятся в Магнитогорском краеведческом музее. В 1974 году на реке Синташте, что южнее Магнитогорска, свердловскими археологами был исследован курган, в котором вместе с абашевскими сосудами и прочей утварью в могиле вождя сохранилась колесница, очень похожая на ту, которая была нарисована на спас-

ском сосуде. Правда, споры и после этой находки не утихли, так как к тому времени здесь же под Магнитогорском были найдены курганы третьей крупной культуры, распространенной по Волге и Днепру, — срубной культуры. Получилось, что здесь, у яшмового пояса Урала, жили племена почти всех крупных культур эпохи бронзы нашей страны. Это было непонятно. Отдельные исследователи стали высказывать предположение, что некоторые из древних племен бывали на Урале лишь «проездом». Например, абашевцы — это древние арии, и они прибыли на Урал лишь по пути в Индию⁵¹. Но было так или нет, судить пока рано, нужны еще многие и многие раскопки. При всех обстоятельствах Магнитогорский краеведческий музей дает возможность посмотреть находки орнаментированных сосудов трех главнейших культур Восточной Европы и Сибири эпохи бронзы, не говоря уж о материалах каменного века, которые здесь представлены в большом количестве.

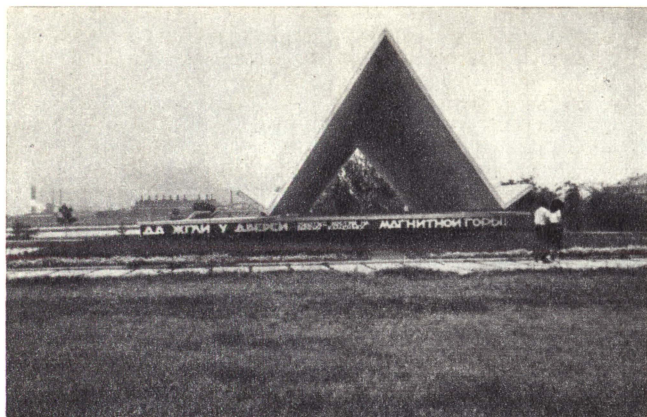
Огни Магнитогорска хорошо видны от Спасского, а от Верхне-Кизильского меньше пяти километров до прославленной Магнитки.

МАГНИТОГОРСК — современный город с театрами, музеями, дворцами культуры, стадионами и парками. Недавно городские достопримечательности пополнились уникальным, в буквальном смысле драгоценным цирком. Здание его сходно по архитектуре с новым московским цирком, но оно все украшено самоцветами, а пол его выложен пестроцветной яшмой. Таким богатством не может похвастать ни один дворец в мире.

Другие достопримечательности города известны всей стране — Магнитогорский металлургический комбинат имени В. И. Ленина, трест Магнитострой и многие другие предприятия. Известно, что каждый наш третий танк и каждый второй снаряд во время Великой Отечественной войны были сделаны из магнитогорского металла.

Планировка современного Магнитогорска очень разумна. Все промышленные предприятия здесь расположены на левом берегу Урала, а жилой массив нового города — на правом.

Переезжая по одному из трех мостов из левобережной в правобережную часть города, вы не только попадаете из Азии в Европу, но и переселяетесь из закопченного и грохочущего промышленного центра в тихий, спокойный, зеленый и благоустроенный, поистине европей-

*Монумент «Палатка»
в Магнитогорске.*

*Скульптор
Л. Головицкий,
архитектор
Е. Александров.
1966*

ский город. Разница настолько явственна, что кажется, попал в другой город, и только на Набережной, разглядывая на противоположном берегу Магнитогорского моря разноцветные огни и дымы Левобережья, ощущаешь, что все это один город. На городском море (или, как его прозаично называют, — на Заводском пруду), отделяющем промышленную часть города от Правобережья, почти всегда можно видеть настоящие морские яхты и шверботы. И все это — и город, и море, и заводы — выстроено на месте голой выжженной солнцем степи. Начинаешь думать, что строительные возможности современного человека безграничны.

В Магнитогорске несколько музеев: краеведческий, который мы уже упоминали, Музей техники Магнитогорского металлургического комбината, Музей Горно-металлургического института, Музей-квартира поэта Б. Ручьева и другие. Все музеи интересны, и их стоит посетить. О городе можно бы рассказать больше, но ему посвящены спе-

циальные книги¹². Наш путь лежит дальше — в страну булатного камня. А это уж совсем недалеко, в зоне отдыха Магнитогорска.

В СТРАНЕ БУЛАТНОГО КАМНЯ. От Магнитогорска почти до самого Ташбулатова проложено отличное асфальтированное шоссе, курсируют рейсовые комфортабельные автобусы. Дорога идет мимо целебного Соленого озера с горько-соленой «морской» водой, мимо озера Суртанды (Щучье), через реку Янгельку и, огибая большую гору, выходит на северный берег Банного озера и далее в поселок Кусимовский рудник.

На Банном — зона отдыха магнитогорцев. Здесь всюду дома отдыха, дачи, санатории, пансионаты. Озеро со всех сторон окружено горами, только с севера небольшая пятидесятиметровая перемычка отделяет его от озера Сабакты, а с юга вытекает речка Янгелька. Горы, прозрачная чистая

Озеро Банное

вода, живописные березовые рощи, степи, подходящие к озеру с востока, привлекают сюда в выходные дни почти все четырехсоттысячное население Магнитогорска. По преданию, озеро так восхитило Пугачева, что он приказал своему войску здесь «баниться» и прозвал его Банным. Немало вдохновенных строк посвятил озеру Д. Мамин-Сибиряк. Но нам пока лучше миновать его и проехать до конца маршрута автобуса, чтобы начать осмотр трехозерья от Ташбулатова.

Автобус огибает Банное и вывозит нас в Кусимовский рудник. Правда, рудник здесь давно уже не функционирует и поселок стал курортным. Отсюда до Ташбулатова всего около полутора километров. После часового путешествия на автобусе приятно пройти пешком. Дорога взбирается по склону горы Кутукай и вьется между холмами водораздела. Двадцать минут ходьбы, и мы над озером Карабалыкты, что в переводе означает Линевое, но которое магнитогорцы называют Ташбулатов-

*Яшма
на озере Банном*

ским, по имени раскинувшегося на юго-восточном берегу села.

Окрестности Ташбулатова лучше осматривать с горы, возвышающейся над деревней. Вид отсюда отменный. На юго-западе видны сразу три озера: Карабалыкты, Сабакты и Банное, на северо-востоке, чуть поодаль от них, — Улянды. За тремя озерами сразу поднимаются горы, прослеживаются хребты Крыкты, Куркак, Уралтау. За ними река Белая, приток Камы. Пожалуй, нигде так близко не подходят реки бассейна Волги, Урала и Оби.

Любоваться редким сочетанием красок гор, тайги и степи, так причудливо перемешанных перед нами, можно часами. Мы опускаемся на камни... и забываем обо всем только что виденном. Глыба, на которую мы присели, вся в пятнах, то кроваво-красных, то зеленых, то желтых, то черных, перемешанных в самых фантастических сочетаниях. Вначале думается, что кто-то из туристов раскрасил камень, но, приглядевшись, мы ви-

дим, что все камни, выглядывавшие из травы, также ярко и необычно окрашены. Пробуем скоблить «краску» стальным напильником и убеждаемся, что он не «берет» — камень прочнее высоколегированной стали. Царапаем камешком по стеклу, и оно поддается. Значит, это яшма, но как она раскрашена! Так вот она, пестроцветная красавица яшма!

Яшмы много — почти вся гора усыпана ею. Усталые, мы спускаемся к озеру, чтобы освежиться, подходим к воде и в изумлении валимся на траву — у самой воды всюду кроваво-красная яшма. Вся небольшая возвышенность на восточном берегу озера сложена из красной яшмы. А когда мы обошли все озеро, то изумление наше перешло все границы — озеро было обрамлено цветными яшмами, начиная от пестроцветных, до красных, сургучных, зеленых, черных, темно-серых, синеватых и многоцветных. Может быть, поэтому-то Ташбулатовское озеро привлекало человека в эпоху каменного века. Исследования показали, что здесь было больше яшмообрабатывающих мастерских, чем на всем Урале. Только в первый (1961) год работы на озере мы нашли двадцать два поселения от палеолита до энеолита. Правда, вначале были сомнения. Известный исследователь Урала А. Брюсов говорил, что все это кратковременные остановки рыбаков, на которых, кроме единичных поделок, мы ничего не найдем. Однако раскопки показали, что большая часть стоянок — долговременные поселения с яшмообрабатывающими мастерскими. Уже более пятнадцати лет ведет наша экспедиция раскопки на озерах Ташбулатово, Банное, а конца древним поселениям не видно. Именно здесь была открыта в 1965 году самая древняя в Азиатской части СССР и одна из самых древнейших в СССР раннепалеолитическая стоянка Мысовая.

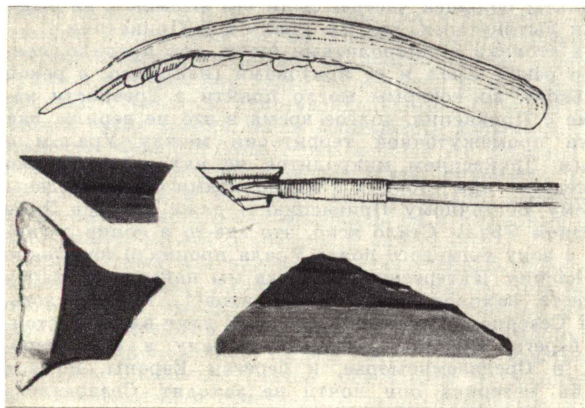
Мысовая располагалась на западном мысу Ташбулатовского озера. В самом нижнем слое здесь были обнаружены остатки жилища и орудия неандертальского человека. Такие стоянки до недавнего времени были известны лишь на Кавказе. Мысовая — самая северная стоянка раннего палеолита на территории СССР. Любопытно, что сто тысяч лет назад неандертальцы совершенно не пользовались цветным камнем. Все найденные орудия их были сделаны из темно-серой яшмы. Причем раннепалеолитические люди совершенно не обращали внимания на то, в каком направлении идут волны яшмы, вдоль или поперек орудия. Чаще всего они располагались под углом к оси орудия, чего почти никогда не допускалось в по-

следние пятнадцать тысяч лет истории каменного века Урала. Сто тысяч лет назад человеку, видимо, еще не было свойственно чувство гармонии, или оно было очень отличным от наших восприятий.

Около восьми-десяти тысяч лет назад люди снова обосновались на Мысовой. Теперь человек уже научился ценить цветную яшму. Наиболее важные и интересные орудия делались из вишнево-зеленой яшмы. Особенно интересны были изготовленные из яшмы очень мелкие (меньше одного сантиметра в ширину), строго геометрической формы пластинки: ромбы, трапеции, треугольники, сегменты. Ни на Урале, ни вообще в лесной зоне Евразии таких геометрических микролитов пока никто не находил. А здесь они встречались довольно часто. Их мы нашли при раскопках на озерах Банном, Суртанды и особенно много на стоянке Янгелька, что на озере Чеваркуль в тринадцати километрах южнее Суртандов.

На северном берегу Чеваркуля, там, где впадает река Янгелька, была открыта широко известная сейчас стоянка Янгелька. Она расположена на высокой двадцатиметровой террасе. Однако когда здесь жили люди, изготовлявшие геометрические микролиты, воды реки и озера подходили вплотную к стоянке. В 1966 году мы начали раскопки на стоянке Янгелька и сразу же обнаружили остатки большого, длинного дома с очагами и глубокой ямой — хранилищем. В остатках жилища десяти тысячелетней давности было найдено одних яшмовых острых ножевидных пластинок более семи тысяч, сотни нуклеусов, масса отщепов, свёрел, резцов, скребков, скобелей и других орудий из разноцветной яшмы. И самое удивительное — геометрические микролиты.

Геометрические микролиты до сих пор находили только на юге Европы, в Прикаспии, на Ближнем Востоке, на Кавказе и в Крыму. О назначении их было много споров. Предполагали, что это предметы искусства, орудия для бритья, ритуального обрезания и т. п. Споры шли до тех пор, пока в Западной Европе не нашли микролиты воткнувшимися в позвоночник убитых. Стало ясно, что они использовались как наконечники стрел. А на стоянке Янгелька мы нашли остатки ножа, в лезвие которого были впрессованы острые, тщательно подогнанные друг к другу трапеции и треугольники из яшмы. Видимо, строгая геометричность позволяла быстро и точно подгонять вкладыши для лезвия любого орудия. Один и тот же микролит можно было использовать и в качестве наконечника стрелы, и в качестве вкладыша в лезвие кинжала,

*Геометрические
микролиты из яшмы.
Стоянка Янгелька.
XI—VIII тыс. до н. э.*

и в качестве рыболовного крючка, зуба гарпуна или остроги. Локвуд⁶³ рассказывает, что он вместе с австралийскими аборигенами совершал путешествие чуть ли не через всю Австралию пешком, имея в запасе лишь пятьдесят подобных кремневых наконечников-вкладышей, а дровки к ним он вырубал ими же на ходу, по мере надобности.

Геометрические микролиты дали новый ключ к решению проблемы заселения Урала, а может быть, и к проблеме происхождения многих народов. Дело в том, что все эти трапеции, треугольники или ромбы имели своеобразную выемку, которую делали только мастера Южного Прикаспия — Ирана, Ирака и других стран. Сходство между янгельскими и иранскими микролитами было настолько разительным, что казалось, их сделал один мастер. Особой «производственной» ценности эта выемка не имела, но, видимо, это был своеобразный знак племени. На Кавказе, в Крыму и других местах

микролиты большей частью были без выемок и не были такими вытянутыми, как на Урале и в Прикаспии.

Хотя стоянки с микролитами были, как правило, связаны с рекой Урал и ее притоками (например, с рекой Янгелькой), по которым могло прийти в древности население с Прикаспия, долгое время в это не верили, так как на промежуточной территории между Уралом и Южным Прикаспием микролитов не находили. Только в последние годы стоянки с микролитами были найдены по всему Восточному Прикаспию и даже на реке Эмбе и Среднем Урале. Стало ясно, что где-то в конце ледникового в зону яшмового пояса Урала проникло население с Прикаспия. Интересно, что когда мы нанесли на карту все места находок таких микролитов⁵⁴, то оказалось, что от Северного Ирана и Ирака они идут вдоль восточного берега Каспия к Южному Уралу и на северо-запад, в Средиземноморье, к берегам Европы, но вот в глубь материка они почти не заходят. Создавалось впечатление, что около десяти-двенадцати тысяч лет назад население «полумесяца плодородия» Ближнего Востока, где тогда возникло земледелие и скотоводство, стало вдруг расселяться вдоль берегов моря на запад и на север вплоть до Урала⁵⁵. Что заставляло переселяться древних людей на столь далекие расстояния — трудно сказать, но можно отметить, что в это же время на всей нашей планете резко повышается температура на несколько десятков градусов. Это привело к таянию ледников на севере, а на юге — в горах Загроса и в Южном Прикаспии — это, видимо, привело к засухе, которая заставила переселяться на север и людей и животных. Любопытно, что племена с геометрическими микролитами заселяли именно те области Евразии, которые сейчас занимают родственные по языку народы индоевропейской семьи. Может быть, такое расселение по широкой территории в мезолите и привело к распространению родственных языков и культур.

Реконструкция, выполненная М. Герасимовым по Давлекановскому погребению, экспонированная в Челябинском музее, говорит о том, что население Урала в каменном веке было родственным прикаспийскому. Но погребений мало. Не сохранилось пока ни на одной стоянке с озер Банное — Карабалыкты и предметов из дерева и кости. Судить о развитии искусства в то время можно лишь по орудиям и изделиям из кремня и яшм. Иногда высказывается мнение, что в мезолите первобытное искусство приходит в упадок. Если в предшествующее вре-

мя, в палеолите, в пещерах Франции и Испании — Альтамира, Ляско, Фон де Гом и других, реалистически изображали мамонтов, быков и носорогов, то теперь рисунки в пещерах как будто бы исчезли. А ведь пещерные рисунки считаются непревзойденными. «С чисто эстетической точки зрения, быки Альтамиры, кобылицы Ляско, мамонты Фон де Гома стоят вообще на вершине всего когда-либо созданного человеческой рукой»⁵⁶. Пещерное искусство в мезолите действительно исчезает, но сохраняется наскальная живопись, да и пещерные рисунки, видимо, не все относятся к палеолиту.

Чем больше мы находили всевозможных поделок из яшмы на озерах Карабалыкты — Банное, тем больше приходили к выводу, что человек, так хорошо владеющий цветами яшмы и так умело и красиво komponующий их на своих поделках, не мог быть лишен чувства прекрасного. Любимым цветом обитателей яшмового пояса был зеленый в сочетании с темно-вишневым и крас-

*Река Белая
у Каповой пещеры*

ным. Та яшма, которую в XVIII веке И. Лепехин назвал «лутшею», не только была замечена в мезолите, но и была предметом «экспорта». Она распространялась отсюда на берега Северного Ледовитого океана, в пустыни Средней Азии, в леса Сибири и Поволжья. Как-то не верилось, что, открыв цветную яшму и так искусно комбинируя цвета на своих изделиях, человек того времени не пробовал свои силы в других видах первобытного искусства, например в пещерной или наскальной живописи, которая к тому времени была уже развита.

Разглядывая карту, чтобы наметить очередной маршрут для разведки, мы обратили внимание на еще одно название с приставкой «таш» — пещеру Шульган-Таш, или Каповую. Тогда ее еще мало кто знал.

В КАПОВОЙ ПЕЩЕРЕ. Каповая пещера находится от стоянок яшмового пояса Урала совсем недалеко. Доста-

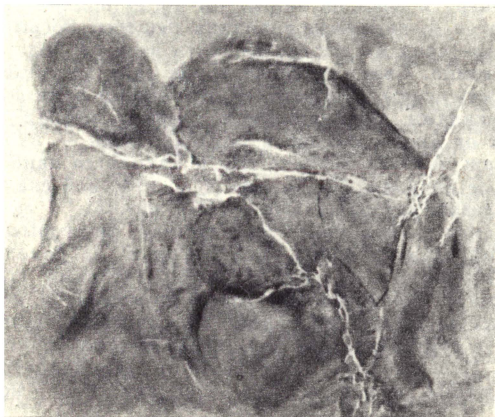

*Вход
в Каповую пещеру*

точно только перевалить хребты Уралтау и Крыкты, вплотную подходящие к Банному озеру, и мы на берегу реки Белой, там, где находится Каповая, или Шульган-Таш.

Недалеко отсюда, у Белорецка, на реке Белой в 1961 году были найдены при раскопках пластинки из зелено-красной ташбулатовской яшмы. Значит, в каменном веке на Белую проникали охотники из яшмового пояса. Да это было и не особенно трудно, ведь от Мурата до Белорецка меньше двадцати пяти километров, а там уж достаточно спуститься вниз по реке — и вы у Каповой пещеры. Яшмовые орудия, найденные нами почти на всем протяжении пути от озер Ташбулатово — Узункуль до Каповой пещеры (стоянки Кага, Азопкино, Бельская и др.), говорят о том, что охотники из яшмового пояса не раз совершали путешествия через Уралтау на берега реки Белой до Каповой пещеры. Именно этим путем первый раз мы добирались до этой пещеры.

*Изображение мамонта
в Каповой пещере.
(по О. Бадеру).
XV—X тыс. до н. э.*

В 1959 году зоолог А. Рюмин, приехавший из глухого района Башкирии — Бурзянского (он там работал в заповеднике) в Уфу, в филиал Академии наук, показал фотографии каких-то непонятных рисунков. «Снял в Каповой пещере», — объяснил Рюмин... Странно. Ведь эта пещера известна давно. Кто только из ученых не побывал в ней! Еще в XVIII веке ее пытались обследовать экспедиции академиков Палласа и И. Лепехина.

Но наскальные рисунки... Этого еще не было, удивлялись мы. Может быть, Рюмин ошибается? Ведь он зоолог, а не археолог.

Институт археологии снарядил экспедицию под руководством О. Бадера для обследования пещеры. И первая же разведка принесла ошеломляющую весть: рисунки есть, и их даже больше, чем думал Рюмин. В 1962 году было решено провести раскопки в пещере. Вот в них-то и довелось нам участвовать.

Вход в пещеру с реки не виден. Но когда подходишь к нему из ущелья, поражает величина пещеры. Восьмиэтажное здание вряд ли смогло закрыть весь проход.

В пещере темно. Свет от прожекторов едва достигает уходящие ввысь своды. Пол завален огромными камнями и целыми скалами, свалившимися сверху. Метрах в полторастах от входа, высоко в потолке, щель — вход на второй этаж пещеры. Именно там и находятся наиболее интересные рисунки. Поднимаемся по отвесной скале на двадцатидевятиметровую высоту. По камням и скалам пробираемся в «зал мамонтов». Он так же огромен, как и нижний этаж пещеры. Свет теряется, не доходя до потолка. Из темноты, освещаемые прожекторами, выступают ярко-красные фигуры, похожие на мамонтов, носорогов, диких лошадей и еще каких-то животных. Дальше, у входа в сталактитовый зал, видна вторая группа рисунков. О. Бадер считает, что всего их одиннадцать: семь изображений мамонтов, два — лошади, два — носорога^{5 7}.

Рисунки нанесены на высоте роста человека красной краской — охрой, въевшейся в породу так, что отколовшийся кусочек камня оказался пропитанным ею насквозь. Тысячелетиями вода, просачиваясь сверху, растворяла известняк, отлагая его мелкие частицами на рисунках. Вокруг рисунков ятна железистых отложений, от которых трудно отличить краску рисунков. Поэтому, видимо, их так долго не замечали. На первом этаже рисунки символичны и непонятны: квадраты, кубики, треугольники.

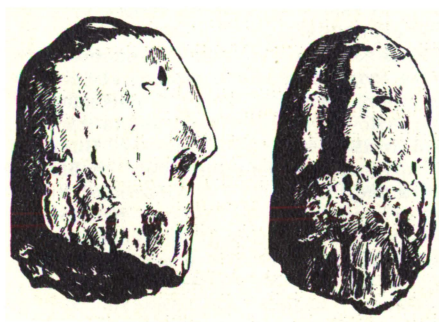
Раскопки под рисунками не дали результатов. Кроме мелких угольков, ничего не было найдено и на первом этаже. Видимо, здесь, как и во французских и испанских пещерах с рисунками, не жили. Установить, кто нарисовал мамонтов в Каповой пещере, очень трудно. До сих пор такая задача ее исследователями и не ставилась, но все же некоторые следы человека в пещере есть. Я с ними столкнулся случайно, работая в фондах Музея антропологии и этнографии в Ленинграде. Там мне попался нуклеус из яшмовой породы, точно такой, какие мы находили на стоянке Янгелька и других памятниках яшмового пояса Урала. Я заинтересовался этим нуклеусом, разыскал по шифру к нему описание и узнал, что нуклеус был найден в конце XIX века в Каповой пещере у рисунков нижнего этажа^{5 8} зоологами И. Якобсоном и Р. Шмидтом. Нуклеус — единственный четкий след человека того времени, когда в пещере были нанесены

рисунки, и он как будто бы довольно точно показывает, что его принесли из-за Уралтау, со стоянок яшмового пояса. Но почему так далеко от стоянок люди устраивали свои святилища с рисунками?

Видимо, все это объясняется психологией первобытного человека. Первобытные люди старались скрыть все сокровенное от непосвященных. Этторе Биокко⁵⁹ рассказывает, что в племени яномамо жена иногда узнавала настоящее имя своего мужа только на его похоронах. Видимо, по тем же мотивам, которые запрещали мужу сообщать свое настоящее имя жене, прятали первобытные люди свои рисунки вдали от поселений в глубине пещер. Не исключено, что это было связано с обрядом посвящения во взрослые — инициацией, который всегда проводят вдали от поселений. В пещере Монтеспан сохранились отпечатки ног мальчиков десяти—двенадцати лет и взрослых вокруг скульптуры медведя. Причем в некоторых местах видно, что люди шли на пятках. Видимо, здесь исполнялся обрядовый танец вокруг скульптуры медведя.

Таким образом, учитывая, что ближе к Каповой пещере не было других населенных мест, кроме стоянок на озерах яшмового пояса, можно уверенно предполагать, что именно те мастера, которые впервые стали использовать разноцветную яшму для своих поделок, создали и живопись в Каповой пещере. Правда, до сих пор мезолитические стоянки Урала датировали более поздним временем, чем плейстоцен, когда жили мамонты и носороги на Урале. Но вот сравнительно недавно были открыты стоянки, где трапеции и треугольники из яшмы были найдены вместе с костями мамонта. Одну из таких стоянок недавно раскопали в Курганской области, чуть севернее Ташбулатова⁶⁰. Теперь уже стало несомненным, что охотники, изготовлявшие геометрические микролиты, появились на Южном Урале тогда, когда здесь еще водились мамонты.

Любопытно, что вообще рисунки в пещерах имеются в немногих странах. Они известны на юге Франции, в Испании и на Урале. Причем французские и испанские рисунки довольно сходны с южноуральскими. Чем же объяснить это сходство и почему в пещерах других стран континентальной Евразии таких рисунков нет? Ответить на этот вопрос пока не представляется возможным, но интересно, что и там — на юге Франции и Испании — и на Урале сходны не только рисунки, но материальная культура, то есть, как мы уже говорили, и там и

*Скульптура
из обожженной глины.
Стоянка Сабакты III.
IV—III тыс. до н. э.*

здесь распространены культуры с геометрическими микролитами. Вряд ли такое сходство случайно. Конечно, рисунки в пещерах Франции и Испании датируют очень ранним временем, а микролиты относят к более позднему (как недавно делали и на Урале) времени, но в датировках рисунков в пещерах еще много неясного. Не исключено, что какая-то часть их тоже, как и на Урале, окажется одновременной геометрическим микролитам, и тогда можно будет говорить, что и на Урале и в странах Средиземноморья рисунки в пещерах оставили родственные племена. Может быть, переселившись с засушливого Ближнего Востока, они встретили в новых местах настолько необычных животных, что создали сложный культ их почитания, частью которого являлись святилища с рисунками в пещерах. Но это предположение не более как гипотеза, так как фактов для решения проблемы происхождения пещерной живописи пока еще маловато.

К сожалению, это искусство жило относительно недолго. Уже в мезолите рисунки перестают наносить в пещерах. Правда, на Урале и в Средиземноморье еще долго на скалах продолжают рисовать животных и даже человека⁶¹, но в зоне яшмового пояса таких рисунков найдено пока очень мало.

Однако на стоянках неолита и энеолита на Карабалыктах и особенно на соседних с ними озерах — Сабакты и Банное — мы встретили другие произведения первобытного искусства и даже «портрет» человека каменного века. Изображение человеческой головы из обожженной глины мы нашли при раскопках стоянки Сабакты III. Размеры головки невелики — высота около 3 см, ширина в профиль — около 2,5 см, в фас — менее 2 см. У вылепленного из глины человека далеко выступающий нос с горбинкой, высоко посаженные глазки, высокий лоб, борода и длинные волосы, ниспадающие на шею. На макушке волос нет, но на затылке они процарапаны тщательно. Видимо, изображался человек в летах, лысый. Глиняная скульптурка пожилого мужчины — это пока единственный «портрет» человека каменного века яшмового пояса Урала. Правда, на юге, на Ближнем Востоке и в Средней Азии довольно рано (около 6—8 тысяч лет назад) появляются фигурки людей из обожженной глины. А в IV тысячелетии до н. э. в Средней Азии изображались мужчины с бородами, ниспадающими на спину косами и с сильно выступающим носом. Может быть, статуэтка из Сабактов — это подражание восточным образцам скульптуры, так как для Урала подобные фигурки не типичны. Кроме сабактинской здесь известна только одна статуэтка из глины. Ее нашла В. Раушенбах на стоянке Мыс Березовый⁶². Но у березовской скульптуры нет головы, вместо нее небольшое утолщение, зато очень рельефно показаны все особенности женской фигуры. Вся статуэтка украшена рельефными вдавлениями, видимо, изображающими татуировку. Возможно, мелкую пластику на Урале заменяли рельефные изображения из дерева, бересты, кости, но они плохо сохраняются. Большая их часть найдена севернее яшмового пояса Урала — под Свердловском и Нижним Тагилом⁶³. На стоянках Горбуновского и Шигирского торфяников еще в XIX веке находили идолов из дерева, изображения голов лося из рога, ковши в виде птицы и многое другое. А вот глиняных скульптур мало. На стоянке Мысовая найдены какие-то фигурки из глины, но они больше напоминают катушки, конусы и т. п.

Предполагается, что они играли роль шахматных фигур в древности, но доказательств в пользу этой гипотезы пока мало.

К памятникам искусства принято относить изделия из резного камня с орнаментом⁶⁴.

Орнаментировались в это время и костяные предметы. На одном из костяных кинжалов, найденном у деревни Пеган, чуть восточнее озер яшмового пояса, изображена целая система «загонов» и «ловушек». При первом взгляде на ромбы, зигзаги и изогнутые линии, сплошь покрывающие одну сторону кинжала, кажется, что все это лишь орнамент. Но под увеличением видно, что каждая черточка складывается из мелких ромбиков, в целом составляющих сложную систему загоронок.

Но самый богатый орнамент был на сосудах каменного века, он был сходен с чебаркульским и муратовским. Рисунки здесь также большей частью выдавливались специальными штампами, мы нашли их в большом числе на стоянках озер яшмового пояса. Они, как правило, изготовлялись из округлых, тщательно отшлифованных плоских галек желтоватого или зеленоватого с блестками цвета или из створок раковин. По острым краям их наносились прорези. Если надавить таким штампом по мокрой глине (или пластилину), то получится рисунок, сходный с оттиском гребенки. Оттиски такого штампа поэтому часто называют «гребенчатыми» или «зубчатыми».

Здесь тоже главным персонажем древних рисунков была «уточка». Изображалась также «вода», бахрома над которой, видимо, означала облака и всякие «рыболовные» сюжеты. Удивительнее всего было то, что на всех стоянках, где попадались нам такие красочные рисунки «уточек», озер и т. п., орудий рыболовства мы уже почти не находили. Преобладали кости домашних животных и изредка металлические изделия. Может быть, так же как нельзя было называть имя близкого человека, нельзя было изображать то, чем жил человек в то время, то есть водоплавающую птицу, рыбу и т. п. Но когда рыболовство перестало быть главным занятием населения, этот запрет был снят, и теперь уже запретными стали изображения животных.

Может быть, именно поэтому рисунки мамонтов скрытаны в глубокие тайные пещеры, а не нарисованы на открытых местах. Может быть, именно по этой причине отсутствуют лица на фигурках «мадонн» каменного века.

Интересны находки на озерах яшмового пояса, но о всех о них не расскажешь. Лучше всего посмотреть их. И такая возможность скоро представится всем желающим. На северном берегу озера Банное создается музей, где экспонируется целиком одна из землянок каменного века. Собственно весь музей сооружается на месте древних поселений, а один из павильонов — над землянкой первобытного человека. В этой землянке все сохраняется так, как было около семи тысяч лет назад: и орудия, и керамика, и остатки древних горнов и очагов. В музее можно будет увидеть и сотни тысяч изделий из яшмы, которые найдены при раскопках стоянок на озерах Банном, Карабалыкты и других. К сожалению, в этом музее мало находок более позднего периода — эпохи бронзы и железа. И это не случайно. Дело в том, что стоянки медно-каменного века на озерах яшмового пояса — это последние древние поселения в озерном крае. Кончается каменный век, и исчезает все многочисленное население озер яшмового пояса Урала. Почему? Может быть, не нужен стал камень; так как люди научились здесь же добывать медь? Вряд ли, так как каменные, в том числе и яшмовые орудия продолжают изготавливаться еще не одну сотню лет после того, как опустели озера яшмового пояса. Так почему обезлюдели озера? Не сразу мы нашли ответ на этот вопрос. Только после того как детально обследовали все места вокруг озер, мы начали догадываться, куда и почему ушли озерные жители. Оказалось, что вскоре после того как исчезло население с озер, появилось довольно много поселений в поймах ближайших и удаленных рек, которые до этого были совсем необитаемыми. Развивающееся скотоводство требовало пастбищ. Уровень озер не меняется тысячи лет, берега каменистые, травы мало. А скоту нужен корм. Иное дело заливные поймы речушек — здесь всегда обильный корм для скота. Вот туда-то, видимо, и ушли озерные жители около четырех-пяти тысяч лет назад.

Итак, открыв около ста тысяч лет назад месторождения яшм на Урале, первобытные люди около четырех-пяти тысяч лет назад покидают обжитые озера и уходят сначала на близкие, а потом и на все более далекие реки, расселяясь вплоть до Камы, Волги и Оби. Начинается эпоха металла, камень выходит постепенно из употребления, яшмовый пояс перестает быть густо заселенным на тысячелетия. Пытаясь проследить пути расселения первооткрывателей яшмы, мы решили изучить окрестности яшмового пояса.

ЯИЦКИЕ КАЗАКИ, БАШНЯ ТАМЕРЛАНА. Первый взгляд на карту маршрута, и уже невероятное изумление — Париж? Любопытно — почему так назван поселок в Челябинской области? Что общего он имеет с прославленной столицей Франции? Снова смотрю на карту и... новые неожиданности — рядом с Парижем Порт-Артур! От Парижа до Порт-Артура всего 25 километров. Можно пройти пешком за один день. Тут и Москва! От Порт-Артура до Москвы 18 километров. А от Москвы до Лейпцига — 30 километров. Тут же Тарутино, Берлин, Бородино, Варшава, Чесма, Фершампенуаз, Балканы и Полтава! Ну и чудеса!

Кто же собрал сюда за Урал все эти звучные названия и так щедро раздарил их небольшим уральским поселкам и деревням? Видимо, казаки. Яицкие казаки. Удивительный это народ. Более пяти веков назад смелые и предприимчивые люди со всей Руси начали стекаться сюда, предпочитая борьбу с неведомыми ужасами неизвестного края феодальному гнету и произволу.

Они-то и нарекли свои поселки громкими именами завоеванных ими городов и мест их славных сражений.

История русского казачества — это история русской волины. Наиболее активная часть крестьян издавна уходила от феодалов и селилась по окраинам Руси — на Дону, на Волге, на Днепре. В XVI веке поволжское казачество стало опять перед угрозой порабощения помещиками и начало уходить дальше на восток — на Урал и за Урал, на реку Яик.

Путешествие по казачьему краю очень интересно и приятно. Перелески, озера с низкими берегами, волнующиеся бескрайние нивы придают особую прелесть этим местам.

Обследовав речки Гумбейка, Зингейка и Бахта и открыв десятка два курганов и стоянок, мы решили дальше ехать поездом к последнему крупному месторождению уральских яшм — к Орскому.

У станции Тамерлан даже из вагона проходящего поезда можно увидеть величественную башню-мавзолей. Эту башню с незапамятных времен считают башней Тамерлана и говорят, что здесь похоронен грозный владыка Востока. Именем Тамерлана названа и станция железной дороги.

Другие легенды рассказывают, что здесь будто бы захоронена одна из жен грозного завоевателя. Поэтому у нее еще одно название — «Башня Кэсенэ». Она одиноко возвышается в степи, напоминая собой огромный ка-

*Башня Тамерлана.
XII—XV вв.*

менный колокол. Рассказы о ней еще в XVIII веке слышал И. Лепехин.

И сейчас на Урале говорят, что башня построена по воле Тамерлана, решившего увековечить память о трагической гибели жены. Говорят, что она была выкрадена тамерлановскими воинами и насильно увезена в Бухару. Ее жених Мингерей, пройдя через множество преград, спасает Кэсенэ и скачет на «верном скакуне» в родные края. Тамерлан, страстно полюбивший пленянку, в гневе и отчаянии велит догнать беглецов. На том месте, где сейчас стоит башня, они были настигнуты спящими. Мингерей, не успевшего проснуться, сразу же зарубили, а Кэсенэ, увидев это, заколола себя кинжалом.

По велению Тамерлана тело Мингерейя было изрублено на куски и разбросано по полю (поэтому здесь будто бы было много ворон и само место называется «Вороньим полем»), а Кэсенэ с почестями похоронили. За две ты-

сячи верст возили для мавзолея камни, и на каждом из камней было высечено имя гордой девушки.

От станции Тамерлан до мавзолея совсем недалеко, приятно прогуляться и пешком, он стоит на берегу пересохшего озера Кисяне. В отчетах археологической комиссии за 1889 год сохранилось любопытное описание мавзолея, составленное известным исследователем того времени — Петри⁶⁵. Мавзолей представляет собой прямоугольное монументальное кирпичное здание высотой около шестнадцати метров. На здании двенадцатигранная пирамида башни. В то время еще хорошо сохранилась часть портала с пилонами. Сейчас портала уже нет. Внутри мавзолея в углах — полукруглые тромпы, своды, которые в средние века на Востоке сооружались для того, чтобы над четырехугольным в плане зданием возвести круглый купол или барабан. Здесь тромпы были устроены для перехода от прямоугольного здания к двенадцатиугольному барабану. В углах нишеобразных сводов тромпов видны треугольные выступы кирпичей, в несколько рядов один над другим, в шахматном порядке. Это мукарны, или сталактиты. Они располагаются в строгом порядке друг над другом, образуя своеобразную террасовидную кровлю. Углом выступающие кирпичи, положенные в три ряда, служили основанием для нависающего между ними следующего ряда такой же кладки. Всего было четыре ряда мукарнов в каждом углу мавзолея.

В литературе⁶⁶ этот мавзолей обычно сравнивается с памятниками XV века Азербайджана и Армении, так как для Средней Азии будто бы не характерны многогранные пирамидальные мавзолеи. В Средней Азии кубические здания с призматическим верхом, как правило, завершаются куполами сферической формы. Считается, что этот мавзолей выстроили армянские зодчие в XIV—XV веках. Но, путешествуя по Средней Азии, я столкнулся с мавзолеем Куня-Ургенч в Туркмении. У этого мавзолея XII века, так же как и у мавзолея на озере Кисяне, — портал, а над четырехугольным зданием возвышается также двенадцатигранный барабан и купол. Видимо, мавзолей на озере Кисяне относится к более раннему времени, чем принято считать.

Еще в XIX веке предпринимались попытки произвести раскопки в мавзолее на озере Кисяне, чтобы узнать, для кого же он был построен. Во время раскопок Петри нашел на полу кости человека, а ниже — угли и пережженные кости. Еще глубже оказалась могила, в которой

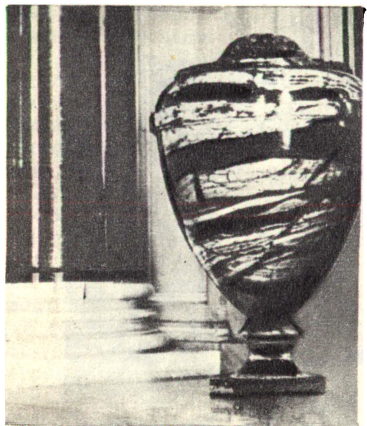

*Центральные ворота
Наслединской крепости.
Первая половина
XIX в.*

находился лубок с черепом женщины. Шея погребенной была обмотана шелковой тканью, на черепе лежали две золотые серьги с двумя жемчужинами, у шеи — яхонт, на пальцах рук — два золотых перстня, украшенные арабесками и небольшими зеленовато-голубыми камнями.

Погребение это обычно датируется XIV—XV веками, но нет никаких данных, что именно для этой женщины был построен мавзолей. Не исключено, что в мавзолее было и более древнее погребение.

Тимур (Тамерлан) бывал в этих приуральских краях. Здесь произошла его знаменитая битва с Тохтамышем. В степях Приуралья часто встречаются курганы с кирпичной кладкой, оставшиеся от того времени. Местное население считает их остатками провалившихся мечетей. Но это остатки мавзолеев, построенных без фундамента из необожженного сырцового кирпича и поэтому быстро развалившихся.

*Ваза из орской яшмы.
XVIII в. Гос. Эрмитаж*

Из старинных крепостей лучше всего сохранились казачьи укрепления Наслединской крепости, расположенной около границы Челябинской области и Казахстана.

В Наслединском, как и в Великопетровском, каменные ограды были построены в первой половине XIX века и потому выглядят относительно хорошо. Центральные ворота Наслединской имеют широкую арку, достаточную для того, чтобы можно было в крепость ввезти и пушку и большой воз с припасами, а при необходимости во время осады через большие ворота можно было устроить вылазку сразу большим отрядом, а не по одному, что было опасно. Массивные ворота и стены могли хорошо защищать крепость от осады.

Конечно, Наслединская крепость не могла равняться с такими крупными крепостями, как Оренбург или Орск, но и она представляла собой определенную военную единицу. В 1844—1847 годах в Наслединской и Николаевской станицах строятся даже каменные храмы.

*Ваза из орской яшмы.
XVIII в. Гос. Эрмитаж*

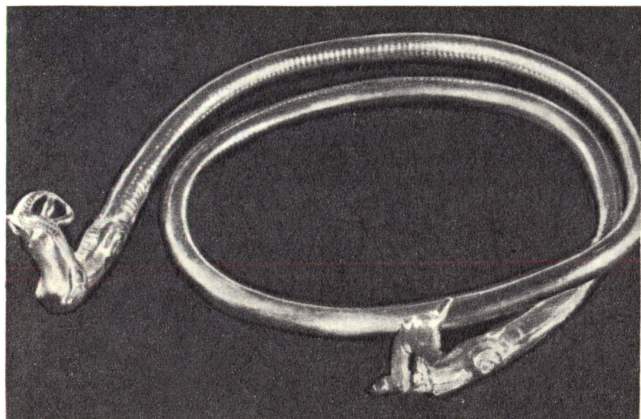
ОРСКИЕ ЯШМЫ. ОРЕНБУРГ И ОРСК. Академик А. Ферсман, описывая минералы Советского Союза в книге «Путешествие за камнем», на титуле книги поместил только шесть кусочков камня, и все шесть оказались орскими яшмами. Ферсман писал об орских яшмах: «Трудно дать исчерпывающую характеристику этой яшмы — настолько разнообразны ее рисунок и окраска, свыше двухсот разновидностей яшмы знаем мы в этом районе, и лучшие рисунки и расцветки относятся именно к яшмам этого месторождения»⁸⁷.

Подъезжая к Орску, мы вспомнили, что в Эрмитаже, в зале Леонардо да Винчи, между колоннами из кушкульдинской яшмы стоят две вазы из орской яшмы работы XVIII века. На них нет никаких украшений — ни орнамента, ни позолоты, но они превосходны. Темно-вишневые, почти черные широкие полосы и пятна перемежаются на них со светло-желтыми и кремовыми, создавая резкий контраст двух, казалось бы, полярных цветов —

*Сосуд с клинописью
и иероглифами
из Новоорских курганов.
IV в. до н. э.*

белого и черного с различными оттенками. По форме они напоминают что-то среднее между античным психтером и амфорой. Стройная, очень соразмерная величине вазы ножка, небольшой ободок по венчику, крышка с шишкой наверху — все это перевивается «лентой» темно-вишневого цвета на светло-кремовом фоне. Вспомнилось, что в зале голландской живописи XVII века стоит еще одна ваза из орской яшмы в форме кратера без ручек. Но самые интересные вазы из этой яшмы, пожалуй, выставлены на парадной лестнице Эрмитажа. У меня почему-то всегда рядом с ними возникает образ кленового сада глубокой осенью, когда клен желтеет и вся роща светится золотом в самую пасмурную погоду. А замечали ли вы, как нарядно выглядят только что упавшие на буроватую и блестящую от дождя землю крупные листья клена? Местами они так плотно покрывают землю, что она вся кажется золотой, только кое-где проглядывают кусочки бурой, почти черной, блестящей от влаги почвы.

*Золотая гривна
из Новоорских курганов.
V—IV вв. до н. э.
Музей
изобразительных
искусств
им. А. С. Пушкина*

Даже ступать как-то боязно по этому золотому великолепию кленового ковра. Расцветка яшмы на вазах напоминает такую осеннюю золотую листву, только что опавшую на буроватую, почти черную, обильно смоченную осенними дождями и потому блестящую землю. Художник настолько хорошо это понял, что дополнил верх и низ вазы золочеными украшениями.

В верхней части ваз идут виноградные лозы, а две золоченые козлиные головки сатиров задумчиво смотрят по сторонам. Длинные рога сатиров вьются вокруг выступа поддона вазы и переплетаются, встретившись посреди вазы. Под плинтом — небольшая подставка из золоченой бронзы. Цвет бронзы сливается с золотом яшмы, и кажется, что эти головки козликов вырастают из яшмы.

На бронзовом основании вазы выгравирована надпись: «Дел. в Петерб. фабр.». Вазу относят к концу XVIII века и сравнивают обычно с работами лучших французских мастеров XVIII века.

Где же находятся месторождения этой красивейшей Орской яшмы? Дело в том, что вначале, в 1735 году, на месте современного Орска был заложен город, который был назван Оренбургом. Оренбург и означает город на реке Ори. Вскоре, однако, было признано, что в случае военных действий Оренбург находится не в выгодном положении: место низменное, открытое, для укрепления неудобное. В 1739 году было решено перенести Оренбург на новое место, на 180 верст ниже по течению Яика, а название сохранить прежнее. Но новое место, выбранное для города, тоже оказалось неудобным.

Поэтому в 1792 году в третий раз Оренбург был перенесен к Бердянской крепости. Те города, которые были вначале местами «обитания» Оренбурга, продолжали существовать, но под другими названиями. Один из них назывался Орском, а второй — Красногорской станицей.

В 1769 году Орск посетил молодой адъютант Академии наук П. Паллас. Паллас обратил внимание на то, что Преображенская гора, на склоне которой раскинулась большая часть города, состоит из разнообразных яшм различных оттенков. В окрестностях города тогда уже были каменоломни, добывавшие камень исключительной красоты.

Много лет спустя А. Герцен в знаменитом романе «Кто виноват?» писал: «Орская крепость вся стоит на яшме и на благороднейших горно-каменных породах...»

Когда поднимаешься по горе к старинной орской башне, то под ногами повсюду встречаются яшмы. До сих пор вся Преображенская гора усыпана яшмами. Дореволюционный Орск в основном и был знаменит своими яшмами.

Еще сравнительно недавно А. Ферсман указывал, что лучшие выходы яшм на горе Полковник, которая находится в шести-семи километрах от города. Сейчас городские строения приблизились почти вплотную к горе Полковник. Но орские яшмы, черные со светлыми и темно-вишневые с желто-коричневыми полосками, все еще не иссякли. Их и сейчас добывают для нужд нашей камнерезной промышленности. Идут они и на экспорт.

Заканчивая наше путешествие, мы решили заглянуть к нашим коллегам-археологам, работающим под Орском, и были очень обрадованы. Нам посчастливилось увидеть редкие находки. Хоть они были сделаны и не из яшмы, о них стоит сказать. Начальник Оренбургской экспедиции доктор исторических наук К. Смирнов показал нам найденный в кургане под Ново-Орском сосуд, на котором

было что-то написано на трех языках. Самое интересное в этой трилингве было то, что она написана древнеегипетскими иероглифами, второй раз — клинописными знаками и третий — древнеперсидскими письменами. Два из трех этих языков еще недавно были совсем неизвестны. Когда во время похода Наполеона в Африку там были найдены на одном Розетском камне две надписи на разных языках, то, как известно, началась впервые расшифровка древнеегипетских иероглифов. находка трехязычной надписи под Орском играет не меньшую роль, она поможет продолжить расшифровку древних языков. Сейчас надпись расшифрована, она гласит: «Я Артаксеркс, царь великий, царь царей, царь стран многоплеменных; царь этой земли». Вместе с сосудом с трехязычной надписью в том же Орске была найдена гривна весом в 800 граммов чистого золота. На конце ее очень искусно изображены головки козлов.

Любопытны и другие находки археологов в Оренбуржье, но все-таки славу этому краю принесли впервые изделия русских мастеров-камнерезов, изготовивших из благороднейшей орской яшмы великолепные и неподражаемые шедевры.

Вместо заключения: Хватит ли на наш век яшмы?

Вот и окончено наше путешествие по яшмовому поясу Урала. Конечно, мы посетили далеко не все месторождения яшм, в прошлом веке их насчитывалось около двухсот, за один раз все их и не осмотришь, но, видимо, наше путешествие было бы не полным, если бы мы ничего не сказали о том, что делается с яшмой в наши дни и хватит ли и на наш век яшмы?

Яшма разрабатывается очень давно — больше десяти тысяч лет — и продолжают разрабатывать в наши дни.

Советское правительство с самых первых лет своего существования придавало большое значение возрождению древнего камнерезного искусства.

Советские камнерезы производят большое количество изделий из камня, которые по-прежнему пользуются огромным спросом за границей. И конечно, они еще создадут немало всевозможных высокохудожественных изделий из русского цветного камня, которые еще больше прославят нашу Родину.

Но не всегда бережно мы относимся к тем сокровищам, которые имеются в недрах нашей земли. Иногда приходится наблюдать, как яшму забутовывают в фундаменты, дробят для устройства дорог и добывают с помощью взрывов. При этом гибнет очень много ценного сырья, и невольно задумываешься над вопросом — а хватит ли на наш век яшмы?

Кажется — хватит, но если расходовать этот ценный минерал неразумно, то может и не хватить для ближайших наших потомков. Нужно быть, видимо, более рачи-

тельными хозяевами своих богатств. В связи с этим вспоминается любопытная история, которую я недавно прочитал в книжке «Мир человека»⁶⁸. В ней рассказывается, что врач из литовского села Мосодис решил создать музей природного камня. Собственно, это не было обычное здание, где на полочках под стеклом разложены минералы. Нет. Он просто стал собирать со всей округи крупные, чем-нибудь интересные камни и выкладывать их около больницы, в которой работал. Вначале над ним смеялись, а потом даже «колхоз начал регулярно помогать машинами, автокранами, подсобной силой». Шоферы знают: если Интас говорит — надо ехать, значит, дело стоящее, нашел что-то интересное. Это «что-то» становилось интересным для других. Односельчане привыкли к мысли — за красивым, интересным не обязательно ездить куда-то далеко. Оно здесь, рядом, вокруг — нужно только увидеть. И коллективное мнение колхоза привело к решению: в ближайшем будущем создать музей камня, с постройками, садом, отведя десять гектаров такой для крестьянина дорогой земли.

И этот музей камня создается не из драгоценных камней, самоцветов или пестроцветных яшм, а в основном — из самого простого литовского камня.

Жителям яшмового пояса Урала не нужно для создания музея свозить минералы со всех концов страны, как это делает литовский врач Интас; музей у них создан природой, и музей первоклассный, лучший в мире музей камня. Нужно только разглядеть его экспонаты среди суеты текущих дел, домашних забот и мелких невзгод. Нужно только научиться ценить то красивое, что окружает нас повсюду и, самое главное, бережно, по-хозяйски относиться к нему. Не затапывать в грязь чудесные самоцветы, которые щедрая матушка-природа рассыпала вокруг нас, не уничтожать их так, походя, ненароком или при строительстве самого архиважного сегодня, а сберечь все и для себя, и для внуков, и правнуков своих. И, право же, жизнь станет лучше и интереснее, когда начнешь понимать великолепие, окружающее тебя повсюду, и научишься беречь Красивое.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Ферсман А. Е. Путешествие за камнем. М., 1960, с. 56—57.

² Путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1899, с. 141.

³ Полное собрание законов Российской империи, т. 5. Спб., 1830, с. 760.

⁴ Архитектура древнего мира. Всеобщая история архитектуры, т. 1. М., 1970, с. 214, 218.

⁵ Герман И. Историческое начертание горного производства в Российской империи. Екатеринбург, 1810, с. 1—3.

⁶ Древнее искусство. Л., 1974, с. 60—61, 173

⁷ Менге И. Н. Минералогические наблюдения, сделанные И. Н. Менге во время путешествия его по Уральским горам.— «Труды Минералогического общества», ч. 1, 1830, с. 232—271; Ильменский заповедник. Челябинск, 1975, с. 4.

⁸ Розе Г. Путешествие по Уралу Гумбольдта, Эрнберга и Розе в 1829 г. Екатеринбург, 1873. Ильменский заповедник, с. 8.

⁹ Ферсман А. Е. Путешествие за камнем, с. 57.

¹⁰ Там же, с. 527.

¹¹ Горный журнал. 1834, № 2, с. 145.

¹² Центральный государственный исторический архив СССР (ЦГИАЛ), ф. 468, оп. 12, д. 1138, 1832 г.

¹³ Ильменский заповедник, с. 10.

¹⁴ Пешкин И. Павел Петрович Аносов. М., 1954, с. 44.

¹⁵ Путеводитель по Уралу. Екатеринбург, 1902, с. 41.

¹⁶ Весновский В. А. Спутник туриста по Уралу. Екатеринбург, 1902.

¹⁷ Репин М. Е. Касли. Челябинск, 1940, с. 89.

¹⁸ Пешкин И. Указ. соч., с. 60.

¹⁹ Там же, с. 41—42.

²⁰ Путеводитель по Уралу. Екатеринбург. 1902, с. 53.

²¹ Ферсман А. Е. Рассказы о самоцветах. М., 1957, с. 179—180.

²² И сейчас самоцветы поражают своими свойствами. Например, в 1960 г. через кристалл рубина, покрытый серебром, был пропущен свет. Кристалл генерировал луч, в миллион раз более яркий, чем соответствующий луч солнечного спектра. Этот луч осветил на расстоянии 40 км круг диаметром в 60 м. Такие устройства сейчас широко стали применяться. Они называются лазеры, по

начальным буквам английского названия: Light amplification by stimulated emission of radiation — усиление света посредством стимулирования излучения.

²³ Это сказание приводит А. Куприн в своей повести «Суламифь».

²⁴ Максимова М. И. Античные резные камни. Л., 1926, с. 21.

²⁵ Секунды Кайя Плиния. Естественная история ископаемых тел, переложенная на русский язык <... > трудами В. Северина. Спб., 1849.

²⁶ Самоцветы Урала. Свердловск, 1937, с. 81.

²⁷ Там же, с. 92.

²⁸ Лазарев А. Поэтическая летопись заводов Урала. Челябинск, 1972.

²⁹ Ферсман А. Е. Рассказы о самоцветах, с. 160.

³⁰ Мамин-Сибиряк Д. Н. Самоцветы. — «Рус. мысль». Кн. 3. М., 1890.

³¹ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 12, д. 698, 1856.

³² Мамин-Сибиряк Д. Н. Вертел. М., 1929.

³³ В ЦГИАЛ хранятся дела с любопытными названиями по этому поводу. Например: «О подарении двух маляхитовых ваз шведскому принцу», «О выписке в расход каменных вещей, выбранных императрицей Марией Александровной в вояж за границу», «Об отправлении четырех колонн из яшмы в подарок папе Григорию IV на 27858 руб.» и др.

³⁴ Алфавитная опись вещам, находившимся в комнатах Эрмитажа. Архив Гос. Эрмитажа, оп. 4, связка «К», д. 7.

³⁵ Опись вещам, находящимся в комнатах Эрмитажа.

³⁶ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 12, д. 1138, 1831 г.

³⁷ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 12, д. 1193, 1828 г.

³⁸ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 12, д. 1170, 1835 г.

³⁹ Ферсман А. Е. Путешествие за камнем, с. 114.

⁴⁰ Воронихина А. Н. О роли архитектора Воронихина в русском камнерезном искусстве. — «Самоцветы», 1961, № 1, с. 70 и сл.

⁴¹ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 12.

⁴² Иностранцев А. А. Доисторический человек каменного века на побережье Ладожского озера. Спб., 1882.

⁴³ Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства в 1769—1770 гг. Ч. 1. От Табынска до Екатеринбурга. Спб., 1770, с. 178—179.

- ⁴⁴ Яшму повелено было искать Вейцу лично царем Николаем I (ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 12, д. 408).
- ⁴⁵ ЦГИАЛ, ф. 468, оп. 12, д. 408.
- ⁴⁶ «Труды Оренбургской ученой архивной комиссии». Вып. 7. Оренбург, 1900.
- ⁴⁷ Лазарев А. Указ. соч.
- ⁴⁸ Мельников-Печерский П. И. Дорожные записки. — Полн. собр. соч., т. 12. Спб. — М., 1898, с. 201—202.
- ⁴⁹ Бажов П. П. Собр. соч., т. 3, с. 282.
- ⁵⁰ Стоколос В. С. Культура населения бронзового века Южного Зауралья. М., 1972.
- ⁵¹ Пирамиды на Урале. — «Правда», 1974, 19 ноября.
- ⁵² Магнитка, Челябинск, 1962; Магнитка, Челябинск, 1971; Петров Ю. Магнитка. М., Политиздат, 1970.
- ⁵³ Локвуд Д. Я — абориген. М., 1971.
- ⁵⁴ Матюшин Г. Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976.
- ⁵⁵ Матюшин Г. Н. У колыбели истории. М., 1972
- ⁵⁶ Левин В. Время, врезанное в камень. — «Знание — сила», 1975, № 3, с. 29.
- ⁵⁷ Бадер О. Н. Каповая пещера. М., 1965.
- ⁵⁸ Музей антропологии и этнографии АН СССР, ф. № 514.
- ⁵⁹ Биокка Этторе. Яноама. М., 1872.
- ⁶⁰ Петрин В. Т., Смирнов Н. Г. Палеолитический памятник в Шикаевке на правом берегу Тобола. — В кн.: Вопр. археологии Урала. Вып. 13. Свердловск, 1975.
- ⁶¹ Чернецов В. Н. Наскальные изображения Урала. М., 1971.
- ⁶² Раушенбах В. М. Раскопки стоянок в южной части Аятского озера. — В кн.: Вопр. археологии Урала. Вып. 2. Свердловск, 1962, с. 51.
- ⁶³ Мошинская Г. И. Древняя скульптура Урала и Западной Сибири. М., 1976.
- ⁶⁴ Формозов А. А. Очерки по первобытному искусству. М., 1969, с. 139.
- ⁶⁵ Отчет Императорской археологической комиссии за 1889 г., разд. 7. Спб., 1892.
- ⁶⁶ Материалы и исследования по археологии, № 58. М., 1957, с. 92—95.
- ⁶⁷ Ферсман А. Е. Занимательная минералогия. Свердловск, 1954, с. 113.
- ⁶⁸ Мир человека. М., 1973.

ЛИТЕРАТУРА, НЕ УПОМЯНУТАЯ В ПРИМЕЧАНИЯХ

- Бадер О. Н. Каповая пещера. М., 1965.
- Белов В. Исторический очерк Уральских горных заводов, 1896.
- Ефимова Е. М. Русский резной камень. М., 1961.
- Зверев П. Е. Гранильный промысел на Урале. Екатеринбург, 1887. Из истории Урала. Свердловск, 1960.
- Комар И. В. Урал. М., 1959.
- Кузеев Р. Г. Происхождение башкирского народа. М., 1974.
- Лепехин И. И. Дневные записки путешествия по разным провинциям Российского государства. Спб., 1771—1805.
- Мажитов Н. А. Тайны древнего Урала. Уфа, 1973.
- Матюшин Г. Н. Археология в школе. М., 1964.
- На Южном Урале. Сб. статей. М., 1958.
- Очерки по истории Башкирской АССР, т. 1, 2. Уфа, 1966.
- Павловский Б. Касли. Свердловск, 1957.
- Павловский Б. В. Декоративно-прикладное искусство промышленного Урала. М., 1975.
- Паллас П. С. Путешествия по разным местам Российского государства. Спб., 1786.
- Первобытное искусство. Новосибирск, 1971.
- Пещеры Урала. М., 1971.
- Полетика И., Блинов М. История основания русских горных заводов. Спб., 1862.
- Преображенский А. А. Урал и Западная Сибирь в конце XVI— начале XVII в. М., 1972.
- Раушенбах В. М. Среднее Зауралье в эпоху неолита и бронзы. М., 1956.
- Сальников К. В. Древнейшие памятники истории Урала, Свердловск, 1952.
- Смолин А. П. Яшмы Урала и Алтай. М., 1968.
- Соловьев М. Е. Начало горного промысла на Урале. Екатеринбург, 1890.
- Терегулов Г. Н., Геллерман И. И. Курорты Башкирии. Уфа, 1968.
- Шагинян М. Урал в обороне. М., 1944.
- Эдинг Д. Н. Резная скульптура Урала. М., 1940.

Фотографии выполнены А. М. Макмаевским и автором; фотографии № 2—7, 9, 10 выполнены С. Т. Бочаровым, № 16 — В. Т. Петриным, № 35 — Л. Н. Петровым.

ГЕРАЛЬД НИКОЛАЕВИЧ МАТЮШИН

ЯШМОВЫЙ ПОЯС УРАЛА

Редактор

Г. Н. ПЕРЕПЕЛКИНА

Оформление серии художника

Ю. К. КУРБАТОВА

Рисунки к карте художника

Ю. И. РАППОПОРТА

Художественные редакторы

Е. Е. СМИРНОВ, Е. А. БЕЛОВ

Технический редактор

А. Н. ХАНИНА

Корректор

З. П. СОКОЛОВА

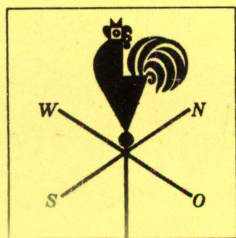
Сдано в набор 5/III-1977 г. Подп. в печать 3/VIII-1977 г. А12713. Формат бумаги 70 × 90¹/₃₂. Бумага тифдручная. Изд. № 1195. Усл. печ. л. 6,435. Уч.-изд. л. 8,25. Тираж 75 000 экз. Зак. 326. Цена 55 коп. Издательство «Искусство», 103051 Москва, Цветной бульвар, 25. Ордена Трудового Красного Знамени Калининский полиграфический комбинат Союзполиграфпрома при Государственном комитете Совета Министров СССР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. г. Калинин, пр. Ленина, 5.

КНИГА ЗНАКОМИТ ЧИТАТЕЛЯ
С ИСТОРИЕЙ
КАМНЕРЕЗНОГО ИСКУССТВА УРАЛА,
МЕСТОРОЖДЕНИЯМИ ЯШМ НА УРАЛЕ,
СПОСОБАМИ ИХ ОБРАБОТКИ
В ДРЕВНОСТИ
И В XVIII — XIX ВЕКАХ,
С НАИБОЛЕЕ ВЫДАЮЩИМИСЯ ИЗДЕЛИЯМИ
КАМНЕРЕЗНОГО ИСКУССТВА,
ХРАНЯЩИМИСЯ В ЭРМИТАЖЕ.

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ

ДОРОГИ К ПРЕКРАСНОМУ